Шеф гестапо Генрих Мюллер

Грегори Дуглас

SHOUT
SHARE
IT

- Дуглас Грегори
  - ○

Дуглас Грегори
Шеф гестапо Генрих Мюллер

Грегори Дуглас
Шеф гестапо Генрих Мюллер
Вербовочные беседы
ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Жив или мертв начальник Государственной тайной полиции Третьего рейха (гестапо) группенфюрер СС Генрих Мюллер? Для тех, кто всегда был убежден в смерти этого заплечных дел мастера, сделанное американским журналистом Дугласом "открытие" звучит ошеломляюще: Мюллер жив! Оказывается, в его могиле (над нею стоит мраморное надгробие с именем Мюллера) обнаружены три трупа, не имеющие к Мюллеру ни малейшего отношения! И более того: бывший шеф гестапо не ушел на покой. Он верой и правдой служит американским спецслужбам.

В это трудно поверить. Во-первых, потому, что о реальном Генрихе Мюллере мы не знаем ровным счетом ничего. Во-вторых, потому, что мы привыкли к упитанному баварскому крестьянину в элегантном черном мундире, белокурому, смешливому и, несмотря на все усилия Татьяны Лиозновой и великолепного актера Леонида Броневого, - совсем не страшному.

Теперь, благодаря Дугласу, мы можем представить себе Мюллера гораздо яснее. Дуглас издал в США дневники группенфюрера и, главное, протоколы бесед с ним сотрудника ЦРУ. Беседы эти носят откровенно вербовочный характер Центральному разведывательному управлению крайне важно заполучить в качестве консультанта и пособника того, кто еще совсем недавно заставлял бледнеть от ужаса весь мир.

Разговор весьма интересен. Сотрудник ЦРУ обнаруживает познания не только в истории Третьего рейха, но и деятельности его специальных служб, он строит разговор с изрядной долей коварства, он все время пытается, что называется, ухватить собеседника за язык. Но вот что особенно интересно (это рушит наши привычные представления о беседах подобного рода): Мюллер не только не трусит или смущается - нет! Он противопоставляет своему вербовщику ироничную наглость и такие познания о спецслужбах США и их конкретной деятельности, что собеседник Мюллера сплошь и рядом тушуется и не находит, что сказать. А сведения, которые сообщает бывший гестаповец, не просто интересны.

Они перпендикулярны нашим представлениям о тайной и

явной сторонах Второй мировой войны. Они зачастую скандальны, ужасны, но... нам остается только верить или не верить тому, о чем говорит генерал, как почтительно именует Мюллера сотрудник ЦРУ. Может быть, кому-то покажется, что мы предоставили трибуну политическому извращенцу и садисту, расисту и преступнику? Нет. Мюллер свидетельствует. Это свидетельства истории, и сегодня их незачем стыдливо скрывать.

Познакомимся только с некоторыми фактами (или домыслами - уж это, повторим, как кому угодно). Мы привыкли считать гестапо самым кровавым спецорганом всех времен и народов. Но Мюллер утверждает, что слухи сильно преувеличены. Во-первых, потому, что в Третьем рейхе царствовал режим абсолютной законности, за нарушение которой реально несли ответственность и рядовые, и начальники, а во-вторых, гестапо никого не пытало. Гестапо только имитировало пытки и крики "пытаемых", это были всего-навсего вопли сотрудников, специально отобранных для такой работы. Или наиболее болезненный для мирового сообщества вопрос - еврейский. Да, утверждает Мюллер, гестапо расправлялось с евреями, но только в том, единственном, случае, если было доказано юридически, что эти евреи - враги рейха! Что же до немотивированных убийств, убийств ненависти и злобы - этим отличались поляки: например, в дни Варшавского восстания евреев убивали не солдаты СС, а польская полиция. Настоящие же евреи (в смысле - нормальные, праведные) верой и правдой служили рейху, были либо агентами гестапо, либо просто помощниками немцев в борьбе с крамолой. Хотите - верьте, хотите - нет. Но мы помним: шесть миллионов евреев исчезли во рвах...

Возникает вопрос: какую же цель преследовали эти, "праведные", евреи?

О, утверждает Мюллер, цель была замечательная: создать когда-нибудь еврейское национальное государство и засадить за колючую проволоку всех арабов, проживающих на территории, которую евреи считали своей исторической родиной. Обескураживающая и растлевающая информация, это несомненно, но Мюллер старательно обосновывает свои эскапады.

Итак, по Мюллеру, во всех бедах и несчастьях человечества виноваты евреи и коммунисты. Ничего нового, конечно, в такой позиции нет. Даже у нас, в прошлом, прозвучала подобная точка зрения. В некогда популярном и широко известном фильме "Подвиг разведчика" один из персонажей с пафосом утверждал: "Коммунисты и евреи. Много неопознанных. Знаю".

Но коммунисты еще страшнее. Их секретной агентурой

пронизан земной шар, они управляют событиями и не чураются ни крови, ни измены, ни подлости, ни поцелуев (при необходимости).

"Беседы" завораживают и затягивают. В какой-то момент внимательный и трезвый читатель спохватится и задумается, но опровергать Мюллера трудно Может быть, поэтому "Дневники" и "Вербовочные беседы" разошлись в США практически мгновенно. Поэтому Издательство считает себя вправе, с любой точки зрения, предоставить эту весьма интересную информацию российскому читателю.

А может быть, "Беседы" эти - всего лишь идеологическая мистификация ЦРУ

Кто знает...

Издавая "Беседы", мы вспомнили фразу одного из шекспировских персонажей: "Есть много, друг Горацио, на свете... " Тем более что уровень истины у наших недавних "мудрецов" вряд ли был таким уж высоким.

Пусть каждый выберет свою позицию. Мы понимаем, что эти позиции, скорее всего, будут непримиримыми. Что ж... Тем лучше. Тем интереснее.

Грегори Дуглас, американский журналист, знаток новейшей истории Америки, Германии и России, специфически углубленный во взаимоотношения властных структур, деятельность специальных служб на территории этих трех стран. Его перу принадлежат "Введение", "Исторические предпосылки" и вступления к каждой главе.

ВВЕДЕНИЕ

Ранним утром 25 сентября 1963 года на Кройцбергском военном кладбище в Западном Берлине по распоряжению прокуратуры была вскрыта могила и захороненные в ней останки извлечены для судебного освидетельствования. Надпись указывала, что в могиле покоится Генрих Мюллер, родившийся 28 апреля 1900 года и погибший в уличном бою в Берлине в 1945-м, когда Советская Армия захватила столицу Германии.

На эксгумации настоял Западногерманский центр по выявлению нацистских преступников (г. Людвигсбург). В центр поступила информация, что Мюллер в действительности не погиб в конце войны, а был принят на службу неким иностранным правительством. Для того чтобы доказать или опровергнуть эти сведения, необходимо было удостовериться в том, принадлежат ли захороненные в могиле останки Генриху Мюллеру, о чем Берлинским центральным бюро регистрации было выдано свидетельство о смерти за номером 11 706/45.

Последовавшее паталогоанатомическое исследование

доказало, что в могиле находились останки трех человек, ни один из которых не являлся Генрихом Мюллером {К истории вопроса. В августе 1945 года на территории Министерства авиации был обнаружен труп в форме группенфюрера СС и удостоверение на имя Генриха Мюллера Захоронение этих не идентифицированных останков состоялось 17 сентября 1945 года. Труп привезли на б. кладбище Берлин-Нойкельн и захоронили в одиночной могиле. Эту могилу вскрыли по решению прокуратуры в сентябре 1963 года. Экспертиза установила, что в могиле находятся останки шестерых покойников. В октябре цифра изменилась. Теперь эксперты утверждали, что в могиле находятся останки всего лишь трех усопших. И в то же самое время утверждается, что "захороненный" (?) на самом деле мог быть шефом гестапо. - Примеч. ред.}.

Группенфюрер СС, генерал-лейтенант германской полиции, с 1935 года возглавлявший гестапо, или тайную государственную полицию, Генрих Мюллер родился в семье мелкого чиновника, закончил начальную школу, затем поступил учеником авиационного механика в Баварские авиамастерские Мюнхена. После 3-летнего обучения в июне 1917 года вступил в Германскую армию, завершил свое летное образование (от ученика летчика до боевого пилота) и был зачислен в апреле 1918 года в авиационный полк 278. За военные заслуги в августе 1918 года был награжден Железными крестами первой и второй степени. Он также был удостоен Баварского креста с короной и мечами. Всю войну Мюллер прослужил на Западном фронте.

После войны он поступил в полицию Мюнхена в качестве младшего ассистента. Затем сдал соответствующие экзамены и получил звание офицера полиции. В 1929 году его повысили до полицейского секретаря и он получил назначение в VI отдел Баварской государственной полиции, в подразделение, занимавшееся коммунистами и их деятельностью. В 1934 году Мюллер и некоторые его сослуживцы были переведены в гестапо в Берлине, и 20 апреля 1934 года он вступил в СС в звании оберштурмфюрера. В 1935 году Мюллер возглавил подразделение II (гестапо). В 1936 году он стал начальником отделения гестапо в отделе безопасности. В 1937 году он был повышен в должности до старшего инспектора-криминалиста, и в 1939 году его назначили начальником полиции.

Его карьера в СС развивалась следующим образом: 1 июля 1934 года СС-оберштурмфюрер, 30 января 1935 года - СС-гауптштурмфюрер, 20 апреля 1936 года- СС-штурмбанфюрер, 9 ноября 1936 года - СС-оберштурмбаннфюрер, 30 января 1937 года - СС-штандартенфюрер, 20 апреля 1939 года - СС-оберфюрер, 12

декабря 1940 года- СС-бригадефюрер и генерал-майор полиции и 9 ноября 1941 года - СС-группенфюрер и генерал-лейтенант полиции.

Организация, которой управлял Мюллер, то есть тайная государственная полиция, была основана в 1933 году Германом Герингом, занимавшим в то время пост Верховного министра Пруссии, но затем она перешла в ведение Генриха Гиммлера как часть его строящейся империи. Описание многочисленных изменений, добавлений, слияний и разрастаний гестапо за время ее существования составило бы целый том, поскольку Мюллер, подобно Гиммлеру, тоже был строителем империи. В конце 1944 года гестапо было организовано следующим образом:

RSHA-Amt IV (гестапо)

Amtschef: SS-Gruppenfuhrer und Gen. Lt. d. Polizei. Генрих Мюллер

IV A Fachreferat (специализированные подразделения)

IV B Landerreferat (территориальные подразделения)

IV C Grenzpolizei (пограничная служба)

Эти основные отделы подразделялись следующим образом:

IV AI Левое и правое крыло оппозиции

IV A2 Антисаботаж

IV A3 Контрразведка IV A4 Евреи, христианские церкви IV A5 Особые случаи IV A6 Заключение под стражу для защиты IV BI Западные оккупированные территории IV B2 Восточные оккупированные территории IV B3 Юго-восточные оккупированные территории IV B4 Паспорта и удостоверения личности IV Ba A Правила найма иностранных рабочих IV C Zollgrenzschutz (таможня), инспекция пограничных служб

Хотя по приказу Мюллера в 1945 году большая часть документов гестапо была уничтожена, можно с большой долей вероятности утверждать, что полный список сотрудников гестапо насчитывал порядка 25 000 человек, плюс гораздо большее число V-агентов, или Vertrauensleute, добровольных и оплачиваемых информаторов. Когда в 1943 году система военной разведки (абвер) была расформирована из-за ее малой эффективности, Мюллер сумел получить управление контрразведки в свое ведение. Несмотря на то что в июне 1941 года Гитлер приказал, чтобы радиоперехватом занималась только армия, Мюллер внедрился также и в эту область и к концу войны руководил обширным управлением радиоразведки Данная служба специализировалась на перевербовке неприятельских агентов, чтобы в дальнейшем они поставляли своим бывшим хозяевам ложную информацию и раскрывали забрасываемых или местных агентов.

Гестапо прославилось превосходной систематизацией документов, что позволяло ему очень успешно контролировать население Все немецкие граждане всегда должны были иметь при себе паспорта и обязаны были регистрировать адреса проживания и место работы, так что для гестапо не составляло труда отслеживать каждого жителя страны Помимо этого, гестапо осуществляло прослушивание телефонных разговоров и перлюстрацию почтовых отправлений Подобные методы были весьма распространены и в других западных странах Служба Мюллера не владела современной американской технологией секретного использования личных телевизионных точек, присоединенных к единой кабельной системе для прослушивания частных разговоров, главным образом потому, что в то время телевидение в Германии не было распространено. Но все остальные известные формы наблюдения применялись гестапо вполне успешно, и после войны у победителей возник глубокий профессиональный интерес к ее методам и техническим средствам.

В 1924 году Мюллер женился на Софи Дишнер Ее отец издавал в Баварии газету правого направления, оппозиционную Гитлеру. 4 января 1927 года родился сын Рейнхард, а 9 сентября 1936 года - дочь Элизабет. У девочки были выраженные монголоидные черты, что вызвало серьезные трения в семье Мюллера. В дальнейшем он суженой разошелся (у него был длительный роман со своим личным секретарем, Барбарой Хельмут) Мюллер и его жена были ревностными католиками, и, даже сделавшись высшим офицером СС, Мюллер отказался покинуть церковь В NSDAP {Национал социалистическая германская рабочая партия} он вступил очень поздно, и исключительно под давлением карьерных обстоятельств В действительности Мюллер не был адептом партии в период ее борьбы за власть в Мюнхене в 20-х - начале 30-х годов Когда Мюллер и несколько его сослуживцев были приняты в СС и начали работать в гестапо, сослуживцы, состоявшие в партии, были шокированы и так никогда и не примирились с этим фактом, чувствуя себя оскорбленными. Взлетом своей карьеры и успешной деятельности разведслужб под его началом Мюллер был обязан собственной напористости и безжалостности. Он не любил себя афишировать, и его фотографии весьма редки. Когда после войны власти США разыскивали Мюллера, они тщательно допросили Эрнста Кальтенбруннера, считавшегося его начальником. Комментарии этого человека, не испытывавшего симпатии к Мюллеру и которого тот, в свою очередь, не только не уважал, но и фактически игнорировал, довольно интересны. Вот

цитата из допроса:

"Влияние Мюллера на формирование штата гестапо сказывалось не только в период его основания; позже все должности в отделе IV были заняты людьми, которых он выбрал сам, включая и полицейских представителей на местах... Брак Мюллера был неудачным. У него было двое детей. Один был мальчик 17 лет, призванный на службу перед самым концом войны. Второй ребенок был намного младше. Этот ребенок имел явные монголоидные черты, и считалось, что именно по этой причине Мюллер избегал всякого общения с друзьями и соседями. Из-за неблагоприятной обстановки дома Мюллер проводил почти все время на службе. Круг его общения - сослуживцы: Губер, Пиффрадер, Гейслер, Мейзингер и Готтхальмсейдер... Когда я встретился с ним впервые, я не заметил в нем ничего особенного. Он был невысокого роста, с пронизывающим взглядом темных глаз и не производил впечатление человека открытого и сердечного, но было в его облике нечто привлекательное. При этом он был вежлив ("корректен"), но, возможно, чересчур скромен... У Мюллера была замечательная память, и он помнил каждого человека, с которым хотя бы однажды встречался, и все события. Для Гиммлера он был настоящей живой энциклопедией... Он всегда хотел делать все сам и не давал своим сотрудникам возможности действовать самостоятельно; по существу, эту его скверную привычку критиковал даже Гиммлер".

Существует очень немного описаний того, как Мюллер вел допрос, в чем он был большим мастером. Мюллер отличался большим упорством и иногда проводил допрос несколько часов подряд. У него была замечательная память, и ему почти всегда удавалось извлечь из показаний правду. Единственное сохранившееся свидетельство почерпнуто из записок схваченного гестапо британского агента капитана Беста. Бест был похищен в Голландии после покушения на жизнь Гитлера в ноябре 1939 года и доставлен на допрос к Мюллеру.

"Мюллер был подвижный, невысокий человек чрезвычайно приятной внешности. В своей одежде он подражал Адольфу Гитлеру - серый форменный френч, бриджи в полоску и высокие сапоги. Он начал "давить" на меня сразу, как только вошел, и по мере того как он приближался, он повышал голос с большой виртуозностью. Когда он подошел вплотную ко мне, его голосовые связки были на пределе. "Вы находитесь в руках гестапо. Не воображайте, что к вам здесь будут относиться с изысканным уважением Фюрер уже показал миру, что он непобедим, и скоро он избавит народ Англии от евреев и

плутократов вроде вас. Вам угрожает серьезная опасность, и если вы хотите дожить до завтрашнего дня, вам следует поостеречься". Затем он сел на стул напротив меня и придвинул его как можно ближе, как будто собирался загипнотизировать меня. У него были довольно забавные глаза, которыми он очень быстро водил из стороны в сторону. Вероятно, по замыслу это должно было вселять ужас в сердце сидящего перед ним". Затем Бест столкнулся с Гейдрихом, который закричал на него: ""Пока что с вами обращаются как с офицером и джентльменом, но не думайте, что так будет продолжаться, если ваше поведение не исправится. У вас есть два часа, чтобы признаться во всем. Если вы этого не сделаете, я передам вас гестапо, где привыкли иметь дело с подобными бандитами и преступниками, и вам их методы не понравятся".

Я повернулся к Мюллеру, который стоял рядом, и спросил: "Кто этот неуравновешенный молодой офицер?" Тут Гейдрих совершенно вышел из себя, у него в буквальном смысле выступила пена на губах; по крайней мере, он забрызгал меня слюной. Мюллер быстро выдворил меня из этой комнаты и втолкнул в другую. Позлее он зашел еще раз и сказал, чтобы я не принимая это слишком всерьез: "Суп с плиты не едят сразу"". Бест заключает свое описание Мюллера следующими словами: "Исходя из собственного опыта, я всегда считая Мюллера очень порядочным человеком".

Генрих Мюллер был пяти футов семи дюймов ростом, плотного сложения, с коротко подстриженными на висках темно-каштановыми волосами и правильными чертами лица, У него был маленький твердый рот, и он редко улыбался, но в его лице, как, по сути, и во всем его облике, наибольшее внимание обращали на себя глубоко посаженные глаза, очень пристально вглядывающиеся в людей.

Он слегка прихрамывая при ходьбе после полученного на войне ранения. Один из тех, кто допрашивал его после войны и который в приведенных далее стенограммах выглядит, скорее, еще одной жертвой допросов Мюллера, тоже оставил несколько личных впечатлений о бывшем начальнике гестапо: "В личном общении с Мюллером, не отраженном в протоколах, я видел обходительного, очень умного и проницательного человека, не лишенного некоторого мрачноватого чувства юмора. Он замечательно умел принять гостей, и по всему было видно, что он высоко поднялся над своим происхождением из низших слоев среднего класса. Он демонстрировал значительные познания в литературе и музыке, держал превосходный стол, и его выбор вин всегда был безупречен... Однако в ходе наших интервью он часто

вел себя грубо, был саркастичен и скор на колкости в мой адрес, что совершенно противоречило его манерам в приватной обстановке... Мюллер не любил говорить о своих отношениях с женой или дочерью, которая, похоже, была умственно отсталой, но своего сына он, по-видимому, очень любил и часто с удовольствием рассказывал о нем, когда не велась запись... Он остался убежденным католиком и регулярно посещает мессу, и, похоже, его привязанность к церкви очень сильна... Его знания о структуре и образе действий коммунистической разведывательной системы вызывают благоговейный страх, и его обстоятельные рассуждения отражают живость его ума. Мне довелось встречаться и работать с генералом Геленом, но Мюллер значительно превосходит Гелена по глубине своих познаний и умению их применять... Он обладал крайне неудобной привычкой брать на себя управление любым разговором и вести его так, как удобно ему. Уверен, что эта тенденция будет отражена в записи... Мюллера сложно назвать жестоким человеком" но, несомненно, он им является.. Это не физическая жестокость, к которой

Мюллер не склонен, но его ужасные наскоки на людей исключительно жестоки по своей природе. Он на свой манер очень настойчив и упорен, и я лично сомневаюсь, чтобы кто-нибудь смог долго продержаться против него в словесном поединке... Ни в коем случае не будучи нацистом, Мюллер тем не менее оставался в Берлине до самого конца, хотя тем самым подвергал себя огромному риску. По его словам, и я ему верю, он делал это потому, что согласился помочь Гитлеру. На вопрос, почему он не покинул Берлин раньше, он ответил только, что дал слово и сдержал его. Похоже, он удивился, что я задал ему такой вопрос... Совершенно очевидно, что Мюллер - человек с сильным характером, очень упрямый, циничный, часто профессионально жестокий и властный. Он весьма пренебрежительно отзывался обо всех своих начальниках, исключая Гитлера и, пожалуй, Геринга, но всегда служил им до конца... Заслуживает внимания его отношение к его бывшим агентам; он отказался выдать хоть кого-нибудь из них и показал себя очень несговорчивым в этом вопросе... В общении с ним следовало проявлять некоторую осторожность, поскольку он не выносил небрежности, и из бесед с другими людьми мы поняли, что в гестапо его не любили. Он безжалостно гонял своих подчиненных и предъявлял к ним очень высокие профессиональные требования. Это правда, что он мог посадить агента гестапо в тюрьму за неподчинение... безусловно, весьма забавным и странным было то, что он финансировал свое бегство, присвоив большую сумму денег из тех, которые СС выручили в результате операции с фальшивыми деньгами -

операции "Бернгард", которой он неоднократно пытался помешать, поскольку считал, что она ведет к коррупции. Мне показалось, что было бы неблагоразумно сказать ему об этом".

В начале 80-х годов все личные архивы Мюллера попали в частные руки. Мы не будем обсуждать здесь, каким образом это произошло. Эти архивы содержали тысячи отчетов и донесений, написанных самим Мюллером или полученных им. Они отражают самые важные стороны его профессиональной деятельности и включают в себя расшифровки перехваченных разведкой телефонных разговоров, протоколы допросов, дневники, подробные досье на агентов вражеских разведок из России, Соединенных Штатов, Швейцарии и Англии. В его бумагах содержится также список так называемых V-агентов (его осведомительной сети) и огромное количество материалов, включая разного рода доказательства, по делу о покушении на Гитлера 20 июля 1944 года. По приказу Гитлера Мюллер нес персональную ответственность за это расследование и продолжал его до самого конца войны. Там же - записные книжки адмирала Канариса, рапорты о приведении в исполнение смертных приговоров, следственные материалы Народного суда и справки о смерти, - все это вперемежку со статистическими отчетами из системы концентрационных лагерей, протоколами допросов советских и британских офицеров разведки, материалами о попытках покушения на Гитлера и других, досье на наиболее значительных деятелей Третьего рейха, досье на иностранных военных и политических лидеров, записями трансатлантических радиотелефонных перехватов, сделанными разведкой германской почтовой службы, копиями докладов Министерства иностранных дел Германии и так далее.

Среди них имеются и документы, за которыми охотились Соединенные Штаты, когда в 1946 году началась "холодная война". Мюллер спрятал часть этих документов в Берлине, а остальные - в Швейцарии, где он жил, когда с середины лета и до начала осени того же года с ним беседовали сотрудники американской разведки. Цель данных бесед заключалась в том, чтобы выяснить, станет ли Мюллер работать на США и сохранил ли он свои архивы, и если да, то позволит ли он своим новым нанимателям воспользоваться их содержимым. Полная запись подлинных бесед насчитывает более восьмисот страниц, отпечатанных через два интервала на стандартной бумаге. Беседы велись по-немецки и записывались стенографистом. Затем их переводили на английский язык. Обе копии, и на немецком и на английском, были вручены Мюллеру и всем, кто присутствовал при записи. Копия, принадлежавшая Мюллеру, испещрена

множеством пометок, сделанных его мелким, твердым почерком, - пометок, содержащих саркастические комментарии, исправления и замечания.

Из этих восьмисот страниц были выбраны те, которые представляют наибольший исторический интерес. Поскольку одни и те же темы в этих беседах часто обсуждались по нескольку раз, соответствующие отрывки были отредактированы с целью сокращения. Каждый, кому приходилось видеть протоколы следственных показаний или стенограммы судебных процессов, знает, что точная расшифровка таких записей изобилует паузами, оговорками и неправильными речевыми оборотами, и при подготовке к публикации их устранили из литературных соображений. Хотя значительная часть текста была сокращена, к нему ничего не было прибавлено, за исключением сносок-примечаний.

В Приложении приведены копии заслуживающих внимания документов, чтобы читатель сам мог испытать чувство исторической сопричастности.

Подобное размещение материала в книге автор посчитал вполне обоснованным, если прочитать сами протоколы.

Многие историки, грешащие излишней "литературностью", любят разбавлять документальную фактуру "оживляющими деталями" вроде "Рузвельт улыбнулся про себя, подумав о... " или "Гитлер нахмурился и выглянул в окно, намереваясь выйти погулять с собакой". Это является художественным вымыслом и не имеет никакого отношения к серьезному историческому труду.

Хотя в официальных архивах имеется значительная информация о Генрихе Мюллере, по ряду причин она так и не просочилась наружу.

Во-первых, Генрих Мюллер никогда не стремился к известности и не поощрял ее. В отличие от многих гитлеровских сатрапов, Мюллер не любил появляться на публике и редко фотографировался. К тому же он практически целиком отдавал себя тяжелой работе и ради достижения лучших результатов предпочитал работать в секретной обстановке.

Во-вторых, писателей влечет обычно ко всему драматичному и пламенному, а не к скрытному и холодному. Многие якобы новые толкования исторических персонажей представляют собой переодетую в свежее платье старую основу, целиком списанную у предыдущих авторов. В академическом мире это почему-то не называется плагиатом, каковым, по сути, является, а носит гордый ярлык исследования, с которым не имеет ничего общего.

В-третьих, любое упоминание имени Генриха Мюллера всегда вызывало исключительное недовольство разведывательных

организаций США.

В эпоху, когда любое неучтивое замечание считается неприемлемым и исключается из средств массовой информации и литературы, саркастические и нередко жесткие замечания Мюллера, несомненно, вызывают раздражение у тех, кто полагает подобные выражения неприемлемыми. Но природа никогда не видела необходимости в том, чтобы воспитывать самоуважение в овцах, когда волки голодны. Когда уборщиков титулуют "санитарными инженерами", а воинствующих лесбиянок величают "феминистками", труд о Мюллере, несомненно, содержал бы одни только описания восхитительного вида из его окна на горы и их отражение в озере.

В 1973 году западногерманские власти выдали ордер на арест Генриха Мюллера, имея веские основания полагать, что он не погиб в Берлине в 1945 году. В по-прежнему хранящейся в архивах США переписке между правоохранительными органами США и Германии чувствуется недовольство, тщетная настойчивость и растущее разочарование немцев и классическая непробиваемая замкнутость американцев. Части мюллеровского архива US CIC, хранящиеся в Форт Мид, в Мэриленде, были подвергнуты цензуре. Среди документов, к которым были допущены исследователи, не оказалось ни одного, касавшегося послевоенных розысков Мюллера; все они относились к гораздо более позднему периоду. Поводом для дальнейшего сохранения секретности было объявлено то, что ее отмена неблагоприятно скажется на национальной безопасности США.

Обширные архивы Генриха Мюллера представляют собой бесценную находку для историков. Безусловно, наиболее естественным хранилищем для этих материалов стал бы архив или другое учреждение, где документы были бы доступны любому, желающему проводить изыскания. К сожалению, учитывая крайне спорный характер многих документов, ни один архив или библиотека до сегодняшнего дня не могут решиться сделать всю коллекцию общедоступной, и все ведущие архивисты и библиотекари реагируют с ужасом:

"Бог мой, вы же не рассчитываете, что мы обнародуем эти архивы? Если мы это сделаем, нас ждут одни неприятности. Семья несомненно предъявит нам иск".

Поскольку первоначально записи интервью были сделаны на немецком языке, а затем переведены на английский (для Мюллера были подготовлены копии и на немецком, и на английском языках), порядок слов в некоторых случаях изменен.

Реплики собеседников (агентов спецслужб США) обозначены как "С. ", а ответы (или комментарии) Мюллера как "М. ".

Оригинал расшифровки переговоров между Рузвельтом и Черчиллем был сделан сотрудниками немецкой разведки на английском языке и затем переведен на немецкий.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

После окончания войны, когда Генрих Мюллер вел тихую и комфортную жизнь в Швейцарии, с ним связался его бывший заместитель, оберфюрер СС Вилли Крихбаум. Старинный знакомый Мюллера! Крихбаум был старшим сотрудником гестапо в Пограничной полиции на юго-востоке страны и с сентября 1939 года возглавлял Geheime Feld Polizei {Тайная полевая полиция. - Примеч. ред.}, следственный отдел абвера.

После войны генерал-майор Рейнхард Гелен завербовал Крихбаума, который с 1946 года стал его главным агентом-вербовщиком в Бад Райхенхалле. Задача Крихбаума заключалась в том, чтобы определить местонахождение бывших агентов гестапо и СД и обеспечить их работой в организации Гелена.

Эта организация {BND - западногерманское ведомство по охране конституции, разведка. - Примеч. ред.}, размещавшаяся в бывшем служебном комплексе нацистской партии в Пуллахе к юго-востоку от Мюнхена, позднее, с 1948 года, стала работать в тесном контакте с ЦРУ. Судя по документам Мюллера, Крихбаум установил связь со своим бывшим начальником через бывших сотрудников гестапо, живших в Швейцарии, и начал переговоры с американцами по поводу возможного поступления Мюллера к ним на службу.

Учитывая осведомленность и опыт Мюллера в вопросах, касающихся советской разведки, подкрепленных к тому же архивными материалами, которые бывший глава гестапо хранил в тайниках в Берлине и Швейцарии, ЦРУ немедленно выразило глубокую заинтересованность в его вербовке. Далее Крихбаум действовал в качестве посредника в переговорах со своим бывшим начальником, которого тяготила обеспеченная, но скучная жизнь в отставке.

Американцы никогда не пытались угрожать Мюллеру разоблачением в случае, если тот откажется сотрудничать с ними; их, скорее, беспокоило, станет ли Мюллер работать на бывшего врага. Мюллер практически без колебаний согласился работать на американскую разведку, увидев в этом возможность продолжать борьбу с ненавистной ему коммунистической системой.

В итоге некий американский ученый, свободно владевший немецким языком и изучавший историю Германии, а также прошедший подготовку в дискредитировавшей себя ОСС {Управление стратегических служб. Предшественник ЦРУ. -

Примеч. ред.}, был отправлен в Швейцарию вместе с одним из старых друзей Мюллера еще на Баварской политической полиции, который впоследствии работал вместе с ним и в штаб-квартире гестапо в Берлине. Цель этой поездки состояла в том, чтобы провести всестороннее собеседование с Мюллером и на его основе составить представление о характерных чертах личности бывшего группенфюрера, об объеме и значимости его архивов, а также выяснить, не могут ли возникнуть связанные с его именем проблемы, которые поставили бы под угрозу будущее сотрудничество.

Беседы проходили на вилле Мюллера летом 1948 года и продолжались три недели. Помимо самого Мюллера и его гостя, присутствовал стенографист, записывавший полный текст разговора на немецком. В соответствии со стандартной процедурой того времени, магнитные записи были затем расшифрованы на немецком и английском языках. Одна копия на немецком была вручена Мюллеру для прочтения и правки, а две другие были распечатаны на английском для американского архива.

Покидая Швейцарию, чтобы начать карьеру в Соединенных Штатах, Мюллер не стал забирать с собой свои архивы, состоявшие по большей части из микрофильмов, а оставил их в качестве своего рода страховки на случай возможной недобросовестности со стороны его нанимателей. В конце концов, Мюллер обладал немалым опытом в общении с высокопоставленными чиновниками, и это был не такой человек, чтобы слепо довериться кому-либо.

Датировки на документах не оканчиваются апрелем 1945 года, но продолжаются до 1960-х, указывая на то, что Мюллер пополнял свои архивы новыми материалами. Остается неизвестным, каким образом эти послевоенные документы попали в Швейцарию, но возможностей для этого было множество. В Соединенных Штатах на Мюллера работало немало бывших агентов гестапо.

После смерти Мюллера в 1983 году полное собрание его документов, переснятое на микрофильмы и насчитывающее более 800 кассет целлулоидной пленки, перешло в руки автора. К данной коллекции прилагалось также несколько альбомов фотографий, сделанных в Соединенных Штатах после 1948 года, оригиналы различных государственных документов США, включая военные рапорты, служебные удостоверения и пачка писем к Мюллеру (под его новым именем) от различных выдающихся политиков. Оказался доступным также и дневник Мюллера, который он вел с 1948-го по конец 1952 года.

В этих замечательных документах говорится о начале "холодной войны", о ЦРУ, об организации Гелена в Германии, и в них же детально обсуждается советский и британский шпионаж против США с особым упором на работу по созданию атомной бомбы.

Данные микрофильмы были в дальнейшем переведены на ацетатную кинопленку, и этот значительно более безопасный носитель был использован при создании предлагаемых публикаций о бывшем главе гестапо.

С 1973 года в официальных архивах и Соединенных, Штатов, и Германии стали появляться новые материалы по Генриху Мюллеру. Поскольку очень немногим архивистам было известно (если известно вообще) новое имя Мюллера, было несложно документально оформлять участие в некоторых событиях "холодной войны" этого едва ли не самого выдающегося разведчика в США той поры.

Необходимость не подчиняется законам {Вряд ли автор имеет в виду философскую категорию. - Примеч. ред.}, и прием на службу Генриха Мюллера, Одило Глобочника, Кристиана Вирта, Отто Скорцени (которого разведка США использовала, например, для обучения ИРА {Ирландская республиканская армия. - Примеч. ред.}) и многих других была оправдана необходимостью получить преимущество перед Советским Союзом.

Был ли данный подход разумным, мы оставляем полностью на суд читателя.

Расшифровка телекса:

(от командующего американскими войсками в Европе) ОТДЕЛУ VIII (СЮ) БЕРЛИН 211100 СЕКРЕТНО

ГЕНЕРАЛ ГЕНРИХ МЮЛЛЕР И СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ЛИЦА ПРИБУДУТ БЕРЛИН СПЕЦИАЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ 12 НОЯБРЯ 48 ТЧК (точка) МЮЛЛЕР ПУТЕШЕСТВУЕТ С ШВЕЙЦАРСКИМ ПАСПОРТОМ (зачеркнуто цензурой) ТЧК (точка) НА ИМЯ (зачеркнуто цензурой) ТЧК (точка) В СООТВЕТСТВИИ С ПРИКАЗОМ ВЫСШЕЙ ИНСТАНЦИИ ЗПТ (запятая) ВСТРЕТИТЬ МЮЛЛЕРА СО ВСЕМИ ПОЧЕСТЯМИ ТЧК (точка) ПО ПРИКАЗУ ТОЙ ЖЕ ИНСТАНЦИИ СОПРОВОЖДАЮЩИХ ЛИЦ РАЗМЕСТИТЬ В А ОДИН (А-1) КВАРТИРАХ ТЧК (точка) ОКАЗАТЬ ПОЛНОЕ СОДЕЙСТВИЕ В ПОЛУЧЕНИИ ДОСТУПА К РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ЗПТ (запятая) НАХОДЯЩЕЙСЯ В ЗОНЕ США ТЧК (точка) МЮЛЛЕРА СОПРОВОЖДАЮТ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР (зачеркнуто цензурой) ЗПТ (запятая) КОМАНДЕР ЛЕЙТЕНАНТ (зачеркнуто цензурой) ЗПТ (запятая) (зачеркнуто цензурой) И ТРОЕ ГЕРМАНСКИХ ГРАЖДАН ИЗ ЕГО ШТАТА ТЧК (точка) КОНЕЦ ПОДПИСЬ ЭККМАН

(Подполковник пехоты Джордж Р Экман в ноябре 1948 года был заместителем командующего американскими войсками в Европе.)

КОНТРРАЗВЕДКА И ПЛАН "БАРБАРОССА"

Хотя полномочия гестапо ограничивались внутренней контрразведкой, Мюллер приложил усилия к тому, чтобы быть посвященным и в дела внешней разведки тоже. Эта сфера деятельности, строго говоря, была в компетенции других органов, однако он настойчиво продолжал развивать свои контакты и добился весьма интересных результатов

С. Нас больше интересует разведывательная деятельность гестапо под вашим руководством, нежели чисто полицейские функции, которые эта организация должна была выполнять. Ведь гестапо было одной из нескольких разведывательных служб в Германии, не так ли?

М. Так. Служба безопасности и вооруженные силы также имели свои службы разведки, равно как и Министерство иностранных дел и Почтовая служба. Геринг еще организовал специальную службу по прослушиванию телефонов, которая занималась главным образом прослушиванием телефонных разговоров иностранцев, и он держал ее под своим личным контролем.

С. Было ли какое-нибудь взаимодействие между этими службами?

М. Нет Очень часто их цели совпадали, и из-за этого возникало множество проблем Позднее армейекая разведывательная служба была расформирована, а ее функции разделены. Именно тогда я и получил руководство контрразведкой.

С. У вас была своя собственная агентурная сеть?

М. Да, и очень хорошо развитая сеть. У нас на любых уровнях были люди "V" {Агенты "V" (от нем Vertrauensleute), добровольные платные информаторы гестапо.}, которые являлись заслуживающими доверия информаторами, и я также развивал обширные зарубежные контакты.

С. У вас были информаторы в правительстве?

М. На всех уровнях.

С. Даже в окружении Гитлера?

М. У меня там были личные связи.

С. А в управлении Гиммлера?

М. О да, даже более чем, но это, скорее, походило на профессиональную любезность.

С. А как насчет Министерства иностранных дел?

М. Да. Из-за того, что Риббентроп получал большое

количество важной информации, были необходимы связи и в его службе тоже.

С. Вы имели доступ к собственно военной разведке во время войны?

М. Неофициально. Не к военной разведке в строгом смысле слова. Иногда нам приходилось вести расследование, связанное с кем-либо из военных, или возникали подозрения в шпионаже во внутренних военных структурах. Строго говоря, считалось, что по большей части это контролируется тайной военной полицией, однако большинство ее членов были бывшими гестаповцами или сотрудниками службы безопасности, так что значительная часть их материалов тем или иным путем попадала ко мне

С. Значит, гестапо, под которым я понимаю лично вас, не имело, так сказать, непосредственного охвата военного командования?

М. Нет. Только по случайности или в результате других расследований.

С. Нам было бы очень интересно узнать, если это возможно, о проникновении гестапо в советские правительственные структуры. Военные досье абвера {Военная разведка и контрразведка} в этом отношении разочаровывают, и хотя высшие офицеры вооруженных сил с готовностью помогают нам в том, что касается Советов, чувствуется, что их современные знания о внутреннем устройстве этого государства довольно... как бы это сказать... довольно отрывочны. В какой мере гестапо было информировано о внутреннем устройстве коммунистического государства?

М. Вы говорите сейчас о предмете, который я изучил очень подробно. Вас интересует военная или политическая структура Советов?

С. Я думаю, сейчас нас больше интересует военная.

М. Видите ли, одной из причин, по которым ни абвер, ни ваш генерал-майор Гелен {Рейнхард Гелен, генерал-майор 1. 12. 1944, офицер оперативного отдела генерального штаба вермахта, с начала 1942 года возглавлял отдел "Иностранные армии Востока" (Fremde Heere Ost). Как специалист по вопросам, связанным с советскими войсками, после войны Гелен использовался американским ЦРУ и получил разрешение на создание собственной службы. В дальнейшем она переросла в BND (Bundesnachnchtendienst), западногерманский аналог ЦРУ В своей организации Гелен использовал значительное число бывших сотрудников гестапо и СД.} так и не уяснили истинных военных намерений Советов, оказался очень строгий и всеобъемлющий контроль, охватывающий все ветви их власти, и в том числе в

вооруженных силах. Абвер и отдел "Иностранные армии Востока" вообще не смогли внедрить своих агентов в Россию, и основная часть информации поступала к ним от служб прослушивания, которые базировались в других странах, и в результате допросов военнопленных. Это не всегда было эффективно и редко приносило какую-либо практическую пользу. Разумеется, абвер всегда стремился получать военную информацию, тогда как нас в гестапо интересовала информация политического характера. Например, в Германии вооруженные силы, особенно армия, имели собственное командование и были во многих отношениях независимы от партии и государства. Они могли хранить свои секреты при себе, что и делали. В России же Сталин руководит государством через партию. Вооруженные силы полностью контролируются государством и подчиняются ему. Следовательно, в России, если бы вам удалось проникнуть в партию, вы получили бы прямой доступ и к их вооруженным силам. Как вам известно, я боролся с проникновением Советов в Германию. Чтобы облегчить себе работу, я решил выяснить, что они замышляют в Москве, а не ждать, пока я схвачу их агентов в Германии. Например, если Сталин захочет спровоцировать волнения в профсоюзах, несмотря на то что в Германии они находятся под строжайшим контролем партии, было бы полезно узнать о его намерениях прежде, чем его люди начнут действовать. Так что я начал заниматься вербовкой некоторых из их лучших агентов. Мне необходимо было выяснить, что Сталин собирается предпринять, для того, чтобы предотвратить последствия. И должен сказать, что я добился в этом определенных успехов. В конце концов, агенты высшего класса не такие тупицы, как большинство их соотечественников, к тому же ничто не доставляет русским такого удовольствия, как заключать сделки и торговаться. Должен вам сказать, что большинство из них весьма падки на деньги. Так что информацию о планах сталинских государственных структур я узнавал в большем объеме и раньше, чем абвер.

С. Очень хорошо. А много ли ваших людей еще остается в России?

М. Я уверен, что кто-то остался.

С. Продолжайте, пожалуйста.

М. Вначале военные аспекты разведки интересовали меня мало. В конце концов, войны пока не предвиделось, следовательно, моей задачей было бороться с внутренними врагами - германскими подданными, и британскими и советскими агентами. Но когда в 1939 году началась война, естественно, в мой офис стало поступать большое количество

информации, связанной с военными планами. Это не входило в сферу моих обязанностей, но, поскольку у меня не было никаких особых отношений с военными ведомствами, я хранил дела такого рода среди моих собственных досье. Кроме того, эти господа военные пытались посматривать свысока и на меня, и на весь аппарат государственной полиции в целом... по крайней мере, тогда. Некоторых из них мы потом повесили за такое отношение, но это не то, что вас интересует.

С. Мы можем обсудить это позднее. Можете ли вы обрисовать нам в общих чертах, основываясь на вашей собственной информации, какова была реакция Советов на... скажем... кампанию во Франции в 1940 году?

М. Разумеется. Должен сказать, что я всегда чувствовал, что так называемый пакт о ненападении, подписанный Гитлером со Сталиным, был нашей ошибкой. Прежде всего, Сталин никогда не стал бы иметь дело с силами Запада, чего так боялся Гитлер. А согласившись отдать Сталину страны Балтии и восточную половину Польши, Гитлер, по сути, вручил ему ключи от своих восточных ворот. В то время мой статус не позволял мне обсуждать такие вопросы с кем бы то ни было из стоящих у власти, так что я ничего не предпринимал. Я однажды упомянул об этом в разговоре с Гейдрихом, который недооценивал мои источники информации, и он выразился в том смысле, что мне следует больше беспокоиться о внутренних проблемах и оставить высокие политические материи для других. Однако после того, когда выяснилось, что кампания на Западе станет короткой и победоносной для Германии, Сталин испугался. Понимаете, он полагал, что события будут развиваться как ив 1914 году и что Германия снова окажется втянутой в окопную войну. Сталин говорил, что когда Германия и с нею весь Запад будут обескровлены, он двинется на Германию. Он хотел заполучить Рурскую область, и если бы он мог получить ее без особого труда, он бы это сделал. Сталин не стал бы воевать, если бы полагал, что ему может грозить поражение. Но когда кампания закончилась столь быстро, он встревожился и решил, что Гитлер может напасть на него прежде, чем он успеет подготовиться. И тогда он начал обширнейшую программу перевооружения, стараясь заодно исправить тяжелые последствия ликвидации всей советской военной верхушки, которую он завершил в 1938 году. Когда я получил подтверждение широкомасштабного перевооружения советских войск и агрессивных планов Сталина, я тотчас довел это до сведения Гейдриха, но на этот раз не на словах. Я направил ему длинный рапорт, наполненный соответствующей информацией. Теперь Гейдрих уже никак не мог проигнорировать

меня. Если бы Сталин напал на нас, я мог бы указать на свое официальное предупреждение, и если бы оказалось, что Гейдрих просто положил мой рапорт под сукно, это означало бы его конец. И он, разумеется, знал это и отнес этот материал Гитлеру. С. Вы знаете, когда это произошло?

М. Да, в самом конце кампании на Западе. Я думаю, в начале июня 1940 года.

С. Значит, Гейдрих пошел с этим к Гитлеру? А Гитлер обратил внимание на эти данные?

М. Да, и потребовал дополнительной информации. В итоге Гитлер получил еще доказательства, в дополнение к некоторым серьезным военным и политическим демаршам Сталина, направленным против нас. И он решил, что, возможно, лучше он сам возьмется за Сталина, пока Сталин не взялся за него. Так сказал мне тогда Гейдрих, а позже Гитлер сказал мне это лично. Я мог бы продемонстрировать графики роста промышленного производства, но я вызвал настоящий шок, когда показал схемы расположения войск. Я не являюсь офицером военного штаба или экспертом и не претендую на эти звания, но даже я смог увидеть, какие мощные военные силы размещены к северу от болот Припяти, и понял, что, если Советы бросят их на прорыв, вся эта мощь покатится прямо на Берлин. Учитывая их численность, остановить их было бы непросто. Даже эксперты в высшем командовании говорили это. Тогда Гитлер решил атаковать Сталина первым и заставил своих штабных офицеров подготовить планы наступления. Это продолжалось некоторое время в 1940 году и до 1941-го, но в определенный момент, я уверен, произошла утечка и Сталин что-то почуял. Тогда Гейдрих сказал мне, что нам следует быстро пресечь утечку и найти способ убедить Сталина через моих людей, что перемещения войск и планы, которые мы разрабатываем, являются не чем иным, как уловкой против Англии, а иначе Сталин может напасть на нас раньше, чем мы будем готовы к этому.

С. Откуда произошла утечка?

М. Ее допустил офицер одного из наших военных штабов, занимавшихся разработкой планов. Они передали этот материал британцам, которые переправили его Сталину. Я сумел состряпать легенду, будто мы внушили эту историю британцам, чтобы отвлечь их от нашего готовящегося вторжения, и, к счастью, Сталин проглотил ее, хотя многие из его офицеров - нет. Однако в этом деле последнее слово было за Сталиным. О да, я заставил одного балканского дипломата сказать Сталину, что британцы лгут ему насчет германского нападения с целью напутать его и заставить разорвать союз с нами. Это было как раз

в духе двуличного поведения Сталина, так что он принял и это тоже. Тем не менее он решил атаковать Германию сразу, как только достигнет желаемого численного превосходства, и только тогда, когда мы будем воевать на других фронтах. Следовательно, наша цель состояла в том, чтобы как можно дольше усыплять бдительность Сталина и напасть на него прежде, чем он нападет на нас. Я знаю, что через Лондон ему была известна действительная дата нападения, но он этому не поверил. Гитлер, со своей стороны, получил достаточно информации и из дипломатических источников, и путем воздушной разведки, чтобы убедиться, что он должен разбить Сталина как можно быстрее. Позвольте мне сказать теперь, что это не было крестовым походом или попыткой подражать Наполеону, как сейчас утверждают некоторые безмозглые писаки. Для Германии это был вопрос самосохранения. И в дальнейшем, когда наши войска захватили высшие советские штабы, они нашли доказательства готовящегося нападения. Это же подтвердили и захваченные нами представители советской военной верхушки.

С. Этот взгляд не соответствует принятому на Западе, как, я уверен, вам известно. Это нападение преподносится как пример ненависти Гитлера к славянам.

М. Ну да, храбрые славяне, в одиночку вставшие против гитлеровской чумы. Эта идея такая же выдумка, как и все остальное. Поверьте мне, Сталин собирался напасть на нас, в этом нет никаких сомнений. Гитлер просто ударил первым, а Сталин, этот двурушник, сам попался на обман. Он так привык к вероломству, что не смог распознать его прежде, нежели кто-то нанес ему упреждающий удар.

С. Узнал ли Гитлер когда-нибудь, какую роль во всем этом сыграли вы?

М. Разумеется. Это было одно из моих лучших достижений. Я сохранил все свои заметки и после 20 июля (1944), когда мои отношения с Гитлером стали лучше, уж позаботился рассказать ему об этом. Он был очень рассержен и сказал, что я должен был явиться с информацией прямо к нему. Мне не составило труда показать ему мои рапорты и объяснить, что протокол запрещал мне напрямую обратиться к нему, а друзей в его окружении у меня не было. Он понял это, но все равно был зол. Его отношения ко мне это не испортило, поэтому я и сказал ему. В конце концов, дело это было давнее и уже забытое.

С. Иными словами, вы указали на превосходство партии над военными.

М. Нет. Гестапо не являлось партийной организацией. Это был орган государственный, а не политический. Очень важно,

чтобы вы это поняли. Мы работали на правительство, а не на NSDAP. Большинство ваших недоумков историков понятия не имеет о том, что такое гестапо и кто им руководил.

С. Поскольку мы обсуждаем, кампанию в России, меня просили задать вам вопрос: что вам известно о так называемом "Приказе о комиссарах". Можете ли вы сообщить мне какую-либо информацию об этой стороне кампании? Генерал Варлимонт {Вальтер Варлимонт, генерал артиллерии 11. 4. 1944. Служил в штабе Йодля в отделе национальной обороны. После войны был осужден за приказ о комиссарах и другие действия и приговорен к тюремному заключению. } заявил, что данная программа была поручена СС по приказу Гитлера и что он, Варлимонт, возражал против нее и остановил ее. Верно ли это?

М. Это абсолютная ложь, поверьте. Это дело о комиссарах целиком и полностью затеял сам Варлимонт, и оно вышло ему боком. Думаю, что он долго пытался загладить эту неприятность.

С. Значит, это Варлимонт издал приказ убивать советских политических работников без суда и следствия?

М. Совершенно очевидно, он. В этом нет никаких сомнений. Я знал об этом с самого начала.

С. Можете ли вы рассказать об этом поподробнее? Мы предполагаем в будущем использовать Варлимонта на одном важном посту, и мы не хотим, чтобы у нас возникли проблемы, если какие-то его прежние действия станут достоянием общественности. Я был бы очень благодарен за вашу откровенность в этом вопросе.

М. Да. Что ж, позвольте предостеречь вас против использования этого господина. Нет сомнений, что Варлимонт очень умный и очень компетентный в военной науке человек, но он настоящая змея. Он очень скрытный и ловкий. Он все время был своего рода Гольштейном {Барон Фридрих фон Гольштейн, служащий имперского Министерства иностранных дел Германии. Тайный интриган, который действовал за сценой и был известен как "серый кардинал" (прозвище советника кардинала Ришелье: отца Жозефа). Очень умный и преуспевший на своем посту. Гольштейн тем не менее отличался коварством и действовал в своих собственных интересах, а не в интересах своего руководства.} при Йодле. Сейчас я попытаюсь прояснить этот вопрос с самого начала. Это относится к началу 1940 года, когда началась разработка плана Восточной кампании. Хотя я сам не принимал участия в этой работе, в дальнейшем я много узнал о ней. По всей видимости, армия не хотела оказаться в России, когда и если мы будем воевать с ней, не имея безопасного тыла. Они знали, что Советы в совершенстве владеют искусством

партизанской войны, и испугались, что, если наши войска будут продвигаться слишком быстро, у них в тылу окажутся огромные массы вооруженных гражданских, незамеченные мелкие военные отряды и фанатичные коммунисты. Они боялись бандитских мятежей в этих районах и попросту не имели ни людских ресурсов, ни желания разбираться с ними. Тогда Варлимонт, который состоял в высшем военном командовании, решил бросить на их подавление СС и полицию. Он издал множество директив, целью которых было, с одной стороны, ликвидировать потенциальное руководство таких групп, то есть комиссаров, и, с другой стороны, вычистить любых потенциально опасных противников позади линии фронта. Первым делом генерал Вагнер из высшего командования пошел к Гейдриху.

С. Простите, что перебиваю вас. Варлимонт не говорил с Гейдрихом лично?

М. Нет. Это я и имел в виду, назвав Варлимонта змеей. Он послал Вагнера, так что позднее он мог бы сказать, что ничего не знал о данном плане. Теперь мне известно об этом все, потому что Вагнер был главным действующим лицом в деле 20 июля, и после его смерти я просмотрел все его бумаги. Итак, продолжаю. Вагнер поговорил с Гейдрихом об этом... об ужесточении мер воздействия за линией фронта. Вагнер намекал, что этот приказ исходит от Гитлера, но Гейдрих сказал, что сначала он обсудит это с самим Гитлером. Тогда Вагнер встревожился и сказал, что Гитлер не хотел, чтобы кто-нибудь знал об этом его приказе. Еще Вагнер сказал, что у Гейдриха будут серьезные неприятности, если он станет обсуждать этот вопрос с Гитлером. Разумеется, Гейдрих понимал все это с самого начала, как и я, когда примерно в это же время ко мне зашел генерал Мюллер из высшего армейского командования. Мюллер был для Вагнера своего рода ширмой. Он затронул вопрос о комиссарах, полагая, что лично я соглашусь посылать сотрудников гестапо уничтожать любого, захваченного нашими. Я сказал Мюллеру, что, конечно, был бы рад получить в свои руки любого комиссара или руководителя коммунистической партии, но не убивать их. Мне была нужна информация, и я всегда учитывал возможность завербовать кого-нибудь из них. Мюллеру это не понравилось. Он сказал, что Гитлер хочет, чтобы эти люди были уничтожены на месте, потому что они евреи.

С. Комиссары?

М. Ну да. Сталин имел комиссаров при каждом военном подразделении. По сути, они ими и руководили, даже командирам было приказано повиноваться им. Большинство из этих деятелей были евреями и имели репутацию фанатиков и

чрезвычайно жестоких людей. На самом деле, определенную часть партийной верхушки в то время составляли евреи.

С. А Сталин поддерживал их?

М. Нет, евреи, которые при царях были преследуемой нацией, теперь рабски служили Сталину и Коммунистической партии. Они чувствовали себя новой элитой и любой ценой стремились утвердить себя на ниве государственной службы. Сталин использовал этих людей, но настоящего применения он им не нашел...

С. Откуда вам это известно?

М. Один из моих агентов, я имею в виду - советский агент, которого я перевербовал, знал Сталина и объяснил мне все это. Сталин - как мне говорили - был по происхождению турком {Мюллер презрительно шутит. Далее он называет Сталина грузином. - Примеч. ред.}. Не евреем, как думают некоторые. В его родной провинции евреев ненавидели. Сталин использовал евреев в своих целях, чтобы удерживать своей стальной хваткой все слои советского общества. Евреи были как бы его преторианцами, его гвардией, но они знали также, что достаточно только махнуть рукой из Кремля, и определенная часть жителей Дона, казаков, вспомнит о своем славном прошлом. Вам это непонятно, так? При царях казаки, конники с юга, использовались для подавления беспорядков среди населения. Они были злейшими врагами евреев, а в Советской армии были и казачьи подразделения, и они, кто знает? могли приняться за старое. Таким образом, Сталин использовал евреев в качестве охотничьих собак. Вот почему среди комиссаров было так много евреев и почему даже Гиммлер говорил, что их нужно истребить с корнем. А теперь вопрос: на них охотились, потому что они были евреями или потому что они были политическими фанатиками и лишь во вторую очередь евреями?

С. Вопрос о курице и яйце.

М. Совершенно верно. Возвращаясь теперь к моей теме, Мюллеру не понравилось мое отношение к делу. Он начал говорить, что этих людей нужно расстреливать на месте как опасных врагов нашего государства. Я ответил, что если военным угодно, чтобы эти люди были убиты, у них, разумеется, у самих имеется оружие и они могут расстреливать их сами. Я был очень груб с ним и выгнал его из своего кабинета. Тогда Варлимонт пошел в обход нас к Гиммлеру. Гиммлер был простак и сразу поверил в тайное пожелание Гитлера. В отличие от Гейдриха, Гиммлер никогда не явился бы с такими вещами к Гитлеру. Я так и вижу, как он бродит вокруг его кабинета, как Моисей вокруг горы, с которой Господь говорил с ним. Я слышал Гиммлера

раньше, он сказал бы, что его особое назначение состоит в беспрекословном исполнении приказов вождя и так далее. Гитлер, как и Сталин, умел использовать людей. В конце концов, сотрудникам службы безопасности было поручено совместно с военными подразделениями уничтожать бандитские шайки, и эти шайки показали себя очень опасными. Конечно, в процессе истребления партизан военные часто действовали неразумно, и для контроля над ними издавались специальные приказы. К тому же эти тупицы, по сути; создавали - в обход нас - свою личную полицию, набранную из русских уголовников и недовольных советским режимом, и вооружали ее. Как только войска оставляли данный район, эти добровольные формирования начинали убивать своих личных врагов, включая коммунистических деятелей и, возможно, их родственников и близких. Они убивали также и евреев, которые не были ни комиссарами, ни партийными деятелями, просто потому, что русские с давних пор терпеть не могут евреев и им нравится убивать их. Нам было трудно контролировать это по причине, во-первых, огромного физического пространства и, во-вторых, из-за очень малой численности на местах подлинной немецкой полиции или частей СД. Войска имели свои собственные концентрационные лагеря, где евреев и коммунистов просто уничтожали {Судя по всему, Мюллер лукавит, пытаясь переложить часть ответственности на армию. - Примеч. ред.}, и армия оказывала службе безопасности и специальным отрядам помощь оружием и транспортом. В мои руки попало несколько комиссаров, я использовал их для получения разведданных, но мне пришлось всерьез защищать их от армейских истребительных отрядов.

С. Что с ними стало? С вашими комиссарами? И были ли они евреями?

М. Почти все комиссары были евреями. Когда мы брали в плен русских, они сами выдавали нам своих комиссаров. Что сталось с моими комиссарами? С теми, кто работал на меня, я обращался хорошо. Как и всем захваченным мной агентам, я пообещал, что сохраню им жизнь, и в итоге я это сделал. Мы отпустили их на все четыре стороны с фальшивыми документами, а куда они отправились, я не знаю. Понимаете, они были абсолютно безопасны, потому что они никогда не смогли бы снова работать на Сталина. Он тут же расстрелял бы их за то, то они, побывав в плену, повидали западную культуру. Я не могу помочь вам определить их местонахождение. Сожалею, но я не думаю, что они живут в каком-нибудь парижском отеле с табличкой на двери. Теперь давайте вернемся к вашему

Варлимонту. Варлимонт послал этот приказ о комиссарах высшим армейским командирам, и это обернулось против него. Он разослал повсюду своих друзей, пытаясь все отменить. Я, кстати, заметил, что его первоначальный проект этого приказа был гораздо мягче того, что получилось в итоге. Конечный вариант призывал к уничтожению еврейско-большевистских вожаков и так далее. Я сказал Гейдриху, что это выглядит так, будто Варлимонт старался сделать свои собственные приказы похожими на определенный сорт пропаганды NSDAP, чтобы в случае необходимости иметь возможность свалить вину на нас. Гейдрих согласился со мной. Уже потом, когда все давно закончилось, я говорил на эту тему с Гитлером, и он сказал, что знал только, что армия запросила у СС и полиции помощи в поддержании порядка позади линии фронта. Понимаете, генерал Гальдер, глава генерального штаба, пошел к главнокомандующему армией, фельдмаршалу фон Браухичу, и попросил его уговорить Гитлера предоставить силы СС и полиции в помощь армии в тыловых районах. Гитлер просто сказал, что собирается направить это дело Гиммлеру, и, естественно, среди военных стала распространяться их собственная версия событий. Так что будьте осторожны, используя Варлимонта в каких бы то ни было целях.

С. Спасибо за информацию, генерал. Мы, разумеется, все тщательно проверим. Теперь, есть еще кое-что, что мне хотелось бы прояснить. Гестапо представляло собой главным образом орган контрразведки Германии. Ваша осведомленность о некоторых разведывательных акциях расходится с вашими официальными полномочиями. Не могли бы вы пояснить это?

М. Вы слушали, что я говорю? Разве я не говорил вам, что в моих интересах было проникнуть в замыслы врага и узнать, что он собирается делать, вместо того, чтобы сидеть и ждать, пока он это сделает? Припоминаете? Я могу найти это место в записи, если вы хотите, чтобы я попусту тратил свое время.

С. Нет, я помню это, но вы говорили тогда о внедрении в советские органы на территории России...

М. А вот здесь вы начинаете говорить глупости. Да, я сказал "глупости". Кто, во имя господа бога, руководит сетью советской разведки по всему миру? Нет, просто ответьте для записи. Вы же не собираетесь сказать мне, что ей руководят краснокожие? Или кенгуру? Позвольте услышать от вас, кто, по вашему мнению, руководит шпионской сетью Сталина. Не нервничайте, молодой человек, говорите со мной искренне. Кто?

С. Вы знаете, что я имею в виду...

М. Нет, не знаю. Хорошо, возможно, я могу просветить вас и

ваших друзей, чтобы в будущем у нас не возникало подобных затруднений. Советская шпионская сеть существует на различных уровнях. Но всеми ими руководят из Москвы, а не с Северного полюса. Это нетрудно понять, верно? Все контролируется из Москвы. Теперь мы это понимаем. И вербуя их лучших агентов, я получил полный обзор системы изнутри и большое количество ценной информации. Когда же я сумел проникнуть в группу "Красная Капелла" {"Красная Капелла", советская шпионская группа, возглавляемая офицером Люфтваффе Харро Шульце-Бойзеном, который тесна сотрудничал с советскими разведчиками и поставлял им секретную военную информацию. Хотя группа была раскрыта абвером, следствием по этому делу занималось гестапо и лично Мюллер.}, я узнал еще больше. Один из очень крупных агентов Москвы, человек по имени Гарри Робинсон (Генри Робинсон).

С. Американец?

М. Нет. Немец. Сейчас позвольте мне, пожалуйста, продолжать, и оставьте ваши вопросы на потом. Годится?

С. Да. Продолжайте, пожалуйста.

М. Спасибо. Робинсон действовал во Франции. Он был одним из лучших агентов в Европе. В дальнейшем он возглавил ОМС (Отдел международных связей). Ваши люди объяснят вам, что это такое. Очень высокого уровня координирующий центр международного шпионажа в Москве. Мы схватили этого человека, и я сразу понял, насколько он ценен. Разумеется, у него был опыт коммунистических восстаний после 1918 года, а таких людей я особенно не люблю. Но он, без сомнения, был очень полезен. Зачем же убивать его? Я довольно быстро привлек его на нашу сторону. Едва он попал в мои руки, я сделал так, что его судили и официально приговорили к смертной казни, и в дальнейшем он работал на меня. Один из богатейших источников, какими я когда-либо пользовался, и очень компетентный человек. Его очень ценили в Москве, так что, естественно, нам нужно было его убить... на бумаге. Этот человек выдал нам всех, кого знал, включая и информацию о сети в вашей стране и в Англии {Сомнительные утверждения Мюллера Агент советской разведки (завербованный или внедренный) знает только ту линию, которая ему поручена. Подобными сведениями вряд ли мог располагать и штатный сотрудник советской разведки, ее "нелегальный резидент" Мюллер то ли хвастает, то ли лукавит Примеч. ред.} . В настоящее время средний агент ничего не знает о других сетях, но этот человек знал. Он был агентом высочайшего класса. Его специальностью был саботаж, но он знал достаточно и о других вещах, так что он стоил своего

собственного веса в алмазах. С помощью него и людей, которых он завербовал для меня, я построил для себя очень ясную, хотя иногда отрывочную, картину устройства сетей в других странах. Конечно, с Англией или Соединенными Штатами я ничего не мог поделать. Я мог бы отчасти проверить профессиональных агентов в этих двух странах на месте, но я не мог бы добраться до них, чтобы перевербовать их или получить от них дополнительную информацию. Было некоторое подтверждение от швейцарцев, что это правда, но они выдавали информацию как бы невзначай и преподносили ее соответственно. Чуть-чуть здесь, чуть-чуть там, но достаточно. Никто не знал, что у меня есть Гарри, так что я держал все это в тайне, и его досье хранились в секрете. Вы же держите некоторые досье в секрете, не так ли?

С. Я не заведую архивом, но я понимаю, что сведения о некоторых людях не подлежат огласке.

М. Как обо мне самом, например. Я уверен, что вы не сунули досье Генриха Мюллера в какой-нибудь ящик в Вашингтоне, чтобы все желающие могли полюбопытствовать. Верно ведь?

С. Великий боже, вы принимаете нас за сумасшедших?

М. Хотелось бы верить, что нет.

С. Я говорил вам уже, что никто ничего не знает о вас, кроме как только на самом высшем уровне и только на словах. Почему вы заговорили об этом?

М. Почему? Потому что если мои досье... досье гестапо... попадут во вражеские руки и всплывет информация о людях вроде Робинсона, будут ужасные неприятности, правда? Наши досье забиты сведениями о болтливых домохозяйках и ревнивых любовниках, но по-настоящему важных вещей там не найти. Дело Робинсона, как и досье Мюллера, это что-то такое, чего как бы не существует.

С. Вне всякого сомнения.

М. Что ж, тогда, если я называю вам какое-нибудь имя, не рассчитывайте отыскать его в захваченных документах. Я хранил подобные вещи в глубокой тайне. И в конце концов я приказал своим подчиненным все сжечь, просто чтобы защитить мои источники. Это вещи, которыми можно торговать, а если у кого-то еще есть копия, они сразу обесцениваются.

С. Думаю, мы хотели бы быть уверенными в ценности того, что получаем от вас.

М. Вы ничего от меня не получаете. Вы получаете меня и мои знания. Это знания, подтвержденные доказательствами. Если вы принимаете меня, значит, примите и факты. Это наилучший способ действовать. Вы нервничаете, сидя здесь, и я готов предположить, что не нравлюсь вам. Это неважно, вы мне тоже не

нравитесь, но в делах такого рода личные чувства не имеют значения, если только ваши инстинкты не предостерегают вас относительно мотивов человека, сидящего напротив. У нас с вами такой проблемы не стоит. У меня есть что предложить, а вам это нужно. В 1945 году вы судили бы меня как военного преступника, а сегодня вы сидите в моем доме, угощаетесь первоклассным обедом, приготовленным моим поваром, какого вы никогда не найдете в ресторане, и наслаждаетесь моими превосходными винами. Кто знает, что случится через каких-нибудь пару лет. Может быть, русские нападут на вас, и я стану героем. Может быть, не станут нападать, и я вам больше не понадоблюсь. Впрочем, в этом я сомневаюсь. Хороший полицейский нужен всегда. Заметьте, он может не нравиться, но он нужен. А вам необходимо очистить ваши организации от всей этой коммунистической мерзости, которая накапливалась годами.

С. Вы ранее упомянули о "Красной Капелле". У нас есть кое-какая информация на этот счет. Так получилось, что я принимал участие в допросе Манфреда Редера {Манфред Редер, военный прокурор Люфтваффе, вел судебные разбирательства по делу группы "Красная Капелла".}.

М. Не знаю, что вы надеялись получить от него.

С. Довольно немного. Он несколько раз упоминал вас...

М. Могу вообразить, что он сказал. Однажды он назвал меня ужасным, жестоким человеком. Он имел репутацию хорошего следователя, но он не сумел продержаться до конца. Я как-то сказал ему, что он стоил государству большого количества времени и денег, пока валял дурака с этими людьми. Их виновность не вызывала ни малейших сомнений, и эти судебные процессы были бессмысленны. Большинство из них сознались по тому или иному пункту, а у Редера, так сказать, кончилось в пути горючее. Он начал переживать, что в дело оказались втянутыми женщины. Хотел спасти их. Не знаю почему. Госпожа Шульце-Бойзен была лесбиянкой, а любовница Харнака была безобразна, как щепка, так что не думаю, что он был без ума от них. В конце концов, Гитлер топнул ногой, им отрубили головы, и на этом дело закончилось. Пустая трата времени.

С. Он полагал, что законные формальности должны быть соблюдены.

М. Зачем? Было военное время, и эти твари были признаны... я сказал признаны... предателями. О чем еще говорить? Пустая трата времени {Странно... В других случаях (читатель это увидит) Мюллер весьма щепетильно говорит о строжайшем соблюдении законности в рейхе. - Примеч. ред.}.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ О ГЕНРИ ЭГАРДЕ УОЛЛЕСЕ

На основе данных, полученных от перевербованных им советских источников, Мюллер построил для себя схему организации советских шпионских сетей и в Соединенных Штатах, и в Англии. Его списки не были полными, потому что лишь один из этих источников был хорошо осведомлен о советских операциях в обеих союзных странах, а его информация не всегда была точна. Собирая по крупицам информацию, полученную от других немецких разведывательных служб, Мюллер постепенно пополнял свои данные, так что в итоге у него сложилась достаточно объемная картина.

Одним из наиболее интересных среди фигурировавших в ней американских персонажей был Генри Уоллес, вице-президент при президенте Рузвельте.

С. Среди этих людей были действующие агенты или же это были просто сочувствующие?

М. О нет, я хотел бы уточнить. Мы говорим сейчас именно о действующих агентах, связанных с Москвой напрямую или через командную структуру советской разведки.

С. Значит, имена вам известны?

М. Как я уже говорил, имена мне известны.

С. Как насчет доказательств?

М. Во многих случаях доказательства имеются... главным образом это перехваченные радиосообщения и кое-какая почта, отправлявшаяся через Швейцарию или Швецию. Кое-что даже из Португалии и Испании. Я имею в виду обоснованные доказательства. Слухи я принимаю к сведению, но не основываюсь на них. Слух указывает путь к факту, а факт подтверждает, что слух был недалек от истины.

С. Насколько значительной была фигура, с которой вы столкнулись, например, в Америке?

М. Уверен, что не слишком удивлю вас, если скажу, что на Советы работал вице-президент.

С. Трумэн? Нет...

М. Уоллес. У него были друзья в советском посольстве, и они считали его очень ценным агентом. Этот Уоллес, кстати, совершенно ненормальный тип. Вам следовало бы изыскать способ спихнуть его с какой-нибудь скалы или устроить ему сердечный приступ с фатальным исходом. У него есть родственник со стороны жены, занятый на дипломатической службе...

С. Советской?

М. Нет, шведской... и он рассказывал ему все, что знал. Это поступало в Швецию, а мы читали их почту. По сути, мы первыми установили контакт с Уоллесом через нашего агента Ламу...

С. Бог мой, неужели вы намекаете, что Уоллес работал на вас? Генри до того крайне левый, что Ленина считает фашистом.

М. Нет, он никогда на нас не работал. Мы установили контакт с ним через одного человека, который работал практически на любого, кто стал бы ему платить. Я дал ему кодовое имя "Лама". Я сообщу вам некоторую информацию, просто чтобы показать честность моих намерений. Наш Лама был человеком по имени Рерих. Его называли человеком Мирного Флага {Н. К. Рерих, русский живописец и театральный художник. Его полотна, навеянные легендами древней Руси, тибетской природой и мифологией, находятся в том числе и в Третьяковской галерее. С 1920 года Рерих жил в Индии. Если агентурная связь Мюллера и Рериха - правда, можно предположить, что вербовка Николая Константиновича была проведена немцами на основе общих мистических озарений и неприятия художником советской власти. - Примеч. ред.}. Такой же чокнутый, как и Уоллес, но я держал его в своих руках. Самый большой мошенник на свете, и Уоллес рассказывал ему все, даже больше, чем передавал потом людям из советского посольства и своему родственнику.

С. Какого рода отношения связывали этого человека с Уоллесом? Почему Уоллес доверял ему? Кстати, не об этом ли шла речь у Пеглера {Уэстбрук Пеглер, журналист антирузвельтовской направленности, получил доступ к копиям писем Уоллеса к Ламе и охарактеризован их содержание как крайне неразумное. не общались. Это был хороший контакт, и он помог мне внедрить информатора гестапо в личный штат Уоллеса. Я назвал бы это везением.}? О письмах?

М. Пеглер?

С. Один американский журналист, любитель грязных разоблачений. Он что-то упоминал о письмах Уоллеса к кому-то весьма похожему на вашего Ламу.

М. Возможно, это тот самый человек. Рерих был русский и дружил с семьей Рузвельта. Он объявил себя мистиком, связанным с Тибетом и прочими местами. Уоллес уверовал, что это создание было послано Господом ему в помощь, и попал под его влияние. В конце концов они рассорились, и Уоллес покинул его, но Рерих где-то в 1934 году связался с немцами, чтобы узнать, не заинтересуются ли они, так что это предложение попало ко мне, когда Рерих и Уоллес давно уже

С. Я бы тоже так подумал.

М. И кроме того, сестра Уоллеса вышла замуж за швейцарского посланника в Соединенных Штатах, некоего Брюггманна... Уоллес говорил ему все, что знал, причем сразу,

как только узнавал, и Брюггманн отправлял этот материал в Берн. Так что мы могли читать эти донесения, а кое-кто в Министерстве иностранных дел Швейцарии заполнял пробелы. Таким образом, я получал подробное описание всех заседаний правительства Рузвельта через несколько дней после того, как они происходили. К сожалению, в абвере тоже читали этот материал, но у них не было своего агента на месте, так что хотя они и были достаточно информированы, мне было известно больше. Едва Рузвельт успевал принимать какие-нибудь важные решения, у нас уже были подробнейшие отчеты об этом, спасибо товарищу Уоллесу. - Я с самого начала знал, что Рузвельт пытался любыми возможными путями подтолкнуть вашу страну к войне с Германией. Он использовал любые провокации, какие только можно вообразить, но они не срабатывали с Гитлером. Я знаю, что Гитлер очень злился из-за конвоев и помощи Британии, но он был достаточно умен, чтобы не попасться на приманку. Тогда Рузвельт переключился на японцев, которые оказались не так умны и прямиком ринулись в ловушку. Таким образом, вплоть до 1944 года у меня был источник, стоявший лишь на одну ступень ниже президента, и я должен сказать, что это был очень точный и очень ценный, хоть и невольный, источник. Разумеется, если бы Уоллес узнал об этих вещах, то, учитывая его коммунистические убеждения, он бы, наверно, застрелился. По крайней мере, должен был бы. Впрочем, в любой стране есть свой одержимый на высоком посту. У нас был Гесс, у вас - Уоллес, у британцев - Черчилль, а у русских Сталин.

С. Вы назвали его... этого Рериха... человек Мирного Флага. Откуда взялось это выражение?

М. Насколько я помню, у него был план вывесить специальные флаги на церквах и других памятниках, чтобы их не бомбили и не обстреливали во время войны. Из этого видно, насколько он был одержим. Потому что ваша сторона как раз и разнесла, в пыль многие церкви и другие исторические памятники.

С. Это едва ли справедливо. В конце концов, я могу напомнить вам о бомбардировке Ковентри и разрушении Амстердама. О них вы знаете, не так ли?

М. Конечно. Ковентри был важным промышленным центром, а в Амстердаме пострадало очень немного людей. Город был объявлен крепостью, и внутри него все время шли бои, а наибольший ущерб от огня был причинен, когда загорелось строение, полное запасов горючего. С другой стороны, ваши воздушные силы уничтожили около миллиона немецких мирных жителей, а ведь Дрезден {Приказ о совместном американо-

британском авианалете на столицу Саксонии Дрезден в феврале 1945 года был отдан Черчиллем с целью морального подавления немецкого народа. Незащищенный город был заполнен беженцами с востока, согнанными с мест наступающими советскими войсками. Город был знаменит красивейшими в Европе зданиями в стиле барокко.} был совершенно незащищенный город, там не было ни заводов, ни других сколько-нибудь значимых военных объектов, когда вы и ваши друзья-британцы сожгли его дотла. Вы поджарили около четверти миллиона человек, включая и какое-то число ваших собственных военнопленных, без учета самых разных памятников, церквей и произведений искусства. Конечно, мы не можем сказать, что это действительно была вина Америки. Вы просто выручали ваших друзей-британцев. И вы в самом деле помогли им, не так ли? Британцы только подпалили город, а ваши услужливые летчики налетели на следующий день на беженцев в парках на своих "ябо" {Jabo (Jagdbomber). Жаргонное название истребителей-бомбардировщиков.} с тысячами пулеметов. Это не считая нескольких потопленных плавучих госпиталей на реке, с хорошо видными знаками Красного Креста. Я ощутил настоящее потрясение, узнав, что они были полны раненых союзных военнопленных. Будем продолжать дальше про террористические нападения?

С. Здесь не место для этого. И в Дрездене погибли только тридцать тысяч. Официальный отчет Военно-воздушных сил США...

М. Ложь! В моих архивах имеется рапорт начальника полиции Дрездена. Четверть миллиона беженцев, стариков, женщин, детей и так далее. Абсолютное массовое избиение, которое должно было привести в восторг Чингисхана. Никогда больше не пытайтесь обсуждать со мной эти вещи, вы меня поняли? Я не хочу портить наши деловые отношения, а подобные вопросы неизбежно приведут к этому.

С. Понимаю, но я только руководствуюсь нашим отчетом. Вы можете дать мне копий этого рапорта, чтобы уладить наши с вами дела? И можете ли вы заверить этот документ?

М. Да, вы можете получить ее. И я могу это заверить. Теперь давайте вернемся к нашим насущным темам. Мне кажется, мы обсуждали советских шпионов в Америке.

С. И в Англии.

М. Этот список выглядит, как телефонный справочник Берлина!

С. Как скоро мы сможем увидеть его?

М. Как только мы закончим наши дела.

С. Могли бы вы охарактеризовать Уоллеса как настоящего коммуниста? Я имею в виду, есть ли доказательства тому, что он передавал Советам секретные материалы?

М. Я не хочу вводить ваших людей в заблуждение, но, по моему мнению, Уоллес не является и никогда не был профессиональным коммунистическим агентом, не более чем мистер Гопкинс. Уоллес - человек, который верит в неоспоримое благо определенных политических систем, преимущественно социалистических, и будь его власть, он хотел бы создать прекрасный, социалистический мир, где все танцуют от радости на улицах и все молодые женщины - девственницы. О да, мне известно все о таких простодушных и заблуждающихся людях, так же как, уверяю вас, известно об этом Советам. Уоллес - человек с поэтической душой и болтливым языком. Он не был шпионом. Вот Гопкинс делал свое дело за деньги. Это все, к чему стремится человек. Деньги и власть Он и коммунистом тоже не был, но он... как бы это сказать... оказывал Сталину большое содействие своими советами, которые он давал Рузвельту.

С. Это нам известно. Вы должны помнить, что президент выгнал Уоллеса из своего кабинета в 1946 году. Президент считал Уоллеса коммунистом, но общее мнение о нем в Вашингтоне сводилось к тому, что Уоллес психически неуравновешен.

М. Похоже на бедного Гесса.

С. Но Гесс не был опасен.

М. Нет, он просто был со странностями. Гесс и Уоллес, оба живут в каких-то других мирах. Удивительно, как такие странные люди вроде них попадают на высокие должности. Однажды я видел донесение, что премьер-министр Канады тоже был сумасшедший.

С. Любил поговорить со своей покойной матушкой.

М. А она ему отвечала?

С. Кто знает и кого это должно интересовать?

М. Вас, если бы он приказал своим людям отравить вашу водопроводную систему бациллами сибирской язвы, потому что так ему велела мама. Ваш Рузвельт собирался всыпать в наш водопровод антракс и другую дрянь {В апреле 1942 Рузвельт велел военному секретарю Стимсону основать программу разработки оружия на основе токсина ботулизма и сибирской язвы с целью использовать его против немцев Проект был оставлен, когда стало известно, что немцы создали нервно-паралитические газы табун, зарин и заман, которые непременно были бы пущены в ход в случае попытки США отравить гражданское население Германии.}. Вам об этом известно? И использовать ядовитый газ против немецкой армии в Италии,

потому что не было никакой другой возможности заставить ее покинуть горы.

С. Где вы услышали о сибирской язве?

М. Мамочка канадского премьер-министра нашептала мне во сне. Нет ничего тайного, что не стало бы явным, мой юный друг. В разведке на высшем уровне нет места для идеалистов.

АДМИРАЛ ДАРЛАН И ГЕНЕРАЛ СИКОРСКИЙ

Помимо множества других документов, представляющих большой исторический интерес, в архивах Мюллера имеется также подборка расшифровок личных телефонных переговоров между президентом США Франклином Д. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем, перехваченных немцами во время войны.

В 1937 году американская компания АТТ (American Telephone Telegraph Company) ввела в употребление шифрующее устройство, названное А-3. Данное устройство, шифрующее телефонный разговор на входе и дешифрующее его на выходе, эффективно предохраняло его от перехвата по пути. Система А-3, которую использовали Рузвельт и Черчилль, размещалась в охраняемом здании службы АТТ в Нью-Йорке на Уокер-стрит, 47, а парное к ней британское устройство - в Лондоне.

Немцы знали о том, что Рузвельт пользуется данным устройством, и в 1939 году начальник почтовой службы рейха, д-р Онезорге, поручил специалисту по связи, Курту Веттерляйну, найти способ расшифровывать переговоры президента. К концу 1940 года Веттерляйну и его группе удалось взломать систему безопасности Рузвельта. В дальнейшем по приказу Онезорге в небольшом прибрежном городке к северу от Гааги была сооружена специальная станция перехвата, занимавшаяся круглосуточным прослушиванием и расшифровкой всех трансатлантических радиотелефонных переговоров. Эксперты анализировали все переговоры с точки зрения их значимости для разведки, после чего весь важный материал переводился в оригинальный английский текст и его отправляли с курьером в военную ставку Гитлера или в Берлин к Генриху Гиммлеру. Гиммлер, в свою очередь, получал немецкие копии и рассылал их по своей организации. Мюллер в качестве начальника государственной службы контршпионажа тоже получал расшифровки некоторых перехватов.

Подавляющее большинство перехваченных трансатлантических радиотелефонных переговоров между Рузвельтом и Черчиллем носит относительно тривиальный характер. Возможно, приведенный здесь разговор, состоявшийся 29 июля 1943 года, является одним из наиболее исторически

значимых.

Июль 1943 года был богат событиями: 43-я и 37-я дивизии США высадились в Мунде в Нью-Джорджии, лидер польского правительства в изгнании, генерал Владислав Сикорский, погиб в авиакатастрофе на британской базе в Гибралтаре, немцы начали наступление на Курской дуге, на Сицилию был сброшен союзнический десант, британские королевские военно-воздушные силы разбомбили Гамбург, уничтожив десятки тысяч мирных жителей, а 25-го числа итальянский диктатор Бенито Муссолини был отстранен от власти в результате дворцового переворота и взят под арест агентами короля Италии.

Теперь, когда один из лидеров оси лишился власти, Рузвельт и Черчилль постановили, что Италия должна выйти из войны и перейти на их сторону. Состоялся интенсивный обмен телеграммами и курьерскими посланиями, и в дополнение к этому состоялась серия личных переговоров между главами союзных держав. Здесь приводится расшифровка первого из таких переговоров, состоявшегося 29 июля.

В тексте расшифровки, подготовленном немцами, "А" обозначает Америку, а "Б" - Британию, и данные обозначения сохранены в переводе. Для большей ясности при публикации были удалены различные указания на шумы при передаче и отдельные искаженные слова.

А. У меня имеются некоторые дополнительные соображения насчет итальянской ситуации, которые мне хотелось бы обсудить с вами. Я размышлял о наших действиях в отношении Муссолини и его конечной судьбе. После того, как он будет передан нам.

Б. Прежде чем изжарить рыбку, ее сначала нужно поймать. У меня нет сомнений в том, что в конце концов он окажется у нас в руках, если только, конечно, они не убьют его первыми или если он не избежит расплаты, покончив с собой.

А. Существует еще возможность, что его могут заполучить нацисты. Где он находится сейчас?

Б. Итальянцы сообщили нам, что в настоящее время он находится под арестом в полицейском управлении в Риме. Они хотят поскорее перевести его в другое место, потому что немцы, похоже, вполне могут неожиданно принять решение усилить свое присутствие s Италии, и Рим логичным образом станет их основной мишенью. Они переведут его.

А. Но они не отпустят его, в смысле не отдадут немцам? В качестве своего рода qui pro quo {Букв. "одно вместо другого"; баш на баш (лат.).}?

Б. Не думаю. Итальянцы ненавидят немцев, а королевский двор довольно надежно у нас в кармане. Мы имеем все основания

быть уверенными, что Муссолини в итоге окажется в наших руках.

А. Но будет ли это разумно, Уинстон? Мы будем принуждены устроить что-то вроде крупного судебного процесса, который будет длиться не один месяц, и даже если сможем его полностью контролировать, это неизбежно приведет к проблемам. А я должен заметить, что многие итальянцы являются по крайней мере тайными поклонниками этого человека. Если мы будем его судить, это может создать проблемы. Исход, естественно, не вызывает сомнений, и в конце концов он закончит жизнь в петле.

Но, однако же, эти суды, а я полагаю, что у нас будет целая куча его жалких приспешников, которых тоже нужно будет судить и казнить, будут длиться бесконечно. Я могу предвидеть, что это дело будет иметь ряд отрицательных последствий.

Б. Разумеется, любое дело имеет свои отрицательные стороны, Франклин. Значит, вы считаете, что его не следует судить? Но что подумают о нашем неуместном благородстве наши друзья в Италии? У меня прекраснейшие отношения с некоторыми элементами итальянского общества, и все они без исключения желают публичного унижения и смерти Муссолини. Безусловно, сейчас не тот момент, когда подобные широкие жесты возможны. Его смерть окажет благоприятное действие и на нацистов.

А. Не могу не согласиться с этим тезисом, но, с моей точки зрения, публичный судебный процесс может косвенно привести к ухудшению ситуации в моей стране. Как я уже сказал, в итальянском обществе существует определенное сочувствие к этой фигуре, и вопрос в том, какую реакцию вызовет здесь подобный суд? Меня беспокоят прежде всего приближающиеся выборы. Судебный процесс, конечно, займет не одну неделю, и чем ближе по времени он будет к выдвижению кандидатур и, в конечном счете, к выборам, тем большую опасность будет представлять охлаждение к нам итальянцев, которые имеют, я полагаю, весьма существенный вес.

Б. Я не могу согласиться с тем, что освобождение Муссолини могло бы способствовать осуществлению любой из наших общих целей. Мне кажется, что данный момент истории стал своего рода водоразделом и теперь события будут развиваться в нашу пользу. Я не думаю, что война тут же закончится, но у меня такое ощущение, что отныне мы шагаем по via Triumphalis {Дорога триумфа (лат.)}, а не по via Dolorosa {Дорога скорби (лат.)}, по которой мы шли так долго.

А. Я не имел в виду, что нам нужно отпустить этого дьявола на свободу. Совсем нет. Я говорил только о публичном процессе.

Если Муссолини умрет до того, как подобный процесс будет иметь место, это будет наилучший выход для нас со всех точек зрения.

Б. Вы предлагаете, чтобы мы просто расстреляли его, когда итальянцы передадут его нам? Что-то вроде военного трибунала? При закрытых дверях, разумеется. Это может благотворно подействовать на все еще упорствующих недобитых фашистов, и даже еще больше на гитлеровцев.

А. Нет. Я размышлял над этим, и я полагаю, что если Муссолини умрет, пока он еще находится под арестом в Италии, это сослужит нам гораздо лучшую службу, чем если мы дадим ход судебному преследованию.

Б. Не думаю, чтобы итальянцы согласились оказать нам такую услугу, даже если я попрошу их об этом. У меня такое впечатление, что они желают полноценного отмщения. Как можно более продолжительного и публичного. Вы же знаете, как итальянцы любят завывать о мести в своих операх. Неужели вы можете вообразить, чтобы они отказались от удовольствия рукоплескать, рассевшись в зрительном зале?

А. Я подразумевал, что, если мы сами сейчас придем к согласию, мы могли бы сделать так, чтобы его убрали, пока он еще у них. И в то же самое время мы могли бы выдвигать вполне публичные требования выдать его для суда. Это было бы даже проще, чем дело Дарлана...

Б. Ну, это-то был исключительный случай, Франклин. Теперь дело сделано, и наши люди не будут особенно интересоваться заслуженным концом этого известного нацистского прихвостня.

А. Мне хорошо известны ваши взгляды на дело Дарлана, и я знаю, что вам также известны мои. В моих разведывательных кругах, да и в других местах, хорошо известно, что этого человека убили вы. У нас имеется орудие убийства, и использование американских патронов отнюдь не встретило одобрения {Французский адмирал правительства "Виши" Жан-Луи Дарлан был убит 24 декабря 1942 года агентами де Голля. Рузвельт одобрял использование деятелей "Виши" на вновь захваченных бывших французских территориях, но Черчилль решительно поддерживал де Голля, выступавшего против использования членов правительства "Виши". Борьба между Рузвельтом и Черчиллем завершилась убийством Дарлана, которое совершил молодой француз, подготовленный британской спецслужбой SOE и действовавший под их руководством Орудие убийства, пистолет "велрод" британского производства, попал в руки американцев.}. А главное, что ответственность за смерть Дарлана теперь возлагают на нас, в крайнем случае на вас, и все опровержения

возымели очень слабый эффект. Если бы Дарлана убил француз...

Б. Как и было на самом деле.

А.... пока он был во Франции, нас бы ни в чем не заподозрили. Если Муссолини уберут, пока он еще находится под стражей в Италии, ни у кого не возникнет сомнений, кто его убил. И в дальнейшем не возникнет никаких подозрений, которые могли бы взволновать итальянцев, голосующих здесь.

Б. Не совсем понимаю, в чем такая большая значимость голосов итальянцев относительно наших с вами целей.

А. Неужели вы, когда гостили у Кокрана, не сумели разобраться в нашей политической системе? {Берк Кокран, американец ирландского происхождения, политик и бывший конгрессмен. Он был одним из множества любовников Дженни Черчилль, матери Уинстона, и был знаменит своим красноречием и театральностью. Уинстон посетил его в Америке в 1895 году и обучался у него ораторскому искусству. Черчилль всегда считая Кокрана своим учителем.}

Б. Меня больше интересовал человек, нежели система. Не могу себе представить, чтобы горстка итальянцев в вашей стране могла оказать какое-либо существенное влияние на ваши решения.

А. Уверяю вас, для меня важно учитывать не только стратегическое значение всех наших действий, но и то, какое влияние эти действия оказьвают на мое собственное положение. Вещи, которые вам могут казаться элементарными, не всегда оказываются таковыми для меня. Поскольку мы заговорили об этом, я хотел бы высказать кое-какие комментарии к делу Сикорского, которые могли бы проиллюстрировать сказанное мной.

Б. Это тоже дело прошлое. Что сделано, то сделано. Как вам известно, я заплатил за него большую дань в палате, и данная тема такая же мертвая, как и он сам.

А. Мертвая и гнилая. Мне не требуется неистовых посланий от Эда Келли {Эдвард Келли руководил в Чикаго аппаратом Демократической партии. следующих выборах. Мне также нужна поддержка итальянцев, евреев, социалистов и так далее. И поверьте мне, убийство Сикорского создает здесь самые разные сложности.} из Чикаго с выражением неприятий и опасений тамошних польских избирателей, чтобы мне стало ясно, что убийство Сикорского было хуже, чем преступление. Пользуясь словами Талейрана, это была грубейшая ошибка.

Б, Все это мы обсудили ранее...

А. Пожалуйста, позвольте мне продолжать. Поляки голосуют блоками, и мне нужна их поддержка на

Б. Я не вижу, в чем тут причина. Мы оба пришли к согласию, что этот человек вызвал большое смятение и раздражение в Кремле {Сикорский требовал послевоенного пересмотра советско-польских границ, чем вызывал огромное недовольство Сталина.} и своим поведением вбил клин между всеми нами. Мы не можем позволить себе такого сейчас. Это будет фатально. Дядюшка Джо {Имеется в виду Сталин.} делал бесчестные авансы нацистам с видами на заключение договора и, конечно, совершенно невозможно выяснить, делал ли он это для форсирования второго фронта или всерьез. Просто иногда приходится делать такие вещи, крайне неприятные, для общего блага. Однако я не могу представить себе, чтобы вы забыли о нашей личной беседе на эту самую тему, когда я последний раз был в Вашингтоне. В конце концов, с тех пор прошло всего два месяца, и тогда ваши собственные взгляды практически совпадали с моими.

А. Я никогда не говорил, что Сикорского нужно убрать. Я просто согласился с вами и с Дядюшкой Джо, что неуступчивость Сикорского создает массу проблем и что он пытается ловить рыбку в мутной воде. Разумеется, я допускал, что вам придется его осадить. В конце концов, своим длительным существованием он был обязан исключительно нашей щедрости. Но то, как это дело повернулось, создало для меня гораздо больше трудностей, чем хотелось бы. Польские голоса в Чикаго имеют большой вес. А мне нужны все голоса, которые я могу получить.

Б. Не следует ли понимать это шире?

А. Могу я вернуться к нашей основной теме, Уинстон?

Б. О, прошу вас.

А. Если я не буду выдвинут кандидатом, я не смогу быть избран. Вам это понятно? А если я не буду избран, мой возможный соперник, который находится полностью под влиянием реакционеров и деловых круизов, будет, по всей вероятности, отнюдь не столь дружелюбен и склонен к сотрудничеству и с вами, и особенно с Дядюшкой Джо. Если я провалюсь на выборах, наш союз может распасться... и, вероятнее всего, так и будет. Дядюшка Джо вполне может заключить сепаратный мир с Гитлером, и что тогда будет с Англией? Гитлер вполне может обрушить свою ярость и свои Люфтваффе на вас за такие вещи, как, скажем, последний налет на Гамбург. Сможет ли Англия выстоять сама, без нашей помощи? Я полагаю, вам следует больше придерживаться здравого смысла, когда вы беретесь за дело, имеющее более одного аспекта.

Б. Я полагаю, здесь речь идет не о моих суждениях. Вы прекрасно знаете, что мы обсуждали вопросы, связанные с Сикорским, очень подробно и что вы полностью согласились с моим решением. Вы, безусловно, не станете отрицать вашу осведомленность и вашу ответственность. Я этого не приму.

А. Это ваше право. Я повторяю, что я не знал заранее, позвольте подчеркнуть - заранее, что этот несвоевременный несчастный случай с Сикорским произойдет, когда он находится под вашей протекцией и под вашим контролем. Не спорю, что его конец был предопределен, но вы не можете вменить мне в вину, что я знал об этой удачной аварии заранее. Один из наиболее доверенных моих советников, узнав о происшествии, заметил, что чересчур много людей, несогласных с вами, попадают в фатальные авиакатастрофы. Надеюсь, данная закономерность изменится? В конце концов, корабли тоже иногда тонут. Вспомните "Лузитанию".

Б. Да, но из такой катастрофы кто-нибудь может выплыть. А вот выйти живым из взорванного самолета вряд ли кому удастся.

А. Мы можем обсудить это подробнее, когда встретимся в следующем месяце, но я хотел бы сказать, что в некоторых вопросах необходимо учитывать реалии политических сражений, которые мне приходится вести ежедневно. А теперь мы должны серьезно подумать о механизме официальной капитуляции Италии. И еще, выскажите, пожалуйста, ваши соображения относительно моих взглядов на Муссолини. Нам необходимо очень осторожно взвесить все возможные варианты, особенно в свете возникших проблем с поляками. Вы подумаете над этим, не так ли?

Б. Возможно, люди Донована {Генерал Уильям Донован ("Дикий Билл"), бывший прокурор Нью-Йорка, был личным другом Рузвельта. Он основал Управление стратегических служб (OSS), действовавшее как орган американской внешней разведки и служба по проведению тайных операций После смерти Рузвельта его преемник, Гарри Трумэн, распустил ОСС в октябре 1945 года, поскольку в ее рядах было много известных коммунистов. ОСС имело специальный отдел, который занимался убийствами и работал и с британскими, и с советскими службами, занимавшимися сходной деятельностью.} принудят нас к этому. Равноправие - это, безусловно, и есть признак истинных союзников.

А. Мне не составляет труда учитывать это. Присматривайте за этим человеком и удостоверьтесь, что нацисты не прослышали, где он находится. Я не знаю, что было бы хуже - публичный судебный процесс, или освобождение Муссолини, или его побег.

Он еще способен принести большой вред. Теперь я должен отправляться обратно в постель, но я хотел заставить вас поломать голову.

Б. Я бы предпочел, чтобы вы не превращали мою голову в пчелиный улей.

А. Я вовсе не имел такого намерения. А вообще, какая жалость, что Джо Кеннеди не летит самолетом в Англию.

Б. Это едва ли необходимо. Мы у себя шпионов расстреливаем, а кем, по-вашему, является Кеннеди?

А. Опасный человек, Уинстон, но слишком влиятельный в подобных делах. Что ж, у вас герцоги Виндзорский и Кентский, а у меня Джо Кеннеди. Я никогда не забуду, что этот человек говорил и делал против меня. И я никогда не прощу его сыну, что он открыто выступил против меня на той партийной конференции по выдвижению кандидатов на выборы. Я очень устал, Уинстон, и должен попрощаться с вами. Мы сможем поговорить позже, в следующем месяце, менее напряженно. Спокойной ночи.

Б. Спокойной ночи.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ГЕРМАНЕ ГЕРИНГЕ

В ходе этой беседы Мюллер сделал множество замечаний о некоторых значительных личностях Третьего рейха. В частности, в ней шла речь о Германе Геринге, пламенном предводителе Люфтваффе и втором человеке гитлеровского режима. Здесь Мюллер обсуждает неожиданную грань личности Геринга, которая часто упускалась из виду историками.

М. За эти годы я много раз сталкивался с Герингом. Это именно он основал гестапо, когда был министром-президентом Пруссии, но затем был вынужден передать руководство этой организацией Гиммлеру. Я, пожалуй, не знаю, на кого из них я хотел бы работать. Геринг был сильной, даже опасной личностью, он был опасен, но с ним легко было иметь дело. Гиммлер же всегда оставался корректным, характер у него был слабый, но со странностями. Он не представляя опасности, но с ним иметь дело было трудно. Гиммлер поддавался влиянию, в отличие от Геринга. Я думаю, что не сработался бы с Герингом из-за атмосферы, сложившейся вокруг него. Большую часть времени он жил как наследный принц и уделял мало внимания служебным делам. Он редко поддерживал своих людей, и достаточно было одного слова Гитлера, чтобы он клонился, как деревце на ветру. Разумеется, Гиммлер был таким же, но Гиммлером можно было управлять. Я руководил гестапо без всякого постороннего вмешательства и не беспокоился по поводу соперников, потому что никто больше не работал столько, сколько я. Шелленберг

имел обыкновение вынюхивать вокруг, пытался быть со мной приятным... гиена, широкая улыбка и ничего за ней. Он хотел заполучить мои досье, чтобы выдвинуться самому, но никогда бы не смог и близко к ним подобраться.

С. Разведывательная деятельность Геринга ограничивалась телефонным прослушиванием, не так ли?

М. Да, и, разумеется, его фоторазведка ВВС. Он прослушивал телефонные линии Германии, как внутренние, так международные. Мы, само собой, делали то же самое, но между нами не было никакого технического взаимодействия. Я вспоминаю, как однажды Геринг вдруг захотел срочно увидеть меня в своем кабинете в Министерстве авиации. Я понятия не имел, в чем дело, но поспешил явиться к нему. Знаете, я однажды встречался с Муссолини, и у него был этот огромный кабинет в старом дворце в Риме. Обыкновенно он сидел за гигантским письменным столом в углу кабинета и пристально смотрел на людей, приближающихся к нему.

У Геринга был похожий кабинет, но не было этого тяжелого взгляда. Ковры, старинная мебель, живопись и прочее. Похоже на музей. Некоторые из этих людей, которые отстаивают интересы рабочих и фермеров, живут как настоящие короли. Вам стоило бы увидеть мой кабинет. Никакого сравнения. Сплошные документы, телетайпные аппараты и так далее. Ни полотен маслом, ни ковров, ни мрамора на полу. Как бы то ни было, Геринг встретил меня очень любезно, предложил мне хорошую сигару и начал уклончивый разговор, с заходами вокруг да около, о своей проблеме. Неким людям, он не стал уточнять каким, очень нужно попасть в Швейцарию, а поскольку я контролирую пограничников, он надеется, что я сумею ему посодействовать. Для меня это не составляло никакой трудности, но мне нужна была более подробная информация. В конце концов оказалось, что это были двое пожилых евреев из Мюнхена, которые однажды помогли ему. Геринг боялся, что Борман предпримет попытку схватить их и отправить в лагерь.

С. Почему Борман так бы поступил?

М. Борман был злобный тип, готовый сделать все что угодно, лишь бы досадить людям, которым он завидовал или которые, как он полагал, стояли ему поперек дороги. Подруга вашей бабушки была еврейка? Отлично, в лагерь! Ваша дочь посещала монастырскую школу? Отлично, монастырь закрыть, всех сестер и учениц разогнать. Борман пытался делать подобные вещи всякому, кто ему не нравился, а он ненавидел буквально всех, кроме Гитлера.

Я выразил Герингу свое удивление и сказал довольно

открыто о своей уверенности в том, что Геринг мог бы обратиться к Борману. По сути, из всех людей, которых я знал в то время, Геринг был самым безжалостным и хладнокровным.

С. Интересно. Я однажды говорил с ним в Нюрнберге, и он показался мне довольно приятным и интеллигентным человеком.

М. О, таким он тоже был. Ленивый и несколько своеобразный в выборе одежды. Ему нравилось производить впечатление. Очень театральный, человек. Однако, несмотря на весь свой веселый нрав, Геринг был совершенно лишен милосердия. При этом он был одним из немногих людей, на кого можно было бы рассчитывать в серьезной ситуации. Он мог бы добиться увольнения Бормана, хотя с Гитлером случился бы припадок, сделай он это. Возможно, поэтому Геринг и удержался. И что довольно странно, Гитлер, скорее, боялся Геринга.

С. Гитлер?

М. Ну да. Было такое дело Тодта. Доктор Тодт руководил всеми строительными делами и отлично справлялся с этим делом. Геринг захотел подчинить его себе и контролировать его отдел, а Тодт не пожелал сотрудничать, и с ним приключился несчастный случай. Его курьерский самолет взорвался, едва оторвавшись от земли в гитлеровской ставке. Это дело расследовали люди из СД, и я получил копию отчета. Гитлер узнал, что за этим стоит Геринг, и поручил работу Шпееру, и этот выбор оказался удачным, потому что Шпеер творил чудеса в военной промышленности, так что даже вы могли слышать о нем. Нет, Геринг был безжалостным человеком. Не злым, но безжалостным. Но Бормана не сняли с поста, так что Геринг избрал другой путь и решил убрать искушение со своих глаз.

Он хотел узнать, как я смогу помочь ему; это были очень порядочные, безобидные люди, которые не должны были страдать из-за того, что они евреи и его друзья. Мне не составляло труда помочь ему в этом деле, и я ему так и сказал. Еще я сказал, что сам обо всем позабочусь, и он преисполнился благодарности. Мне был вручен адрес и толстый запечатанный пакет, в котором, по-видимому, были деньги, и я взялся позаботиться и о нем тоже. Сейчас, задним числом, инцидент предстает гротескным. Я должен был отправиться в Мюнхен по семейным делам, так что я высвободил какое-то время и выехал из Берлина на своей служебной машине, бронированном "мерседесе" со служебными флажками на капоте и личным шофером. У меня нечасто выдавалось время для отпуска, и я постарался насладиться долгой поездкой. В Мюнхене я справился со своими делами, а затем позвонил этим пожилым людям и сказал, что буду у них рано утром. Я также известил Геринга в Берлине о том, как

собираюсь действовать, а он, в свою очередь, уведомил свои контакты в Швейцарии, и на следующее утро я проехал через Мюнхен и мы усадили пожилую пару в мою машину. Это были очень приличные люди, но чересчур старые, чтобы тащить свои чемоданы, так что мы, начальник гестапо, генерал СС, и его шофер, тоже сотрудник СС, тащили по лестнице чемоданы двух старых евреев и укладывали их в багажник моей машины, как будто я был служащим отеля. Я знаю, что шоферу все это казалось очень забавным, но он не осмелился сказать ни слова. А у меня болела нога. Но ведь не могли же мы бросить их сумки. Судя по весу, они наложили в них булыжников.

С. Признаю, в этом есть нечто комичное.

М. Потом мы долго ехали до швейцарской границы через горы, и эта часть поездки доставила мне большое удовольствие. Я сидел впереди рядом с водителем и по дороге разговаривал с пожилой парой. Как я уже сказал, они были порядочные, воспитанные люди, и мне было вовсе нетрудно помочь им.

С. Вас никто не остановил?

М. Вы шутите? Я был в полной форме со всеми регалиями, машина служебная, по бокам вывешены флажки моего ведомства. Офицеры дорожной полиции не решались даже взглянуть на меня дважды. На границе было два строения, одно для пограничников, а другое - таможня, так что я вышел из машины и нанес визит в оба. Я велел всем таможенникам и пограничникам зайти в помещение и оставаться там, пока я не вернусь, и да поможет Бог тому, кто нарушит мой приказ. Швейцарцы ждали по ту сторону, и, что оказалось труднее всего, нам с шофером пришлось тащить их багаж до места встречи. Там был один сотрудник-швейцарец, которого я знал, и я заметил, что это кажется ему очень смешным. Я сказал ему, что не слишком оценил его чувство юмора и что ему придется тащить эти чемоданы весь оставшийся путь. Я отдал старикам конверт Геринга, а они мне записку для него.

С. Что они ему написали?

М. Откуда мне знать? Это было личное письмо, оно было запечатано. На обратном пути я вспомнил, что Геринг дал мне с собой в поездку большую плетеную корзину, полную еды, которую я засунул в багажник и прикрыл ковриком. Так что на обратном пути мы остановились в месте для отдыха, вышли из машины и вместе с шофером съели все, что в ней было, - заказ от "Хорхерс" в Берлине. Отличный ресторан, а в войну хорошая еда была редкостью. Я коротко объяснил шоферу, что ни одно из событий этого дня не подлежит разглашению, и он согласился, что будет гораздо разумнее съесть угощение, запить его вином и

обо всем забыть.

С. Думаю, Геринг был доволен.

М. О да. Он спросил, что он может сделать для меня, и я ответил, что был бы очень благодарен, если бы мой сын, когда ему придет время идти на военную службу, был принят в военно-воздушные силы. Я думаю, Геринг ожидал, что я потребую гораздо большего, и был очень рад заверить меня, что моего сына непременно примут в его воздушные войска {Сын Мюллера, Рейнхард, на самом деле поступил в LSSAH и в 1944-1945 годах был членом Kampfgruppe Piper.}.

С. Геринг часто делал подобные вещи?

М. Геринг был, как я уже говорил, во многих отношениях очень порядочным человеком, и я достоверно знаю, что он спас многих людей, некоторых даже из лагерей. Его жена работала в театре и знала многих евреев, и у самого Геринга тоже были друзья-евреи. Вы, может быть, слышали, какое он делал замечание, когда кто-нибудь говорил ему, что такой-то и такой-то человек в его министерстве еврей? "Это я решаю, кто еврей". Нет, если бы по какой-либо причине Гитлер умер до войны, Геринг стал бы главой государства, и тогда не было бы никакого беспокойства евреям, и войны точно не было бы.

С. Да, исходя из моего опыта общения с ним, я с вами согласен. Он производил впечатление очень порядочного человека, но в нем было что-то от грабителя, когда дело доходило до произведений искусства.

М. О да, это было хорошо известно. Но у Геринга было плохое сердце, и он собирался оставить свою коллекцию государству. Я думаю, ему доставляло удовольствие вешать эти вещи на стены и смотреть на них. Я уверен, что история была бы более благосклонна к нему, чем к Гитлеру.

С. А как насчет вас самого?

М. Никто ничего не знает обо мне за исключением того, что я руководил гестапо. Я предпочитал, чтобы так было при последнем правительстве, и я тем более предпочитаю, чтобы так было и сейчас.

С. С этим мы оба можем согласиться.

М. И насчет Геринга мы тоже согласны.

С. Да, в целом вы правы.

М. Да, и еще одна вещь о старых евреях. Я велел официально опечатать их квартиру и уведомил гестапо Мюнхена, чтобы никто даже не пытался войти в нее. Они жили в районе Мюнхена, который не был разбомблен, так что кто знает? Когда война закончилась, они могли вернуться назад. У меня нет сведений насчет того, сделали они это или нет, но оставаться в Швейцарии

для них было бы хуже. После войны там было очень плохо. Они часто говорили: "Радуйся войне, потому что мир будет ужасен", и они были правы.

РЫЦАРЬ, СМЕРТЬ И ДЬЯВОЛ

Вероятно, тем аспектом истории Третьего рейха, который в силу своей драматичности нашел наибольшее отражение в литературе и средствах массовой информации, стала деятельность системы концентрационных лагерей. Она превратилась в золотую жилу для публицистов и в настоящий кошмар для статистиков.

Сведения о фактах и цифровых данных, разбросанные по разным общедоступным и секретным архивам, вызывают удивление своей приблизительностью. Писателей не стесняет ограниченность фактического материала, и поистине анекдотические цифры разрастаются, подобно водорослям, закрывающим грунт.

Мюллеру лично было известно очень многое о структуре и функционировании лагерной системы. Ими управляли различные отделы СС, но Мюллер получал регулярные подробные отчеты о заключенных, содержащихся во всей системе в целом. Например, если гестапо кого-нибудь арестовывала и если эти люди должным порядком попадали под суд и отправлялись в заключение, Мюллер всегда отмечал, когда заканчивается срок того или иного заключенного. В дальнейшем он обладал правом либо повторно арестовать человека и заключить его в тюрьму, либо отпустить его на свободу. Его архивы полны справок об освобождении, переводе, смерти или официальной казни заключенных во всех лагерях системы. В качестве образца в Приложении приведен рапорт коменданта лагеря Гросс-Розен, в котором говорится о советских военнопленных, отправленных вермахтом в лагерь для расстрела.

Мюллер также получал ежемесячные статистические отчеты службы инспекции лагерей с указанием общего числа заключенных в каждом лагере и сколько их было переведено или умерло за тридцатидневный срок. Эти отчеты охватывают период с 1938 по начало 1945 года.

Лагерная система и участие Мюллера в ее деятельности стали одной из тем, вызвавших наибольший интерес у его послевоенных работодателей Это было связано не столько с критическим отношением к его действиям, сколько с желанием выяснить, не возникнет ли каких-либо обстоятельств, которые могли бы существенно осложнить привлечение его к работе.

С. Нам необходимо знать, каково было ваше отношение к ситуации с евреями. Следует учитывать крайне негативную

известность вашей организации, связанную с уничтожением огромного числа евреев в специальных лагерях СС. Речь идет о программе массового уничтожения. Не могли бы вы обрисовать, как вы сами были с ней связаны и несете ли вы в какой-либо мере ответственность за нее?

М. Да, конечно. Позвольте мне представить вам здесь некоторую историческую подоплеку этого дела, если вы не возражаете.

С. Нет, я ничуть не возражаю против того, чтобы вы излагали ваши взгляды на историю. Пожалуйста, продолжайте так, как вам угодно.

М. Благодарю вас. Антисемитские настроения в Германии возникли, конечно, не после 1933 года, но именно тогда ситуация начала выходить из-под контроля, с чем я согласен. Прежде всего, позвольте заявить сразу, что сам я не антисемит. Было дело, когда меня уговаривали принять командование одной из эйнзатцкоманд на Востоке в 1941 году, но я отклонил это предложение. До войны, до 1914 года, антисемитизм никогда не был в Германии серьезной проблемой. Конечно, были небольшие группы, которые выступали против евреев, но им не придавали особого значения В то время и у самого кайзера было много друзей-евреев. После войны и особенно после того, как начались большевистские восстания в России и в Германии, значительная часть населения Германии оказалась сильно настроена против евреев, потому что именно они руководили всей революционной деятельностью. А потом еще Пилсудский выпихнул толпу евреев из Польши в Германию. Большая часть этих евреев отправилась в Берлин и Гамбург и вписалась в тамошнюю деловую жизнь. Они в большинстве своем не говорили по-немецки и привезли с собой своих родственников и друзей. Учитывая множество экономических проблем, существовавших в то время в Германии, было легче всего обвинить в них легко узнаваемых иностранцев. И Гитлер, который, безусловно, не любил евреев вообще, использовал это негативное отношение в самом начале своей кампании. Но я думаю, его больше раздражали евреи-социалисты в рейхстаге в период войны, нежели евреи-торговцы на улицах Берлина. И хотя евреев он не любил и хотел выставить их вон из Германии, он не был столь уж нетерпим, как хотел казаться. В его правительстве тоже были евреи, и иногда на довольно высоких постах. Возьмите, например, Мильха. Он возглавлял Люфтганзу и был, вне всяких сомнений, наполовину евреем. Я знаю это, потому что однажды мне пришлось писать об этом отчет. И Гитлеру это тоже было известно, однако он позволил ему достичь звания фельдмаршала воздушных сил и вручил ему золотой

партийный значок. Довольно высокая награда для такого человека. Гейдриха тоже считали наполовину евреем, и, так это или нет, до Гитлера дошли эти слухи, но он, конечно, Гейдриха не выгнал. И у Геринга тоже, естественно, никаких проблем с евреями не было. Он покупал большое количество произведений искусства, и его жена работала в театре, а значит, они оба водили знакомство с евреями, и мне лично известно, что Геринг помог многим евреям покинуть Германию. Геббельс, напротив, ненавидел всех евреев поголовно и был полон решимости истребить их как можно больше. И, однако же, при том, что он был губернатором (гауляйтером) Берлина и был наделен большой властью, из последних данных, виденных мной в 1945 году, следовало, что более половины евреев, проживавших в Берлине в 1930-х, все еще оставались там до конца войны. В 1938-м, когда Гитлер получил контроль над Судетской областью, он решил выгнать всех евреев с этой территории и заставил чехов принять их к себе. Чехи этого делать, конечно, не хотели, но Гитлер их заставил. Как только это произошло, в Польше началась настоящая паника. Если уж кто действительно ненавидит евреев, так это поляки. Сначала им удалось избавиться от какого-то количества своих евреев, а теперь стало похоже на то, что страны, принявшие их, высылают их обратно. Мне кажется, в октябре 1938 года поляки издали закон, который гласил, что польские граждане, прожившие такой-то период времени за пределами страны, не могут вернуться в Польшу без специального штампа в паспорте. Естественно, евреи такого штампа получить не могли. И поляки заявили, что если какой-нибудь поляк не имеет такого штампа, он перестает быть поляком и отныне не имеет гражданства. Когда Гейдрих услышал об этом, он сразу собрал всех польских евреев, которых сумел найти, и отправил их обратно в Польшу. Это было вполне законным действием, поскольку их документы теперь были недействительны. Вы таких называете нелегальными иммигрантами. Но поляки не захотели принять их обратно, и они застряли в своих поездах между Польшей и Германией. Я хочу особо указать вам на то, что никому не нужны были эти польские евреи, абсолютно никому. Даже президент Рузвельт отказался пустить их в вашу страну. Естественно, Франция и Балканские страны тоже отказали им. Во всяком случае, после всех этих депортаций в 1938 году родственник одной из таких семей явился в наше посольство в Париже, чтобы убить посла. Вместо этого он убил одного младшего чиновника. Эта новость достигла Гитлера, когда он и его руководство были в Мюнхене по случаю торжеств в честь 9 ноября. Волна погромов прокатилась тогда по всей Германии.

Били стекла, жгли дома, колотили евреев. Как только Гитлер узнал об этом, он немедленно это прекратил. Но ущерб уже был нанесен, и наша репутация во всем мире сильно пострадала.

С. Гитлер отдавал приказы о нападениях на евреев?

М. Нет. Геббельс отдавал. Все, включая меня самого, протестовали, но Гитлер ничего Геббельсу не сделал. Геббельсу после этого пришлось отправиться в Каноссу {Выражение "отправиться в Каноссу" связано с историческим событием, произошедшим в 1077 году, когда германский император Генрих IV должен был принести покаяние под стенами резиденции Папы Григория VII в Каноссе Значение фразы - смиренно раскаиваться.}, но в итоге он снова оказался в чести. Я всегда считал, что Гитлеру следовало бы выставить Геббельса со службы, но этого не случилось, и никто ничего не мог с этим поделать. Официальная политика Гейдриха и службы безопасности (Sicherheitsdienst) заключалась в том, чтобы заставить евреев эмигрировать в другие страны. Но, как я уже сказал, никто не хотел принять их. Службе безопасности пришлось связаться с сионистами, которые хотели, чтобы евреи собрались в Палестине и помогли им построить их сионистское государство. Они были готовы забрать их, но не забывайте, что Палестиной управляли британцы, а арабы вообще были против евреев. Все они пожаловались Риббентропу, а тот, в свою очередь, побежал к Гитлеру и сказал, что СС саботирует его внешнюю политику. Да еще Борман и его АО {Auslandorganization, организации нацистской партии за рубежом.} нагородили вокруг этого всяких сложностей. На самом деле какое-то небольшое число евреев все же было отправлено в Палестину, но в конце концов британцы пригрозили, что потопят пассажирские суда, и оказали на Гитлера дипломатическое давление с целью пресечь эмиграцию. Британцы продолжали такую политику даже во время войны. Со стороны СС был предложен план отправить всех евреев, находящихся в лагерях, в Палестину или куда угодно, где их захотят принять, но британцы тут же его заблокировали. Один из них что-то сказал насчет того, что такое количество польских евреев никому не нужно {Лорд Мойн, британский Верховный комиссар в Каире Был убит еврейской террористической организацией "Штерн Ганг" после того, как стало известно, что он препятствовал освобождению узников еврейских лагерей.}. Они могли бы принять сотню-другую немецких или датских евреев, но не сотни тысяч евреев из Польши. Разумеется, потом, когда война закончилась, британцы громче всех причитали по поводу этих бедных евреев, большинство из которых сбежало в Палестину. Я руководил главной службой эмиграции евреев с начала 1939 года

до приблизительно середины октября того же года, так что я хорошо знаю, о чем говорю. В конце концов я понял, что с таким противодействием мне не справиться, и постарался найти кого-нибудь, кому смог бы передать руководство этой службой {Мюллер передал ее Адольфу Эйхману, служившему под его началом.}.

С. Не могли бы вы пояснить, что за совещание состоялось в Берлине в январе 1942 года? Мне кажется, оно проходило в штаб-квартире Интерпола в Ванзее.

М. Да, я могу рассказать о нем. Я присутствовал на нем от начала до конца. Перед этим имели место серьезные столкновения между Геббельсом и Герингом по поводу нахождения евреев в Германии, особенно в Берлине. Геббельс хотел выселить их всех в генерал-губернаторство {Генерал-губернаторство - часть польской территории, оккупированной Германией в 1939 году. Гиммлер хотел, чтобы всех депортированных евреев отправили в район Люблина, где они должны были работать на СС.}, а Геринг был против. Геринг занимался тогда планированием промышленного развития, или службой четырехлетнего плана, и хотел сохранить всех квалифицированных рабочих, каких только можно, включая и евреев. А Геббельс говорил, что по причине возможной нехватки продовольствия и потенциального саботажа все евреи должны быть депортированы. Гитлер в конце концов устал от этих пререканий и позволил Герингу действовать по его усмотрению. Упомянутое совещание на высоком уровне началось в конце января и проходило в бывшем здании Интерпола на озере. На нем присутствовали Гейдрих, я и многие другие. Совещание было довольно скучным, и в итоге было вынесено заключение, что все квалифицированные евреи и евреи, занятые в производстве вооружения и других жизненно важных в военное время производствах, депортации не подлежат. На этом вопрос был исчерпан.

С. Там не говорилось о депортации и уничтожении всех евреев в Европе?

М. Нет, об этом не было ни слова. Речь шла о том, что если в принципе производить депортацию евреев, то каких следует выслать из страны, а каких оставить. Некоторых привилегированных евреев вообще следовало оставить в покое. На этот счет есть множество документов. В моих архивах имеется полный протокол плюс множество записей, касающихся этого вопроса, многие из которых сделаны Гейдрихом и Герингом. Это не было совещание на тему, как бы истребить всех евреев. Оно было созвано просто для обсуждения пунктов, которые я вам

назвал, и больше ни для чего.

С. Однако же, вопреки этому, вам должно быть известно об имевших место жестокостях и массовых убийствах. Не можете же вы сказать сейчас, учитывая ваш высокий ранг, что ничего не знали об этом?

М. Многое я знал. В 1941 году мне донесли, что в оккупированной зоне имели место массовые убийства евреев, и я послал одного из моих людей (Адольфа Эйхмана) произвести расследование на месте. И от него я узнал, что в районе Люблина множество евреев... и не только... было убито в душегубках и газовых камерах. Этот человек просто заболел, когда увидел, что там творилось {Все эти утверждения Мюллера на его совести. - Примеч. ред.}. Я сообщил об этом Гейдриху, а он велел мне заняться моими собственными делами, так что я сразу понял, что продолжать заниматься этим расследованием не самая лучшая идея. Но позже, уже после смерти Гейдриха, ко мне пришел сотрудник юридической службы СС и представил доказательства относительно грабежей и убийств в лагерях, расположенных на территории Германии. Это было совсем другое дело, и я отправил его к Кальтенбруннеру с запиской о нашем разговоре. Кальтенбруннер занервничал и не захотел заниматься этим материалом, так что он был передан Гиммлеру.

С. Почему вы или Кальтенбруннер не вмешались?

М. Очевидно, мы не знали... по крайней мере, я не знал... было ли это официальной политикой или нет. Такие дела лучше передавать начальству и оставлять решение на его усмотрение.

С. И что предпринял Гиммлер?

М. Он приказал провести расследование по Бухенвальду и другим лагерям. Персонал лагеря был отдан под суд, и многие были казнены.

С. Гиммлер прекратил тогда все убийства?

М. Не думаю. Теперь, когда Гейдриха не стало, я сообщил Гиммлеру и о лагерях под Люблином, и он очень встревожился. Но мне кажется, впрочем, что не столько из-за самих лагерей, сколько из-за генерала Глобочника.

С. Глобочника?

М. Да. Это был словенец, член австрийской NSDAP, ставший после объединения губернатором Вены. Венская служба гестапо обнаружила, что Глобочник является крайне подозрительной личностью и что он, используя свое положение, был причастен к краже большой суммы денег. Этот рапорт поступил к Гитлеру...

С. Почему не к Гиммлеру? Разве этот человек не состоял в СС?

М. Да, но как губернатор он подчинялся непосредственно

Гитлеру и рассматривался как член NSDAP.

С. И как поступил Гитлер?

М. Немедленно заменил Глобочника. А позже Гиммлер дал Глобочнику должность начальника СС и полиции Люблина. Глобочник стал главой OSTI (отдела восточной промышленности). Он руководил этой операцией под контролем обергруппенфюрера Поля из промышленного отдела СС. Глобочник должен был поставлять сырье и готовые товары для службы Поля, что он и делал, но заодно греб огромное количество денег у заключенных из лагерей, устроенных им в Люблине На самом же деле он убивал всякого, кого только мог, чтобы освободить место для новых узников, у которых он мог бы отобрать деньги, золото и другие вещи, вроде одежды и так далее.

С. Гиммлер это одобрял?

М. Одобрял то, что тот извлекал из лагерей деньги и товары, но был против грабежей и присвоения чужого имущества. Я рассказал о данных фактах Гиммлеру, и он услышал об этом также и от юридического отдела СС. Тогда он и постановил закрыть эти лагеря и отправить Глобочника в другое место.

С. Глобочник получал еще какие-нибудь повышения по службе, кроме этого?

М. О да, получал. Гиммлер послал его в качестве начальника СС в Триест, где Глобочник наворовал еще денег. Гиммлер совершенно очевидно боялся, что Глобочника поймают... и станут судить... потому что его ужасно пугало, что Гитлер узнает обо всем этом.

С. Что, Гитлер не одобрил бы лагерей смерти?

М. Нет, дело не в этом. Гитлер лично сместил Глобочника с должности губернатора Вены за нарушение дисциплины и преступное поведение. Гиммлер полагал, и совершенно справедливо, что если Гитлеру станет известно, что Глобочник снова вернулся на службу благодаря Гиммлеру, расплата за это будет страшной. А Гиммлер очень боялся гнева Гитлера Потому-то он и закрыл лагеря и позволил Глобочнику бежать с награбленным.

С. Гитлер когда-нибудь узнал об этом?

М. По крайней мере, не от меня. Было бы не очень мудро с моей стороны таким образом бросать Гиммлеру вызов. Гитлер мог как-нибудь узнать об этом, но вообще я в этом сильно сомневаюсь.

С. А другие лагеря смерти были?

М. О да, западнее, в Аушвице (Освенциме).

С. Думаю, нет никого, кто не слышал бы об этом месте.

Можете сказать что-нибудь о нем? Какие-нибудь непосредственные замечания?

М. Я отправлял людей в концентрационные лагеря, а не посещал их. Изначально Аушвиц был рабочим лагерем. Затем Гиммлер и Поль решили использовать его как промышленный центр СС. У них были крупнейшие индустриальные фирмы, такие как "Siemens" и "IG Farben". Это было одно из мест, где они производили "Buna", искусственный каучук. Понимаете, СС должны были сами себя обеспечивать, а Поль был настоящим гением в умении извлекать выгоду. Задача всего комплекса, а он разросся до огромных размеров, состояла в том, чтобы делать деньги при как можно более низких эксплуатационных расходах. Они использовали какое-то количество добровольцев и наемных рабочих, но главным образом заключенных. Среди заключенных было много евреев, но в основном это были лица, занимавшиеся подрывной деятельностью, и много, очень много профессиональных преступников. Наименее способные из этих людей просто -умирали от скудной пищи или ее полного отсутствия и от болезней. Никто не брал на себя труд позаботиться о них, и стоило одной рабочей лошадке умереть, как ее тут же заменяли другой.

С. А как же клеймо лагеря уничтожения?

М. Ну, это легко объяснить. Небольшая часть лагеря, ограниченная с одной стороны деревьями, а с другой стороны рекой, была вероятным лагерем смерти Больные.. люди с тифом и другими заболеваниями... глубокие старики... главным образом евреи... и какое-то количество политических заключенных и беглых военнопленных направлялись в это место, чтобы умереть.

С. В газовых камерах?

М. Об этом уже говорилось. Они травили людей газом в Люблине, но насчет Аушвица я не уверен.

С. Для этого использовались банки с цианидом, не так ли?

М. Цианид использовался в лагерях, а также в вермахте для очистки одежды от вшей. А у всех этих поляков и русских, попадавших в восточные лагеря, она была просто набита вшами. Спрашиваете, были ли там газовые камеры? Я думаю, там наверняка были обширные дезинфекционные помещения, но я не знаю, использовались ли они для уничтожения людей. Большая часть тех, кто умер в Биркенау, умерла от тифа. Но, конечно, и там, и во всех остальных лагерях бывали казни. В основном через расстрел или повешение.

С. Гесс, комендант Аушвица, утверждал иначе, но, насколько я понял, он дал эти показания под давлением. Что вы можете сказать насчет крематориев? В тех местах неоднократно замечали

огромные облака дыма от сжигания трупов.

М. Там еще делали бензин из угля. Вообще весь этот участок был одной большой угольной разработкой, и я знаю, что у "Farben" были большие печи, использовавшиеся для переработки угля в бензин. Из них и шел этот дым. Да, и тем не менее в Аушвице должны были сжигать трупы умерших заключенных, как и во всех остальных тюрьмах и лагерях. Был такой порядок, особенно в случае тифа. Кстати, кремировать заключенных стали еще во времена кайзера, так что это не было нововведением СС.

С. Такое впечатление, что вы сейчас извиняетесь за лагеря.

М. Конечно же, нет. Эти лагеря задумывались вовсе не как центры уничтожения евреев. Они использовались как места заключения всех категорий осужденных, в частности грабителей банков, коммунистов, гомосексуалистов и прочих, и многих людей, которых гестапо изолировало от общества как активных врагов государства, попрошаек, постоянно неработающих и так далее. И сейчас, как и тогда, я не вижу ничего страшного в том, чтобы запереть эти отбросы под замок и заставить немножко поработать.

С. Но евреи не подходили под эти категории, разве не так?

М. По большей части нет. Хотя, конечно, многие из них не имели гражданства и многих использовали как бесплатных рабочих. Не слишком приятная перспектива, но, в конце концов, все-таки не фабрика смерти. Фабрикой смерти руководил Глобочник, но не потому, что получил такой приказ, и не потому, что так ненавидел евреев. Его, между прочим, и самого долго считали отчасти евреем. Он убивал людей ради денег.

С. Вы можете сказать, сколько людей умерло в Аушвице?

М, Понятия не имею. В моих архивах есть кое-какие данные, но, боюсь, их довольно мало.

С. Миллионы?

М. Где, в Аушвице? Да нет, не столько, конечно, но довольно много. Самое большее сотня тысяч, но никак не миллионы. Главным образом от тифа и других заболеваний. Сейчас я не могу представить вам никаких данных, но я могу поискать их, если вам угодно. Я помню совершенно точно, что общие цифры по всем лагерям в целом составили около полумиллиона умерших за семилетний период. В основном от тифа, и, уж конечно, не все они были евреи {Вряд ли эта фраза соответствует действительности - Примеч. ред.}.

С. Кто нес ответственность за убийства? Например, за те, что происходили в Аушвице?

М. Я не знаю, и я не хотел этим интересоваться. Ко мне это не имело ровно никакого отношения. Я знаю, что Гиммлер должен

был быть осведомлен обо всем происходящем, но делалось ли это по его приказу, я не знаю.

С. Осведомлен о программе уничтожения?

М. Нет, нет, позвольте мне повториться. О высоком уровне смертности и плохих условиях содержания заключенных. Я лично разговаривал с ним о Люблине, так что он был в курсе всего этого дела.

С. Но ведь и вы были в курсе, не так ли?

М. Иногда мне хочется, чтобы вы слушали меня внимательней. Я неоднократно за последние несколько минут говорил вам, что знал об этих вещах довольно много. Я докладывал об этом Гиммлеру, моему начальнику. Эти дела были полностью вне моей власти. Лагерями руководил Глюке, который подчинялся Полю. Мы были просто-напросто в разных цепочках подчинения. Когда я считал, что имеет место нарушение закона или предосудительное поведение, я предпринимал определенные меры и был способен исправить ситуацию.

С. Что считалось предосудительным поведением?

М. Ну хорошо. Однажды я узнал, что вермахт... отправил комиссаров-коммунистов в лагеря... в лагеря под управлением СС... чтобы расстрелять.

С. СС отправили их туда?

М. Нет, армия. Армия отправила этих русских в лагеря и требовала их расстрела. Они в большинстве своем умерли от тифа... умерли еще по дороге в лагерь. Совершенно отвратительное дело. И если вас это порадует, скажу, что приказал военным немедленно прекратить это.

С. Расстреливать пленных?

М. Нет, отправлять умирающих людей нам, чтобы мы убивали вместо них. Если армия хочет их смерти, пусть делает это сама. Должен отметить, что Люфтваффе таких вещей не делала. Но ведь вы считаете Геринга военным преступником, не так ли? По моему мнению, для большей пользы было бы разумнее потратить немного больше денег на питание и лечение заключенных, чем морить их голодом и загонять их работой до смерти. Но другие, очевидно, рассуждали иначе. Никого из сотрудников промышленной службы СС не интересовало ничего, кроме извлечения выгоды, чтобы произвести впечатление на Гиммлера, а Гиммлер единственно хотел произвести впечатление на Гитлера тем, какой он умный. Вот как все было.

С. Это была позиция СС в целом или нет?

М. Я бы сказал, что нет. Войска СС (Waffen-SS) полностью отличались от собственно СС (Allgemeine-SS). Они вообще ни во что не ставили Гиммлера. Они его полностью игнорировали и

занимались войной. Гиммлер был очень ограниченный человек. Он тратил больше времени на составление меморандумов о том, что нацеплять на униформу, и о тонкостях официальных обращений, нежели на саму войну. Гиммлер вечно суетился по пустякам. Хотел бы я получать по марке за каждый полученный от него меморандум о самых тривиальных и бесполезных вещах... даже Гитлер находил его утомительным. Подчиненные Гиммлеру офицеры полностью игнорировали его, и он тратил целые дни на написание писем тому или иному генералу о проявлении неуважения к нему или неподчинении. Однажды он обратился ко мне с просьбой расследовать один такой бунт, как он это назвал, но мне удалось быстро от него отделаться. Меня же больше интересовала победа в войне, а не то, как один генерал назвал другого в официальном письме.

С. Вы тоже игнорировали Гиммлера?

М. Мне было гораздо труднее делать это, потому что я как раз все время был в Берлине, у него на глазах. Я делал что мог, чтобы избежать проблем. Я уже говорил вам, что отказался принять командование над антибандитским отрядом на востоке. У меня были дела поважнее, чем скитаться по России, расстреливая советских бандитов и евреев.

С. Если приказ о запуске программы уничтожения отдал не Гиммлер, то кто? Гитлер?

М. Нет. Многое началось еще при Гейдрихе, а после его смерти просто продолжалось. Гиммлер просто боялся касаться этого. Разумеется, он знал, как обстоят дела. Я не могу сказать в точности, как много он знал или когда узнал, но я лично передал ему значительную информацию. Он знал, что заключенные умирают от голода и болезней, но ни разу ничего не предпринял по этому поводу. Еще я думаю, что он боялся гнева Гитлера больше, чем чего бы то ни было. Мне кажется, он думал, что если Гитлер сочтет его некомпетентным, его уволят. В конце концов, СС были всей его жизнью. И вся его сила и власть, каждая мелочь, зависели от благосклонности к нему Гитлера. Вы хотите знать, какова была моя роль в этих лагерях? Позвольте, я буду краток. Я отправлял людей в лагеря за уголовные или политические преступления. Я не имел абсолютно никакого отношения ни к управлению этими лагерями, ни к их укладу. До меня тут дошел слушок, что Глюке до сих пор жив. Почему вы не спросите его?

С. Думаю, мы полностью должны оставить этот вопрос в покое, генерал, и, я уверен, вы знаете почему.

М. Если вы беспокоитесь, что кто-нибудь откопает какой-либо документ, доказывающий мою причастность ко всем этим делам, то не стоит. Об этом нигде нет ни слова. Если только, конечно,

коммунисты или их друзья не сфабрикуют что-нибудь для вас, что они так любят делать.

ВОСКРЕШЕНИЕ ОДИЛО ГЛОБОЧНИКА

Судьба генерала СС Одило Глобочника, как и история его преследования Генрихом Мюллером, мало известна историкам Третьего рейха и интересует немногих. Тем не менее она скрывает обилие информации о механизмах и истинных событиях того, что называлось "окончательным решением" или запланированным истреблением европейских евреев.

В предыдущей главе уже шла речь о Глобочнике и его деятельности, в этой главе обсуждение продолжается.

С. Позвольте мне еще раз вернуться к проблеме, касающейся одного высшего офицера СС. Если вам что-нибудь известно об этом человеке, возможно, вы сумеете изложить нам ваши взгляды относительно этой проблемы и дать какой-нибудь совет.

М. Я сделаю, что смогу.

С. Речь идет о группенфюрере СС Глобочнике. Вы упоминали о нем ранее. Помните?

М. Конечно, помню. Что там с ним?

С. Он сейчас в тюрьме.

М. Прекрасно. Самое подходящее для него место Вы собираетесь судить его за его деятельность?

С. Не совсем так. Именно в этом проблема.

М. Кое-кто говорил, что он мертв.

С. Нет, к сожалению, он не мертв. Он был схвачен в Каринтии британцами после войны. Он заключил с ними своего рода соглашение о том, что они не станут отдавать его под суд, если он им заплатит.

М. Типично для Глобочника. Это должна была быть частная сделка.

С. Да, началось все именно так. Глобочник спрятал в Австрии огромное количество золота и других драгоценностей...

М. Награбленных в концлагерях, без сомнения. Я уже говорил об этом...

С. Да, да, и есть документы, которые это подтверждают. Вначале он дал тем, кто его поймал, большую сумму в британских денежных купюрах, чтобы они отпустили его...

М. Боже мой! Бумажные фунты? Да ведь мы, само собой, напечатали за время войны сотни миллионов фальшивых фунтов. И он предлагал им это за спасение своей жизни?

С. Нет, это были настоящие банкноты, вывезенные им из Люблинского лагеря. Британские солдаты, конечно, взяли деньги.

М. Естественно, они это сделали. Только почему, взяв деньги, они тут же не пристрелили его? Это бы больше соответствовало

их стилю. Он мог быть убит при попытке к бегству или мог бы совершить самоубийство, слопав пропитанный ядом обед.

С. Нет, они оставили его в живых, потому что получили лишь очень небольшую часть ценностей. И, разумеется, сведения об этом быстро распространились, так что вскоре об этом услышали в Лондоне и все дело утратило свой частный характер.

М. И тогда британское правительство решило получить остальные деньги и сохранить их для себя, я полагаю?

С. Была такая мысль, но они больше ничего не получили, а Глобочник не тот человек, с которым легко договориться.

М. Худшая из свиней, поверьте мне. Преступник и головорез. Что с ним стало потом?

С. Британцы очень разнервничались из-за него и его пособника, которого они отыскали в Гамбурге. Они решили избавиться от них, передав их нам в обмен на некоторые документы, которые мы обнаружили в Германии.

М. Документы? Могу я узнать, какого рода документы?

С. Касающиеся переписки между неким знаменитым членом британской королевской фамилии и Гитлером...

М. А! Бумаги герцога Виндзорского. Хотите увидеть их фотокопии? У меня они припрятаны.

С. Нет. Мы отдали им, насколько я понял, оригиналы или по крайней мере некоторые из них, и они отдали нам Глобочника и Вирта...

М. О, мой бог, вы, должно быть, шутите со мной! Я знаю, кто такой Вирт, и он был убит во время войны. Майор СС. Неужели вы скажете мне, что он выжил? Я... я видел отчет об этом. Вы говорите о Кристиане Вирте? Ему сейчас было бы около шестидесяти лет. Он работал в лагерной системе, а до этого был в Гадамаре. Это где они убивали безнадежно больных, идиотов и слабоумных. Этот Вирт?

С. Полагаю, да.

М. Я уверен, что он был убит.

С. Это подтверждено?

М. Насколько я помню, считалось, что он был убит в бою с партизанами. Что произошло потом?

С. Я не полностью осведомлен об этом, но полагаю, что он хорошо представлял себе, что его ждет, так Что он скрылся... подобно многим другим, чьи имена приходят на ум.

М. Да, я уверен, что они так и сделали. Ну и у кого теперь эта обезьяна? У вас?

С. Проблема состоит в том, что британцы передали их нашим людям как экспертов по партизанской войне...

М. Чушь! Это пара самых настоящих убийц, а никаких не

борцов с партизанами. Вот вам типичное британское лицемерие. Если вы не можете обмануть ваших врагов, попытайтесь надуть ваших союзников. Так в чем проблема? Не то чтобы я ее тут не видел. Если кто-нибудь прознает, что сталось с этой парочкой, пресса сварит ваше правительство в кипящем масле. Я, по крайней мере, никогда не убивал сотни тысяч евреев. Вы их проверили?

С. Все это было сделано на очень высоком уровне, и до недавнего времени мы ничего не знали об этом. Я думаю, у CIC хватает хлопот с этим делом.

М. Хорошо, не связывайтесь ни с одним из них. Примите мой совет, тихо расстреляйте их обоих и закопайте где-нибудь в лесу.

С. К сожалению, вопрос с деньгами остается открытым. Деньги нужны, а Глобочник вернул их ровно столько, сколько было необходимо для спасения его шкуры.

М. Не думаю, что мне стоит спрашивать вас, почему вам так нужны эти деньги.

С. Ну хорошо, а что СС делали с фальшивыми британскими деньгами?

М. Вероятно, то же самое, что и вы. Часть их удерживается для последующего вывода из обращения, а остальные используются для разведывательных операций, которые не терпят слишком пристального взгляда самодовольных бюрократов.

С. Совершенно верно.

М. Так в чем проблема?

С. Что с ними делать.

М. Раз вы не хотите их расстрелять, я вижу два возможных решения. Вы можете увезти их в Америку и предоставить им решать проблемы, которые у вас там с неграми. Уверен, они великолепно справятся с этой работой. Глобочник не немец, а словенец, но Вирт очень деловой немецкий специалист. Вирт разрешит все ваши расовые проблемы в несколько месяцев, а Глобочник выдернет все золотые зубы и откроет в Нью-Йорке банк. Не делайте такое лицо, пожалуйста, А другое решение - вручить их в качестве презента Сталину. Товарищ Иосиф примет этих тварей с распростертыми объятиями. Вероятно, он так загрузит их в России работой, что они умрут от истощения, убивая врагов Сталина. Это именно тот сорт мерзавцев, которых так любят большевики. Поверьте мне, между ними самое близкое родство. Все они просто безумная шайка кровожадных обезьян. Вот и все!

С. Учтите, что все это идет в запись. Мы не должны чересчур забываться.

М. Не учите меня. Это у ваших людей проблемы, а ее у меня.

Если бы этим делом занялся я, я заставил бы Глобочника отдать деньги, а потом избавился бы от него как можно скорее, пока никто ничего не узнал Что же касается Вирта, то у него денег нет, так что сейчас же его в мешок и в лес. Будь моя воля, я повесил бы Глобочника в 1943 году, но так не случилось, Я был в числе противников того, чтобы юридическая служба СС отпустила Глобочника, но он был другом Гиммлера, так что все закончилось ничем. Просто закопайте его как можно скорее в землю. Я помог вам?

С. Это более или менее то, что я ожидал от вас услышать.

М. Зачем докучать мне проблемами, которые так просто решаются? Что вы собираетесь делать с ними?

С. Возможно, последуем вашему совету. Проблема в том, что Глобочник может кое-что рассказать о британцах, а теперь и о нас тоже, ну и нам действительно нужны деньги. Возможно, военные пошлют их в Сирию или в Ливан работать с арабами.

М. А что они будут там делать? Травить газом верблюдов?

С. Это имеет отношение к новому еврейскому государству...

М. Да ваши люди просто буйно помешались! О чем вы только думаете? Очень жаль, что вы убили Гиммлера, вам стоило бы послать туда и его тоже. Чем вас так волнуют евреи?

С. Британцы встревожены из-за них...

М. Это меня ничуть не удивляет. Им приходится убираться из Палестины и оставлять всю тамошнюю нефть и газ, разве не так? Я говорил вам, что британцы умышленно не подпускали евреев к этой области, когда я пытался отправить их туда. Арабам они там не нужны, а британцы вообще терпеть не могут евреев, хотя их высшее общество полным-полно ими. А что, если сионисты узнают об этом бойскаутском лагере, набитом людьми из СС? Если это произойдет, вам будет дьявольски нелегко выкрутиться.

С. Что ж, это забота армии, а не наша. Если деньги будут найдены, они должны быть поделены поровну между нами, британцами и армией.

М. Послушайте, нам нет необходимости обсуждать эти вещи далее. И я могу сказать вам прямо сейчас, что я не желаю иметь никакого отношения к арабам, Глобочнику и особенно Вирту. Я все еще не могу поверить, что Вирт не погиб во время войны. Если они оба или хотя бы один из них попадет в руки к евреям, он совершенно точно умрет. Эти евреи быстро расправляются со своими врагами. И не могу сказать, чтобы я упрекал их за это. Вы ведь не хотите оказаться замешанными во все это, верно?

С. Эта область уже вышла из-под контроля Британии, и Вашингтон начинает тревожиться из-за отношений Советов с Израилем. Евреи получают оттуда оружие, и они могут напасть на

арабское государство и получить контроль над их нефтью.

М. Полагаю, это вполне возможно. Однако будьте осторожны, касаясь всего этого. Сначала ваш президент поддерживал Израиль, а теперь приказывает своей армии готовиться к нападению на него. По крайней мере, так это выглядит со стороны. Я уже говорил вам, займитесь коммунистами в вашей собственной стране и не беспокойтесь о евреях. А если Сталин когда-нибудь нападет на вас, он, скорее, будет использовать саботажников и шпионов, а не танки и самолеты. Он начнет секретную войну против вас на всех уровнях, но прямого нападения можно не опасаться. Теперь, когда Рузвельта не стало, ему придется гораздо тяжелее, но не стоит недооценивать Сталина. Тайная война - это то, с чем вам все равно придется столкнуться. Почему бы не попробовать сейчас подружиться с сионистами? Если Сталину не повезет с ними, а, вероятно, так оно и будет, потому что евреи никогда ни о чем не могут договориться, он примется за арабов и тогда получит всю нефть, которая вам так нужна. Это область, в которой я мог бы вам помочь, но я не хочу оказаться замешанным вновь в какую-либо антиеврейскую акцию, даже на расстоянии. В этом заключалась крупнейшая ошибка Гитлера. Если бы он оставил евреев в покое, он мог бы сейчас сидеть в Берлине, глядя, как Шпеер возводит новые здания.

С. Но в некоторых местах с евреями возникают большие проблемы.

М. В некоторых местах всегда есть проблемы с кем-нибудь. Баварские католики ненавидят прусских протестантов, французы ненавидят немцев, словаки ненавидят чехов, русские ненавидят украинцев, белые американцы ненавидят черных, японцы ненавидят всех подряд. Вот почему полицейский всегда востребован.

С. Очень надеюсь, что настанет время...

М. Никогда! Пока на земле живут хотя бы два человека, они будут охотиться друг на друга. А потом останутся только крысы и тараканы, и Господь сможет начать все сначала, только в следующий раз Он не станет использовать для создания людей глину. Возможно, у него лучше получится из крысиного помета.

МЮНСТЕРСКИИ ЛЕВ

В отличие от "Окончательного решения" {Имеется в виду окончательное решение еврейского вопроса. - Примеч. ред.}, программа эвтаназии в Третьем рейхе документирована значительно лучше. Существовал даже подписанный

Гитлером указ, дающий право государственным службам, занятым этим, осуществлять ее по мере необходимости. Данная

программа, учрежденная в начале Второй мировой войны, была внезапно остановлена в августе 1941 года. Свидетельства Мюллера, принимавшего участие в этом процессе, в значительной мере проливают свет на тот факт, что Гитлер действительно контролировал все стороны жизни Германии.

С. Я хотел бы обратиться к теме так называемой программы милосердного убийства, которая была учреждена... я полагаю... в 1941-м. Хронически больные, умственно отсталые и прочие "дефективные" по приказу Гитлера были убиты в газовых камерах. Это верно?

М. Да, в общем, правильно. Я видел подписанный им приказ об этом(1). Что я могу вам рассказать?

С. Программу в конце концов отменили, разве не так?

М. Да, я полагаю, где-то в конце августа или начале сентября 1941 года. Для уточнения ваших данных, программа была пущена в ход в сентябре 1939 года. Этот тип, Вирт, который, по-видимому, сейчас находится под вашим покровительством, был одним из организаторов технической стороны дела. Это абсолютная правда, что большое число хронически больных (имеются в виду умственно неполноценные люди) и неизлечимых калек, кроме тех, что пострадали в войне 1914 года, и им подобных были уничтожены.

С. Почему программу свернули?

М. Гитлер приказал остановить ее после того, как епископ фон Гален {Единственным документом, подтверждающим, что приказ о программе эвтаназии исходил от Гитлера, является фотокопия рукописной записки, переданной Гитлером Филипу Боуглеру, начальнику его канцелярии. Она написана в октябре 1939-го, но датирована задним числом - 1 сентября 1939 года.} публично ее осудил. Его главная проповедь состоялась, по-моему, 3 августа 1941 года в церкви Св. Ламберта. Он произнес очень сильные слова об убиении невинных немецких граждан, и его речь была напечатана и распространилась по всей стране. Я сам имел очень тесное отношение к этому делу, если вы хотите узнать о нем.

С. Конечно, продолжайте, пожалуйста.

М. Епископ, который, кстати, был очень убежденным немецким националистом, получил информацию об этих убийствах и обратился с посланием к своей пастве. Разумеется, это сразу привлекло внимание местных сотрудников гестапо, и мне прислали копию. Он был, безусловно, чрезвычайно решителен в осуждении данной программы, за что я не могу упрекать его. Он видел в этом поругание Божьих заповедей, и здесь я был совершенно согласен с его взглядами. Убийство детей

и стариков без всяких сомнений преступно. Нужно было вести это дело с большой осторожностью, чтобы оно не вышло из-под нашего контроля, и я послал начальника регионального отделения гестапо поговорить с епископом и предупредить его, чтобы он немедленно оставил данную тему в покое. Разумеется, я действовал так по долгу службы, а не из личных побуждений В любом случае, епископ отказался поступиться своими взглядами, и донесение о его деятельности поступило к Гиммлеру, а затем опять ко мне. Мы с Гиммлером довольно долго совещались по его поводу. Гиммлер был католик, а я и до сих пор принадлежу лону церкви, так что в этом отношении между нами была некая общность. Он чувствовал себя очень неуютно из-за всего этого дела, особенно теперь, когда оно получило огласку. Ему не нравился тот факт, что в деле оказались замешаны СС. Гиммлер никогда не мог привести свои мысли о чем бы то ни было в порядок, так что я воспользовался этим и велел своим людям ни в коем случае не мешать епископу, а просто продолжать наблюдение Затем он произнес свою проповедь Я знал, что он собирается сделать это, у меня служил в церкви свой человек, секретный сотрудник гестапо, который должен был сделать полную стенографическую запись текста проповеди. Должен сказать, что фон Гален был человеком большой силы духа и решительности. Он прямо обвинил правительство и отдельных его членов в убийстве. Какой бы то ни было компромисс не состоялся. В тот же вечер я получил полный текст проповеди и передал копию Гиммлеру, а еще одну отослал с курьером Геббельсу. Геббельс тоже был католиком, но, в отличие от Гиммлера, мыслил ясно, и он сразу понял суть моего сопроводительного доклада. Она заключалась в том, что, если епископ будет арестован, это вызовет ужасающие беспорядки в регионе, которые невозможно будет контролировать Геббельс вызвал меня на обсуждение, и я сказал, что хотел бы лично переговорить с епископом и проследить за тем, чтобы дело было немедленно прекращено Я обсудил это и с Гиммлером, который согласился, что конец этому должен быть положен раз и навсегда. После этого я отправился к фон Галену {Клеменс граф фон Гален (1878-1946), католический архиепископ в Мюнстере, впоследствии по решению Пия XII стал кардиналом. Происходил из очень древнего немецкого рода, был убежденным националистом и консерватором. Вопреки этим взглядам, епископ, известный как "Мюнстерский лев", решительно выступил против программы милосердного умерщвления "непригодных".} и довольно долго говорил с ним. Он весьма настойчиво интересовался, одобряю ли я эту программу, и я ответил ему

отрицательно. Я объяснил, что у меня на это есть много веских причин. В первую очередь, как католик, я согласен с его аргументами и использованными им в проповеди теологическими положениями. Во вторую очередь, это дело бросало тень на репутацию СС в частности и всего немецкого народа в целом. И в-третьих, у меня была маленькая дочь, в том самом положении, из-за которого других детей убивали {Младшая дочь Мюллера, родившаяся в 1936 году, была признана умственно отсталой.}...

С. Мне жаль слышать это.

М. Это принесло большое горе и тяжелые переживания и мне и моей жене и вызвало разлад в нашей семье. Но просто убить бедного ребенка - такое никогда не приходило нам в голову. Как видите, у меня было много причин, не связанных с национал-социализмом, чтобы полностью разделить мнение епископа. И я восхищался его гражданским мужеством, которое, как мне казалось, было редкостью для того времени. Я предупредил епископа, что ему не следует продолжать в том же духе, иначе его ждет лагерь. Он ответил, что ничего другого сделать не может... и что у него нет выбора. Я вспомнил, что однажды и Лютер произнес что-то в этом роде, и спросил епископа, что могло бы заставить его замолчать. Он потребовал, чтобы вся программа была полностью и немедленно отменена, а он взамен больше ничего не будет говорить и писать о ней. Вернувшись в Берлин, я поговорил с Гиммлером и Геббельсом, которые сообщили мне, что Гитлер был в ярости и этот злыдень Борман хотел не только арестовать епископа, но и казнить его. Я подготовил отчет и вручил его и Геббельсу и Гиммлеру, и, к большому счастью, Гитлер согласился остановить программу. Должен сказать, что Борман был в бешенстве, но это никого не беспокоило. И я был не единственный, кто заступился за епископа перед Гитлером. Другие члены его ставки и некоторые люди из высших правительственных кругов тоже присоединились. Фюрер отменил приказ, и фон Гален сдержал свое слово. Борману, конечно, не нравилось, что ему стали поперек дороги, а он был способен на любое вероломство, так что я постоянно посылал людей из гестапо, дабы убедиться, что епископу не грозит опасность. Его арестовали по делу 20 июля, и он был в заключении, но, уверяю вас, находился в хороших условиях и не подвергался жестокостям и оскорблениям. Да, это было некрасивое дело, но на востоке убийства продолжались. Думаю, что, если бы жертвы не были немецкими гражданами, отношение к этому было бы более терпимое. Фон Галену повезло. Один клирик из Берлина скончался в лагере, потому что поднял ту же тему, что и фон Гален. Это было очень глупо с его стороны, потому что дело уже

закончилось, а вся идея в целом более не подлежала какому-либо обсуждению. Но, конечно, мертвых это не воскресит, верно?

С. Да. Фон Гален умер сразу после войны, выражая недовольство тем, как союзники обращаются с военнопленными. Вам это известно?

М. Да. Это сделали вы?

С. Сделали что?

М. Убили епископа, конечно.

С. Нет. Он был старый человек и умер от пищевого отравления.

М. Вы говорите точь-в-точь как Гейдрих.

С. Это оскорбительно.

М. Таким был Гейдрих. Хотя нет, он, скорее всего, убил бы епископа, подстроив автокатастрофу или взрыв самолета... точь-в-точь как ваш мистер Черчилль любил поступать со своими собственными врагами. Нет, я не думаю, что это вы убили епископа, но лет через двадцать вас могут обвинить в этом.

С. Фон Гален считается одним из столпов антигитлеровского сопротивления...

М. О, какая нелепость. В этом нет ни капли истины. Епископ был убежденным националистом, но он был еще более убежденным католиком, и одна вера победила в нем другую. Я могу заверить вас, исходя из того что знаю сам, что у фон Галена не было ничего общего с извращением Штауффенбергом или вечно ноющими старыми генералами. Его сопротивление основано на его вере, а не на его эго. В конечном счете, это существенная разница, и я уверен, что вы это понимаете. Знаете, тюремные лагеря были заполнены самыми разными людьми, не только евреями и противниками Гитлера. Кого только не было среди заключенных, начиная с коммунистов, извращенцев, профессиональных преступников и заканчивая религиозными фанатиками, лицами, лишенными гражданства, бродягами, бездельниками и прочими. Ведь из того, что кто-то был в лагере, не следует, что надо делать из него святого, и если вы еще в этом не убедились, я уверен, что вам это предстоит. Нельзя делать святых из отбросов. Почему вы просто не пригласите всех узников лагерей в Соединенные Штаты и не обеспечите им государственные должности? Через несколько месяцев большинство из них отправится обратно на корабле в Бремен, а вам придется произвести дезинфекцию в их кабинетах.

С. Я знаю, что у нас есть проблемы такого рода, и мы хотели бы получить доступ к вашим документам, чтобы положить им конец.

М. Огромный поток этих ничтожеств хлынул в вашу страну,

как я полагаю, используя свое заключение в лагере как своего рода моральную визу. На самом деле у меня нет этих документов, потому что лагерная система не находилась под моим контролем, но я думаю, что можно проверить имена по судебным отчетам и спискам осужденных, к которым я имею доступ. Поверьте, подобные люди не нужны вам в вашей стране. Оставим евреев в стороне, ибо большую часть своего служебного времени я потратил, сажая под замок подобных типов... изгоняя их из общества. Я имею в виду преступников, дегенератов, коммунистов и антиобщественно настроенных людей. Я видел своими глазами, какой ужасный вред могут причинить эти твари хорошо организованному обществу. Во время имперского периода законы, естественно, были ужесточены, но народ Германии не устраивал беспорядков, не хныкал и не призывал к актам гражданского неповиновения. Когда в 1918 году наступил крах, все эти твари выбрались из своих нор и начали расползаться по улицам. В крупных городах появились танцевальные бары для гомосексуалистов и лесбиянок, стали распространяться извращения и порнография, возросло употребление наркотиков, и тяжкие преступления совершались везде, даже в маленьких городках и деревушках. Профессиональные коммунистические агитаторы, в большинстве своем иностранцы, взбаламучивали низшие классы и подстрекали их к открытому мятежу против социальной системы, которая, как они чувствовали, сможет лишить их заслуженных наград.

С. В каком смысле наград?

М. Во всяком обществе есть люди, которые могут созидать и созидают, и пока нация стабильна, остальные тоже стремятся им соответствовать -хорошо зарабатывать и кормить семью или поступать в университет и получать хорошее образование. Недовольные в большинстве своем являются неудавшимися интеллектуалами или, вернее, псевдоинтеллектуалами. В глубине души они знают или догадываются, что они ничего собою не представляют. Они ничего не могут создать... они не умеют ни рисовать, ни писать стихи или пьесы, ничего такого, что было бы замечено. То, что они делают, низкого качества и не имеет спроса на свободном рынке. Об этом есть у Паскаля.

С. Где?

М. В его трактате "Мысли несчастливые". Насколько я помню, у него говорится, что люди хотели бы быть великими, но знают, что они ничтожны, хотели бы быть счастливыми, но знают, что они жалки, хотели бы быть совершенными, но понимают, что они преисполнены недостатков, и хотели бы пользоваться уважением и любовью других, но знают, что их пороки заслуживают только

презрения. Я полагаю, что смысл этого пассажа такой. И затем там говорится, что таких людей охватывает злоба и ненависть к тем истинам, которые ясно показывают их несовершенство. Подобный человек становится коммунистом или либералом, как их называют в Англии. Он понимает, что, только сведя всех людей к общему заурядному состоянию, он может почувствовать себя если не выше, то хотя бы равным им. Такие люди не способны созидать, творить, но единственно могут разрушать то, что создали другие. Этих людей вы можете найти в академическом мире, где они захлебываются ненавистью к тому, чему учат и чего не могут создавать сами, или в профсоюзах, где они проклинают человека, построившего завод, чего они сами сделать не в состоянии. И если они приходят к власти, они только разрушают все, к чему прикасаются. Я знаю, что у вас много таких в вашей стране, многие родились там, но гораздо больше подобных бежали из Европы. У меня был непосредственный опыт работы с ними, а у вас нет. Вышвырните их из страны, пока они не загадили все вокруг. Они начинают с того, что требуют от вас признать идею, что все люди равны и что каждый человек должен быть равен... но не выше... своему соседу. В математике это называется общим знаменателем. Затем эти невостребованные интеллектуалы требуют, чтобы все люди были равны, а они, конечно, стали бы естественными лидерами народных масс вследствие своего умственного превосходства. Они начинают манипулировать массами, к которым снисходят с приказом сбросить существующее правительство и посадить на это место их самих. И на смену тирании рынка, которая более или менее естественна, приходит тирания интеллектуалов-неудачников, которые убеждены, что они одни правы, и хотят заставить всякого, кто не столь блестящ, поклоняться им, как глиняным божкам. Я мог бы высказать свои соображения и о Боге тоже. Во что бы вы ни верили, я должен сказать, что без Бога, или прочного морального стержня, общество быстро распадется на отдельные фракции, каждая из которых будет стремиться занять пустующий престол. Когда вы разрушаете или принижаете авторитет главной моральной опоры, вы оставляете позади вакуум. А что вы можете сказать о вакууме?

С. Что природа не терпит пустоты, конечно...

М. И что-нибудь заполняет ее Берегитесь человека, который хочет стать Богом.

С. Не применимо ли это к Гитлеру?

М. Я имел в виду Ленина, но, пожалуй, в определенном смысле это применимо и к Гитлеру. Хотя в другом смысле - нет. После 1918 года в Германии возник социальный, политический и

моральный хаос. Большинство людей хотят только мира и покоя, так что они рассуждают лишь о том, как устроиться в жизни и улучшать свое благосостояние. Во времена Веймара чувство принадлежности к обществу было утрачено, как и вера в достижение успеха путем честного труда. Тогда повсюду царили продажность, порок и преступность, и задачей Гитлера было показать угнетенным поражением и даже напуганным народным массам, что еще сохранились какие-то ценности и что они все же могут еще восстановить некий моральный порядок в их жизни. В отличие от Сталина, который управляет, держа народ в страхе, Гитлер никогда не упускал из виду желаний народа и всегда учитывал их. Вот мы с вами несколько минут назад говорили о фон Галене. Гитлер был явно разъярен, что кто-то осмелился публично бросить вызов его авторитету, но он ясно видел, что если он предпримет что-нибудь против епископа, это очень повредит ему в глазах немецкого народа.

С. Но евреи?

М. В Германии большинство людей весьма благосклонно относились к тому, чтобы выдворить евреев вон из страны. Не устраивать резню на улицах, но заставить их покинуть германское общество. В этом смысле Гитлер лишь откликнулся на желание народа. С другой стороны, он был интеллектуальным антисемитом, то есть он облекал свою нелюбовь к евреям в интеллектуальные формулы. Для него, безусловно, не составляло проблемы восстановить народные массы против них. Я считаю, что правосудие совершило большую ошибку, потому что теперь за нами придут поколения, которым придется выслушивать бесконечный поток еврейских жалоб, и долго еще, после сошествия в могилу последнего члена партии, его дети, внуки и правнуки будут вынуждены оправдываться и каяться. В этом кроется опасность для евреев: в конце концов немцы устанут от постоянных обвинений в военных преступлениях, создании лагерей смерти и тому подобном и просто отвернутся от своих обвинителей. И к чему это приведет? К насилию? Нет, к равнодушию, что гораздо хуже.

С. С исторической точки зрения я с вами согласен, но сегодняшней Германии все еще приходится платить за события, связанные с Третьим рейхом.

М. Совершенно верно. И Советам тоже в конце концов придется заплатить за гораздо большие ужасы, которые они навлекли на свой собственный народ. И это никогда не кончится, так ведь? Что я вам говорил насчет крысиного помета?

С. Я помню, как вы высказывали ваши взгляды.

М. Вы с ними согласны?

С. Моя миссия не в том, чтобы соглашаться или не соглашаться с вами. У меня просто есть некий список вопросов, которые я должен вам задать. Наша беседа, которая сейчас записывается, безусловно интересна и очень часто провокационна, но всему свое место, генерал.

М. Вы считаете, что я вас провоцирую?

С. Конечно, считаю. И вам доставляет большое удовольствие задевать меня. Хотел бы я знать, зачем вы это делаете.

М. Чтобы показать вам, что вы и сами виновны в том, в чем обвиняете меня.

С. Виновны в чем?

М. В неосторожности. Я пережил стабильность кайзеровского периода, потрясения крупнейшей войны, крушение всего моего общества, революцию и уличную резню, которая всегда была их неизбежным следствием, политическую реакцию, войны, катастрофические бомбежки и массовые убийства. Вы же только наблюдали за всем этим из сытой, незаинтересованной страны. Каждое правительство оправдывает свои действия перед историей и своим народом, с помощью пропаганды. Вы наблюдаете за всем со стороны: раз об этом написано в книге, значит, это должно быть правдой. Потому что вот оно здесь, на этой самой странице. Немцы во время войны 1914 года занимались промышленной переработкой трупов и гвоздями прибивали младенцев к стене. Это должно быть правдой, потому что так говорят британцы. С другой стороны, вы перебили всех ваших краснокожих и потратили немало времени, вешая на деревьях черномазых. Потом, есть еще евреи, которые, как всем известно, убивают христианских младенцев и едят их во время своих религиозных ритуалов. Каких еще бессмыслиц можем мы наговорить здесь? Рабоче-крестьянский рай? Блага коммунизма? Ленин воскрешает мертвых и ходит по воде ради создания поколения слабоумных университетских профессоров и бездарных поэтов? А как насчет британцев, которые убивают ирландцев? Или бельгийцев, которые несли цивилизацию неграм в Конго бичом и картечью? А вспомните армян, которых терзали турки. И вот еще что нужно принять во внимание. Британцы в Южной Африке истребляли белое население {Речь идет о бурах - Примеч. ред.} в самых первых концентрационных лагерях. Теперь, когда я больше не служу в полиции, я могу извлечь некоторую пользу из своего досуга и оглянуться - туда, откуда я прибыл, чтобы попытаться посмотреть на все взглядом орла, парящего над землей, а не червя, который роется в ней.

КУРТ ГЕРШТАЙН: СМЯТЕННАЯ ДУША

Одной из загадок того времени стал человек,

существовавший как бы в двух измерениях, реальном и мнимом. Его воображаемые свидетельства о системе концентрационных лагерей вызывали радость у одних и недоверие у других, и Курт Герштайн стал чем-то вроде чревовещателя. В этой главе говорится о судьбе этого загадочного человека и его последних днях.

С.... Я хотел бы узнать, известно ли вам что-нибудь о некоем человеке из СС. Особом человеке. Я знаю, в СС служило множество непростых людей, но, когда я изучал дело этого человека, работая над материалами Нюрнберга, многое осталось невыясненным. Весьма загадочная и сложная оказалась ситуация.

М. Вы совершенно правы. В СС состояли миллионы людей, и я едва знал их крохотную часть. Имя?

С. Курт Герштайн.

М. О да, я помню его. Младший офицерский чин. Связан с отделом медицинской службы.

С. Был замешан в отравлении газом...

М. Да, тот самый. В чем вопрос?

С. Как вы узнали о нем и что именно вы узнали?

М. Иногда хорошая память - это настоящее наказание, позвольте вам заметить. Столько мусора скапливается в голове. Герштайн работал в Люблине вместе с вашим добрым другом Глобочником...

С. Пожалуйста, оставьте ваш сарказм.

М. Что ж, среди моих друзей он, конечно, не числился. Герштайн попал в сферу моего внимания, я думаю, в начале 1944 года. Или, может быть, в конце 1943-го. Это было тогда, когда Гиммлер заставил Глобочника закрыть его лагеря и уничтожить малейшие их следы. Да, думаю, это было, скорее, в конце 1943 года. Плюс-минус месяц или два. У меня был с Гиммлером частный разговор об этом человеке. Тот повсюду распространял клеветническую информацию о деятельности СС, и Гиммлеру пришлось его арестовать, но тем не менее утверждения этого человека о том, что массовые отравления газом продолжаются и десятки тысяч людей гибнут каждый день, его встревожили. Герштайн упоминал также фюрера, якобы присутствовавшего при этом, и все такое прочее. Гиммлер просто разрывался между яростью и страхом, потому что это предприятие Глобочника... лагеря в Люблине и других местах, которые контролировал Глобочник... не подлежали какому-либо обсуждению. Никто не должен был даже знать об этом. А Герштайн бегал по разным людям, рассказывая эти небылицы, и слухи достигли нас... гестапо... и кто-то сразу донес Гиммлеру. С первого взгляда Гиммлер понял, что у Герштайна не все в порядке с головой, но

он не мог решить, что с ним делать.

С. И за этим решением обратились к вам?

М. Так и есть. Мы забрали Герштайна из камеры, и я очень сурово допросил его. Я не психиатр, но и мне было очевидно, что этот человек находится в очень тяжелом нервном состоянии и что его поведение не совсем адекватно. Я пригласил помочь мне в работе компетентного психиатра из госпиталя "Шарите", который присутствовал на допросах. Криминальные или политические вопросы - пожалуйста, но проблемы психики - это не моя сфера, как вы понимаете. Нет нужды подробно пересказывать весь допрос, но я могу кратко изложить главное. Кстати, вы судили Герштайна в Нюрнберге?

С. Нет, не судили. Расскажите мне о нем, и затем я объясню вам причину моего интереса.

М. Конечно. Этот человек имел какое-то техническое образование... университетский курс... и был религиозным фанатиком. По-видимому, он переходил от одной группы к другой... протестант... и всегда был занят каким-нибудь новым проектом. Скорее, безобидный назойливый тип, который многократно задерживался сотрудниками гестапо и получил предупреждение держаться подальше от политики. Во время войны он вступил в СС, куда его приняли с неохотой из-за его прошлого, но тогда нужен был каждый. Он был определен в отдел дезинфекции медицинской службы СС и затем отправлен в район Люблина. Понимаете, именно туда, где Глобочник предполагал устроить свои еврейские "потемкинские деревни". Гиммлер хотел собрать местных польских евреев и депортированных из других мест с тем, чтобы они организовали свои собственные контролируемые общины на востоке Польши. Предполагалось, что эти евреи будут работать на маленьких фабриках и обеспечивать рейх и готовой продукцией, и сырьем. Франк, тогдашний губернатор, возражал против этого, потому что хотел видеть на этой территории немцев, и столкнулся со странными воззрениями Гиммлера. Гиммлер иногда верил в самые невозможные вещи, позвольте доложить вам. И там развернул свою деятельность его дорогой друг, Глобочник, член его, Гиммлера, администрации, глупый, как пень, который пытался организовать этакие счастливые маленькие фабрики и поселки для депортированных городских евреев, чтобы шить там меховые шубы. Глобочник тут же столкнулся с непроходимым упрямством поляков, помехами со стороны Франка и, к довершению всего этого, с огромным числом евреев, которые неожиданно начали прибывать в этот еврейский трудовой рай. Разумеется, Глобочник лгал Гиммлеру и говорил, что результаты его стараний с каждым

днем становятся все успешнее, так что сейчас на него навалились целые горы евреев, которых некуда девать и нечем кормить. И тогда, не зная, что еще с ними делать, он начал их убивать, а все новые и новые депортированные прибывали и прибывали. Глобочник едва справлялся с убийством нескольких сотен, набивая их в кузов фургона и накачивая туда по трубе выхлопные газы, но это занимало долгие часы и было по-настоящему отвратительно. Фургон заполнялся тем, что мы, в полиции, называем телесными выделениями. Мой помощник, которого я отправил туда, услыхав об этом, вернулся назад с позеленевшим лицом, если хотите знать. Глобочник и его добрый приятель Вирт не умели убивать этих жалких созданий достаточно быстро, пока этот самый Герштайн, который отвечал за дезинфекцию, не изобрел удачный способ и научил своих замечательных начальников убивать людей более чистоплотно и в большем количестве. У Герштайна было воздухонепроницаемое строение с воротами с одной стороны и отверстием в крыше. Сначала они набивали помещение евреями, а потом Герштайн забирался на крышу, открывал люк и высыпал внутрь помещения содержимое банок - кристаллы цианида. Потом люк захлопывался. Как я понимаю, этот метод работал довольно хорошо... гораздо лучше, чем фургон.

С. Я бы так не выразился, но продолжайте.

М. После этого Герштайн влип в это ужасное дело, так как сам вызвался на роль эксперта, и теперь его место было на крыше: травить евреев газом. В конце концов, его рассудок не выдержал, у него начались галлюцинации и страшные ночные кошмары, так что с работы его убрали, но было уже слишком поздно. Теперь он начал говорить всем и каждому, что он только наблюдал за этим, а сам ничего не делал, и пытался очистить свою совесть обращением к Богу, уверившись, что он был только невольным очевидцем. Подобное, кстати, не было таким уж редким событием в некоторых из этих лагерей. Большинство людей не могло забыть о таких ужасах, и многие сошли с ума, а некоторые покончили с собой.

С. Значит, Герштайн сошел с ума?

М. Именно так. Его рассудок повредился, и он ходил по Берлину, обращаясь к верующим людям... и даже требуя встречи с Его Святейшеством, чтобы тот отпустил ему грехи. Я думаю, что во времена настоящих потрясений протестанты обращаются к Риму. Вы не согласны?

С. Пожалуйста, оставим религию в стороне.

М. Таково мое мнение. Проговорив с Герштайном около трех часов, я сумел добиться от него, помимо изложения

маниакальных религиозных идей, подлинных фактов и велел моему личному секретарю записать его признание. Это было сделано с целью получить лишние свидетельства против Глобочника, которого я все еще собирался схватить. Врач сообщил мне, что у Герштайна сильнейший маниакальный психоз и маловероятно, чтобы он оправился. Он добавил, что Герштайн вынужден постоянно повторяться, стремясь уменьшить свою вину в преступлениях. Я сказал этому доктору, что, если он проболтается обо всем этом хотя бы словечком, я тут же отдам его под расстрел, и он, естественно, пообещал мне хранить молчание.

С. А Герштайн?

М. Ну что, мы поместили его в одно закрытое учреждение. Гиммлер хотел казнить его, но я указал, что нам следует обходиться с Герштайном так, будто он совершенно безумен. Одному богу известно, со сколькими людьми он говорил, и его казнь только придала бы правдоподобие его россказням. В основе своей эти истории были правдивы в том, что касалось газовых камер, но Герштайн притянул сюда и Гитлера, и Гиммлера, и кое-кого еще. Он якобы видел Гитлера в Аушвице наблюдающим за казнями и рассказывал о совещаниях с Гиммлером, где шла речь о даже еще более масштабных умерщвлениях газом. Естественно, Гитлер никогда не был в Аушвице и Гиммлер никогда не совещался с Герштайном. Насколько мне известно, Герштайн до сих пор находится в психиатрической лечебнице. Может быть, вы мне скажете, почему он вас так интересует?

С. Разумеется. По-видимому, он вышел из лечебницы и жил в маленьком городке на западе. Когда американцы стали приближаться, он стал очень истеричным, и однажды утром его нашли в квартире мертвым - он повесился на чердачной балке. Он надел свой мундир, и когда прибыли люди из CIC, они подумали, что это значительное лицо, особенно после того, как домовладелец сообщил им о том, что Герштайн передал ему чемодан с очень важными документами. Труп Герштайна уже начал смердеть, так что они сожгли его, а потом просмотрели его бумаги. Я видел эти бумаги и согласен с вами и с начальником бригады из CIC в том, что Герштайн был не вполне здоров. Некоторые из его обвинений были несостоятельны, некоторые имели смысл, так что следствие в Нюрнберге взяло понемногу то отсюда, то оттуда и подготовило интересный и ужасающий документ. Его нужно было перепечатать, конечно, на английском, и из-за этого на суде возникли сложности. У меня появились подозрения давно, и ваш рассказ лишь подтверждает их, но знаете, у этого человека репутация была отчасти как у великого

героя Сопротивления. Какая ирония, что он сам и сделал достоянием гласности это дело с цианидом. Я имею в виду его бумаги... он упоминает о близких отношениях с доктором Нимеллером...

М. Ах да, я и забыл об этом. Нимеллер сидел в тюрьме за антиправительственную агитацию, и я припоминаю, что Герштайн заявлял, будто ежедневно общается с ним. Поскольку это означало бы серьезное нарушение тюремной системы безопасности, я лично расследовал эту историю. Ничего подобного, конечно, не было. Нимеллер никогда не слышал о Герштайне и, безусловно, никогда с ним не общался. Не было и никаких представителей Его Святейшества, не знаю, писал ли Герштайн об этом, а Ватикан не собирался присылать личный самолет, чтобы доставить Герштайна в Рим для беседы с Папой.

С. Я слышал об этом. Разумеется, я не поверил.

М. Герштайн ужасно боялся, что американцы или русские узнают о его штучках на крыше и повесят его.

Сначала с ним случилось нервное расстройство, а потом он решил сочинять для собственного спасения разные истории. В последнюю минуту, когда "друзья" были уже всего в нескольких милях, как вы сказали, он сам вынес себе приговор на чердаке. У меня до сих пор хранится его подписанное признание, если оно вам нужно. Это оригинал. Я отослал одну копию Гиммлеру, а другая хранится в досье РСХА. Я ведь говорил вам, что не стоит делать героев из дерьма, не так ли? И вот вы превозносите человека, который убил стольких заключенных! Вполне сопоставимо с Глобочником, который есть не кто иной, как настоящая скотина в военной фуражке. Злая ирония, не так ли? А теперь вы заполучили Глобочника и его дорогого компаньона Вирта, которых держите на каком-то дорогом курорте, пытаясь вытрясти из них деньги и полный чемодан горячечного бреда, который, оказывается, вошел в историю.

С. Я всегда считал, что бумагам Герштайна верить нельзя, и я в этом не одинок, но Кемпнер {Роберт М-В. Кемпнер работал в веймарском Министерстве юстиции Будучи евреем, бежал из Германии и вернулся туда после войны в качестве судебного следователя. Впоследствии много писал о холокосте.} был в восторге...

М. А, этот. Он служил в Министерстве юстиции Пруссии, пока не сбежал, и теперь он у вас. Вашингтон теперь, наверное, напоминает нечто среднее между психлечебницей и зоопарком.

С. Иногда мне хочется аплодировать вашим замечаниям, но я не могу комментировать их. Теперь, полагаю, мы должны вернуться к другим вопросам, и благодарю вас.

ВЕСНА В ПАРИЖЕ

Служебные обязанности Мюллера не ограничивались одной только Германией. Во время войны он много ездил по Европе по делам, связанным с деятельностью гестапо. В этой главе приводится отчет о результатах одной из его служебных поездок в столицу Франции, вызванной террористическими действиями коммунистов.

М. Большая часть моих поездок во время войны была связана с контрразведывательной и антитеррористической деятельностью в оккупированных районах, главным образом во Франции и в Греции, но мне также приходилось бывать по различным служебным делам в Италии и Испании. После одного визита в Париж в 1942 году возникли большие проблемы, с которыми мне следовало бы вас ознакомить, потому что кое-что может оказаться в определенных документах, и у нас могут появиться сложности,

если вы не узнаете об этом первыми.

С. Мне ничего не известно о проблемах такого рода.

М. Что ж, они могут возникнуть. После завершения кампании во Франции у нас не было особых хлопот с гражданским населением этой страны. Естественно, французы не любили немцев, но особой враждебности они не проявляли, и хотя случались инциденты, направленные против наших гарнизонов - их было немного. В конце концов, французы не хотели новой разрушительной войны с Германией. Война 1914 года уже превратила их страну в руины, с них было довольно. Безусловно, они плохо вели себя в Руре, но новой большой войны не хотели. Британцы втянули их в эту войну, и, естественно, Франция стала полем сражения. Они не слишком рвались в бой, потому что в конце концов после 1918 года они получили обратно Лотарингию, и что им было до Гитлера? Мы могли убедиться в этом после ввода войск в Рейнскую область (в нарушение запрета Лиги Наций) в 1936-м. Французы никак не отреагировали на нее, впрочем, мы не очень-то и боялись. И могу сказать, что они тоже не слишком боялись нас. Мюнхенское соглашение только усилило это отношение с обеих сторон. Во всяком случае, как я уже сказал, у наших оккупационных сил не было особых тревог из-за французов. Гитлер придерживался намерения обращаться с французами вежливо, и это отразилось на всей нашей оккупационной политике. Но затем все изменилось. После того как в июне 1941 года разразилась война с Советским Союзом, французские коммунисты по приказу из Москвы начали наносить удары по нашим войскам и иным объектам. Для любого, кто изучал методы работы коммунистов, как это делал я, причины этого очевидны. Коммунисты пытаются бить по своим врагам подпольными методами, которые, как им прекрасно известно, вызывают ответные репрессии и жестокости. Этим они преследуют две цели: первая - вывести врага из равновесия и вторая - заставить его действовать против совершенно невинных граждан и таким образом увеличивать число своих союзников, создать атмосферу, в которой удобнее действовать. Хитрость в том, чтобы не попасться в эту ловушку, но в военной администрации во Франции были люди неискушенные, рядом не оказалось людей из полиции или службы контрразведки, чтобы дать совет. А поскольку лучшие из них,самые эффективные, были из СС, военные не хотели работать с ними... по крайней мере, сначала. Как я уже сказал, после того как началась кампания в России, Сталин почти мгновенно отдал приказ развязать то, что ему угодно было называть партизанской войной, то, что мы называли бандитскими акциями. С обеих сторон эти названия -

чистейшая пропаганда. Но подпольщики оказывали сопротивление по всей Европе и на Балканах. Они действовали жестоко, как и мы в ответ, однако в России мы были не только в состоянии удерживать все то, что захватили, но и в конце концов сумели нейтрализовать большинство враждебных акций. На Балканах было иначе - и из-за свойств характера тамошнего населения, и из-за топографии местности.

Франция же была цивилизованной, густо населенной страной, граждане которой в большинстве своем не хотели никаких неприятностей с немцами. Так называемыми отрядами сопротивления руководили исключительно коммунисты, и они либо контролировались напрямую из Москвы, либо были связаны с де Голлем и контролировались из Англии. Средний француз не имел к этому никакого отношения. Нападения на немцев стали случаться в Париже все чаще и чаще, так что вскоре от военных стали поступать настойчивые жалобы в адрес полицейских сил... немецких полицейских сил, и французских тоже. В конце концов дело дошло до того, что в январе 1942 года мне пришлось самому отправляться в Париж и заняться расследованием и координацией наших действий. Гестапо официально было чисто германской организацией, а служба безопасности имела более широкие межнациональные полномочия. У СД были отделения в Париже и других городах, а гестапо прикрепило к тем или иным ведомствам своих людей. Моим человеком в Париже был Даннекер, который выполнял функции атташе. Он был приписан к Эйхману, руководившему службой, бывшей когда-то моей... службой эмиграции евреев. Я уже кое-что говорил об этом раньше, но хочу вкратце остановиться на этом еще раз. Гитлер очень не любил евреев и хотел, чтобы в Германии их не было. После начала войны в 1939 году он распространил этот запрет на все оккупированные нами территории. Как я уже рассказывал, когда я руководил этим иммиграционным отделом, я совершенно четко увидел, что ни одна страна не хочет иметь дело с евреями. Ваш народ палец о палец не ударил, чтобы помочь им, а французы терпеть не могли евреев. Нашей целью было выслать их куда-нибудь, но особого успеха мы не добились. После начала войны стало уже невозможно отправлять евреев куда бы то ни было, так что они застряли там, где были. Во Франции было небольшое количество польских евреев-беженцев, но поначалу с ними не было проблем. Конечно, здесь нам приходилось принимать в расчет французов. Они и своих-то собственных евреев не хотели оставлять во Франции, не говоря уже о польских, и в нас -они увидели средство, с помощью которого можно было бы от них избавиться.

С. Убив их?

М. Нет, депортировав. Затем начал развиваться промышленный комплекс в Аушвице, и возникла острая нужда в рабочих на нефтяных заводах и предприятиях по изготовлению резины, не считая всех этих мелких фабрик, которые перемещали туда. Поверьте мне, там была большая необходимость в рабочих руках, которая стала быстро возрастать. Гитлер хотел избавиться от евреев, а СС нужна была рабочая сила, так что эти две идеи были быстро объединены... Такое решение стало самым очевидным... и нежелательные евреи были отправлены на восток работать.

С. Иными словами, в рабство.

М. По сути, да. Конечно, мы нанимали для работы большое число французов, бельгийцев и прочих. О да, они были вполне свободны и могли уйти, когда истекал срок действия их контракта, и им платили за работу. Но бесплатные рабочие-евреи были гораздо привлекательнее, чем дорого оплачиваемые иностранцы, а значит, чем больше евреев, тем лучше.

С. Но какое это имеет отношение к коммунистам в Париже?

М. Я как раз перехожу к этому. Я прибыл в Париж, как уже говорил, чтобы решать проблемы и координировать работу. Я сумел выяснить, что командующий войсками во Франции, Генрих фон Штюльпнагель, - "мягкий франкофил" и совершенно неэффективен. Он обвинял евреев и коммунистов в нападениях на его людей, и кое-какие обвинения нашли подтверждение и у французской полиции, и у СД. Но он мало что делал для прекращения этого, и делал плохо. Мой комментарий в конце совещания сводился к тому, что если этих террористов нельзя удерживать под контролем, их надо изолировать, депортировать или расстреливать, смотря какое решение покажется наилучшим. По возвращении в Берлин я отчитался перед Гейдрихом и предложил заменить командующего. Гейдрих согласился. Гиммлер назначил начальником СС и полиции в Париже Оберга, а место Генриха фон Штюльпнагеля занял его кузен, Отто, который служил вместе с Обергом во время войны 1914 года, так что все считали, что они будут хорошо сотрудничать. Пока все шло хорошо. Примерно в это время Гейдрих и Эйхманн обсуждали план начала депортации французских евреев на восток. Он был предложен для изучения французской полиции в Париже, потому что это была стандартная практика - вовлекать в данный процесс местную полицию и администрацию. Опять же - чем дальше, тем лучше. Затем, после обсуждения программы организованной депортации, в июле была создана французская антиеврейская полиция. А как раз перед этим, в июне, Гейдрих

погиб в Праге в результате нападения британцев, из-за чего его пост главы РСХА оказался вакантным. Из-за неясности, кто займет этот пост, в Берлине возникла суета и страшная бюрократическая неразбериха. Хотя Гейдрих и занимал в Праге пост губернатора (протектората Богемии и Моравии), он оставался и начальником РСХА, и когда он погиб, его служба походила на потревоженный муравейник. Вот вам еще одна вводная. Примерно в середине июля я получил срочный вызов от Гиммлера с приказом немедленно явиться к нему... мол, возникли кое-какие проблемы, которые близко касаются меня самого. Оказалось, что 16 июля французы, позвольте мне подчеркнуть - французы, по собственной инициативе провели в Париже облаву на евреев, проявив публично страшное варварство. Около 15 000 евреев были бесцеремонно схвачены французской полицией и втиснуты в парижский велодром без пищи, воды и санитарных удобств. В дополнение ко всем этим неприятным обстоятельствам там оказались и совсем маленькие дети, и хуже всего было то, что французская полиция явно получала садистское удовольствие, избивая младенцев и стариков без разбора. Затем нашу полицию известили о том, что произошло и что теперь мы можем забирать евреев. Никакого официального разрешения на эти действия не дали, транспорт не был организован, и все это дело в целом выглядело чудовищно. Однако по-настоящему меня взбесило то, что эта свинья француз, руководивший антиеврейской-полицией в Париже, по имени Даркье де Пеллепуа, заявил, что он только выполнял мои приказы. Гиммлер был недоволен, потому что не только католическая церковь, но и Международный Красный Крест были уведомлены о случившемся, а Гиммлер ненавидел огласку. Я заверил его, что не имею к этому делу ни малейшего отношения, и пообещал разобраться с происшедшим раз и навсегда. Я приказал Эйхману немедленно явиться ко мне и устроил ему разнос. Тот стал валить всю вину на погибшего Гейдриха, утверждал, что это Гейдрих велел ему посодействовать французам с депортацией евреев на восток. Он клялся, что ничего не знал об акции, проведенной французами, но напомнил мне о нашем решении привлекать местную администрацию. Это была правда, но лично я никогда не отдавал таких приказов и не допустил бы подобного. А вся история была просто отвратительной со всеми этими вопящими младенцами, которых избивал французский конвой, и стариками, которые кончали жизнь самоубийством, не имея неделями ни воды, ни пищи. Я потребовал объяснить, каким образом мое имя оказалось связано с этими позорными действиями. Он сказал, что не знает, и тогда я позвонил Даннекеру в Париж и тоже прижал его к стенке. Ух, как

же он юлил и извивался! Я говорил тогда в январе, что евреев нужно депортировать, и СД поймало меня на слове. Я пригрозил, что немедленно отзову его в Берлин и ему вправят мозги, если он сейчас же не разберется с этим. У меня есть стенограммы совещаний, проходивших тогда, в январе, и там нет ни слова о том, что французы издевались над заключенными евреями, и особенно о том, что они хватали маленьких детей. Я дал ему один час, чтобы прояснить это дело, в противном случае пообещал прислать за ним людей еще до захода солнца. Эйхман сидел рядом, слушая весь разговор, и теперь он тоже был напуган. Я сказал ему, что если он имеет ко всему этому хоть какое-то отношение, он присоединится к Даннекеру. В действительности же Эйхман не был связан с этим, за исключением того, что именно он организовал спрос на рабочих, но я не позволил ему соскочить с крючка, пока дело не улажено. Даннекер тут же прислал мне отчет и звонил мне, должно быть, раз двенадцать, в состоянии крайней паники. В отличие от Эйхмана, он заранее отдавал себе отчет в том, во что это выльется, и он был очень дружен с Кнохеном из СД, который в то время отвечал за наши контакты с французами. Кнохен был человеком Гейдриха, но теперь, после смерти Гейдриха, у меня не было причин беспокоиться. В конце концов, Гиммлер согласился, что я не причастен к этому, но и Кнохену он ничего не сделал, потому что не хотел осложнений с Обергом. Я же, с другой стороны, имел возможность рассчитаться с Даннекером, который был моим подчиненным.

С. Вы его расстреляли?

М. Гораздо хуже. Я перевел его из парижской роскоши на скромные болгарские радости. Не думаю, чтобы ему там очень нравилось. Когда он пожаловался на низкий уровень жизни, я предложил ему переместиться в лагерь, что очень расширит его знание жизни.

Французы еще продолжали теребить евреев, но, хотя мы и не имели никакого контроля над ними, ничего подобного больше не повторилось. Но более всего поразило меня то, что происходило это во Франции, не в Польше и не в Албании, а в цивилизованной стране. Общаясь с французской полицией, я понял, что они очень образованные и компетентные профессионалы, и меня по-настоящему потрясло, что такого рода зверства происходили не где-нибудь, а в Париже. Но, с другой стороны, я не был удивлен. Полагаю, неразумно ожидать, чтобы люди всегда вели себя корректно.

С. Я слышал об этой акции, на самом деле мы все еще разыскиваем Пеллепуа, чтобы судить его, но я понятия не имел,

что и ваше имя тоже замешано. Как вам известно, мы тщательно просматривали записи, касающиеся вас, но никаких связей с этим делом не обнаружили. Нам известно, что вы ездили в январе в Париж, но о вашей роли в этой истории ничего нет. Я благодарен вам за откровенность.

М. Что ж, я уничтожил бумаги, касающиеся данных обвинений, но всегда остается шанс, что где-то или у кого-то о них будет упомянуто. Лучше обезопаситься сейчас, чем раскаиваться потом.

С. Если подвести итог, у вас не было проблем с организованным вывозом евреев, но вы возражали против неорганизованного. Это так?

М. Нет, пожалуйста, не впутывайте меня в эту ерунду. Я не был инициатором этого проекта, и когда руководил им лично, ничего подобного не случалось. Не забывайте, что я способствовал смещению Коха в Бухенвальде и вынудил Моргана преследовать Глобочника за убийства людей. Ваше правительство тоже может взять на себя часть вины за все происходившее, потому что никто не хотел связываться с евреями. Если бы вы или британцы приняли их, нам не было бы нужды держать их в неволе или дурно обращаться с ними. Они же, особенно польские и русские евреи, ненавидели нас и с самого начала стояли во главе бандитского движения. И меня не волнует почему. Таков факт. Сталин без стеснения натравил их на нас, и они заплатили за это, но издевательство над стариками и маленькими детьми отвратительно независимо от того, кто это делает. Вы согласны? Как вы думаете, стал бы я заниматься такими вещами?

С. Я согласен с вами, и я не думаю, что вы стали бы заниматься данной стороной программы. Я знаю, что сегодня французы обвиняют немцев в тотальных репрессиях и организации массовой депортации, но мне известно, что еще совсем недавно они считали это хорошей идеей. А от этого лишь один шаг до того, чтобы самим приняться за ее осуществление.

М. Немцы бюрократически жестоки, но французы делали это ради удовольствия.

20 ИЮЛЯ 1944 ГОДА:

Часть I

Вершиной карьеры Мюллера в качестве начальника гестапо стало расследование и судебный процесс по делу об организации заговора против Гитлера, завершившегося взрывом бомбы в его военной ставке 20 июля 1944 года.

Подробнейшее описание этого события представлено в написанном Мюллером служебном рапорте.

Reichssicherheitshauptampt-lV

Sonderkommission 20. 7. 1944.

Berlin, den 26. Juli 1944 {Главное управление имперской безопасности, отдел IV, зондеркомиссия по делу о 20. 07. 1944. Берлин, 26 июля 1944.}

Отчет о покушении на фюрера 20 июля 1944 года.

I

20 июля 1944 года приблизительно в 12: 50 в "Wolfsschanze" {"Волчье логово", ставка фюрера о Восточной Пруссии. шел взрыв во время рабочего совещания. Фюрер получил только легкие ранения, хотя находился в непосредственной близости от эпицентра взрыва.}, на территории запретной зоны безопасности "А", в гостевом помещении казарм произо

Тяжелые ранения получили: генерал Кортен, полковник Брандт и стенографист Бергер, впоследствии "скончавшиеся от полученных ранений, а также генерал Боденшатц, генерал Шмундт, генерал Шерфф и подполковник Боргманн.

Менее тяжелые ранения получили: генерал Буле, генерал Гейзингер, контр-адмирал фон Путткамер и капитан военно-морских сил Ассман. остальные присутствовавшие на заседании получили легкие ранения.

II

Как только стало известно о покушении, рейхсфюрер СС немедленно назначил специальную комиссию РСХА для проведения полного расследования, которое было начато в тот же день.

В своем рапорте в РСХА рейхсфюрер СС отметил, что основным подозреваемым в покушении является полковник граф фон Штауффенберг, начальник штаба Резервной армии. Он присутствовал на совещании и затем незаметно удалился незадолго до взрыва. Сразу после этого он улетел самолетом в Берлин.

III

Происшествие имело место в зале заседаний, где проходили ежедневные рабочие совещания. Данное помещение имеет 12, 5 метров в длину и 5 метров в ширину, в его центре располагается большой стол с картой, справа от него круглый стол и слева - письменный стол и фонограф. Место происшествия и оборудование сильно повреждены. Справа от входа в полу имеется 55-сантиметровое отверстие. Вокруг него пол взломан и обуглен. Следов от удара металлических фрагментов не выявлено, но в дерево вкраплены щепки и фрагменты кожи.

Характер воронки от взрыва указывает на то, что взрыв произошел над поверхностью пола. Реконструкция фрагментов правой из трех секций стола четко указывает направление

взрывной волны, что отражено на фотографиях и схемах.

Ослабленная ударная волна, вызванная взрывом, распространилась по пустотам под полом по всем казармам, что видно по деформации полового покрытия. Более мощная ударная волна вызвала разрушение комнаты заседаний по всей длине и вышла через оконные и дверные проемы, а также сквозь стенные перегородки. Тщательное просеивание бетонной крошки позволило обнаружить чрезвычайно мелкие фрагменты кожи и металла, очевидно, от портфеля; два осколка металлических пластин и две пружины от химико-механических детонаторов замедленного действия английского производства; а также обломок железных плоскогубцев. Другие обнаруженные материалы не имеют явной связи с этими находками.

IV

В собранных фрагментах кожи свидетели опознали портфель Штауффенберга. Мелкие детали взрывателя, обнаруженные на месте происшествия, исходно принадлежали двум устройствам того же типа, что и два химико-механических взрывателя замедленного действия английского производства, обнаруженных на обочине подъездной дороги. Поскольку на месте взрыва были обнаружены две пружины, принадлежавшие взрывателям данного типа, взрывной заряд должен был содержать два таких взрывателя замедленного действия. Заряд, обнаруженный на дороге, также был приспособлен под два взрывателя. Следовательно, можно предположить, что взрывное устройство, использованное для покушения, было точно такого же типа, как и то, которое было обнаружено позднее. Согласно отчету эксперта по взрывам, масштабы повреждений на месте взрыва соответствуют потенциальной мощности найденного заряда.

Водитель машины, на которой Штауффенберг отбыл в аэропорт, показал, что тот выбросил какой-то предмет из окна машины приблизительно в том месте, где данное взрывное устройство было впоследствии обнаружено. Водитель представил письменные показания.

Таким образом, причастность Штауффенберга к имевшему место покушению объективно доказана.

V

Штауффенберг в качестве начальника штаба при генерале Фромме неоднократно принимал участие в совещаниях в ставке фюрера. Следовательно, это место было ему хорошо известно. 20 июля 1944 года он приземлился в аэропорту Растенберг в 10: 15 утра. Одновременно с ним прибыли генерал-майор Штифф, начальник организационного отдела генерального штаба армии, и лейтенант фон Хефтен, адъютант. Штауффенберг направился

прямо в "Wolfsschanze", Штифф отбыл в месторасположение Верховного военного командования, фон Хефтен сначала направился вместе с

Штиффом, а позднее на встречу со Штауффенбергом в "Wolfsschanze".

Штауффенберг позавтракал в офицерской столовой вместе с другими штабными офицерами и затем был вызван на запланированное совещание с генералом Буле. В этом совещании также принимал участие генерал фон Тадден, начальник штаба военного округа I, Кенигсберг.

Затем Буле, фон Тадден и Штауффенберг отправились на совещание к фельдмаршалу Кейтелю.

В течение всего этого времени Штауффенберг держал портфель при себе. Когда все вышеназванные лица собрались около 12: 30 покинуть бункер. Кейтеля и отправиться на ежедневное рабочее совещание, Штауффенберг со своим портфелем в руках ненадолго вышел из помещения - остальным пришлось его ждать. Предположительно в это самое время он привел взрыватели замедленного действия в боевое состояние, вставив их внутрь заряда. Вероятно, при этом он пользовался плоскогубцами, поскольку у него нет правой кисти и двух пальцев на левой. Приведение взрывателей в действие без помощи подобного инструмента было бы для него затруднительно. Затем Штауффенберг явился в зал и был представлен фюреру как участник совещания. После этого Штауффенберг подошел к столу с картой и поставил портфель под стол справа от полковника Брандта. Через непродолжительное время он покинул комнату заседаний и запретную зону "А".

Отсутствие Штауффенберга обнаружилось до взрыва, поскольку ожидалось, что он представит на совещании некоторую информацию. Генерал Буле пытался его найти. После взрыва телефонист, унтер-офицер Адам, доложил, что видел, как Штауффенберг ушел вскоре после начала заседания. Адам высказал предположение, что последний является виновником взрыва. Из дальнейших допросов и расследований было выявлено следующее: около полудня генерал Фелльгибель, начальник службы военной связи, явился в кабинет офицера штабной связи (подполковника Сандера) с целью обсудить с ним некоторые служебные вопросы. Сначала Фелльгибель и Сандер вместе отправились к подполковнику Вайценнегеру из штаба генерала Йодля для разговора, касающегося проблем связи. Затем Фелльгибель и Сандер вернулись в кабинет последнего в бункер 88.

Примерно в 12: 30 они заметили, что фельдмаршал Кейтель в

сопровождении Штауффенберга и других отправился на рабочее совещание.

С целью удостовериться, что Штауффенберг после совещания явится к генералу Фелльгибелю, Сандер позвонил Адаму и сказал ему, что Штауффенберга после окончания заседания ждут в бункере 88.

Вскоре после этого в кабинет Сандера зашел лейтенант фон Хефтен и попросил Фелльгибеля помочь ему раздобыть машину, поскольку полковнику Штауффенбергу нужно срочно уехать. Сандер тут же позвонил в штаб и потребовал машину. При этом в штабе его попросили напомнить Штауффенбергу, что его ждут на обед с комендантом ставки, подполковником Штреве, и что генерал фон Тадден тоже будет присутствовать на нем.

Во время этого телефонного разговора Штауффенберг заглянул в комнату и сказал генералу Фелльгибелю, что он готов к беседе. Затем Фелльгибель и Штауффенберг вышли на улицу перед бункером и некоторое время обсуждали качество укреплений на Востоке. Сандер подошел к ним и доложил, что машина готова, и добавил, что Штауффенберга ожидают на обед к коменданту. На это Штауффенберг ответил подполковнику Сандеру, что прежде он должен вернуться еще раз на совещание, а затем прибудет на обед. Он также заявил, что в его распоряжении имеется машина. Когда Сандер проинформировал об этом штаб и вернулся к бункеру, произошел взрыв. Сандер обратил внимание, что в этот момент Штауффенберг вел себя очень нервно. На вопрос Фелльгибеля, в чем дело, Сандер ответил, не придав происшедшему особого значения, что, вероятно, кто-то выстрелил или где-то взорвалась мина.

Затем Штауффенберг сказал, что ему не нужно возвращаться на заседание, так как он собирается на обед к подполковнику Штреве. Затем он уехал вместе с фон Хефтеном, отправившись на самом деле к летному полю.

Происшествие в казармах было замечено на караульном посту I, и дежурный офицер приказал опустить шлагбаум. Соответственно, Штауффенберг был остановлен караульным. Он сказал командиру караула, что ему необходимо срочно попасть на летное поле. Поскольку его пропуск был в порядке и к тому же начальник караула знал Штауффенберга, он пропустил его, тем более что общая тревога еще не прозвучала, а началась только спустя 1, 5 минуты. На южном внешнем караульном посту Штауффенберг снова был остановлен. Он пошел к начальнику караула, унтер-офицеру Кольбе, и заявил, что ему необходимо во что бы то ни стало незамедлительно попасть на летное поле. Кольбе не поддался его уговорам и указал на опущенный

шлагбаум. Затем Кольбе по требованию Штауффенберга позвонил в штаб и говорил с капитаном кавалерии адъютантом фон Моллендорфом, который замещал отсутствовавшего коменданта, находившегося в данный момент на месте взрыва. Штауффенберг сказал Моллендорфу, что у него имеется разрешение начальства покинуть зону безопасности и что ему крайне необходимо успеть на самолет, вылетающий в 13. 15. Адъютант, которому не была известна причина прозвучавшей тревоги, знал, что полковнику Штауффенбергу позволено находиться в "Wolfsschanze", и под давлением Штауффенберга дал ему разрешение проехать, сообщив об этом Кольбе.

В данной ситуации следует учитывать, что:

1. Сигнал тревоги звучит довольно часто.

2. Документы Штауффенберга были в порядке

3. Поскольку Штауффенберг был известен как офицер с отличной репутацией, нет причин исходно подозревать Моллендорфа в соучастии.

Штауффенберг миновал также внешние ворота и в 13: 15 вылетел с аэродрома в Растенбурге на Берлин-Рангсдорф. В результате расследования было выяснено, что данный самолет предоставлен Штауффенбергу по приказу оберквартирмейстера генерала Вагнера по согласованию с 1-й эскадрильей воздушной связи в Берлине, базирующейся на аэродроме в Летцине. Самолет должен был в любом случае лететь в Берлин.

VI

Как следует из вышеприведенного отчета, обстоятельства покушения, а также перемещения его организатора могут считаться окончательно выясненными.

Нельзя заключить, что существующие меры безопасности против подобных покушений в данном случае оказались недостаточны, поскольку возможность того, что подобное преступление может быть совершено офицером генерального штаба, вызванным на совещание в ставку, не учитывалась.

Тем не менее данный инцидент должен быть учтен при дальнейшей разработке мер безопасности, необходимых для защиты фюрера в любых обстоятельствах. В соответствии с этим предложения относительно дополнительных мер безопасности будут представлены отдельно по согласованию с РСХА.

С. Расскажите мне о вашей роли и роли гестапо в деле о покушении 20 июля.

М. Начальником РСХА был обергруппенфюрер Кальтенбруннер, и в целом вести данное расследование было его обязанностью, но допросы подозреваемых и выяснение обстоятельств всегда проходили под моим непосредственным

контролем.

С. Эту работу вам поручил Кальтенбруннер?

М. Нет, мне доверил ее лично Гитлер. Он хотел, чтобы мне были даны неограниченные полномочия, дабы я мог отследить любую нить и тут же задержать любого подозрительного, выявленного в ходе допросов. Под моим руководством по делу 20 июля была создана специальная комиссия. У меня был штат примерно из четырехсот специалистов, и Гитлер дал мне эти чрезвычайные полномочия. Я получил приказ отчитываться только перед ним, и если возникало подозрение, что в заговоре замешан кто-либо из высокопоставленных лиц, Гитлер сам решал, что может попасть в официальные отчеты, а что должно быть сохранено в тайне.

С. Вы часто виделись с Гитлером в это время?

М. Я не могу вам сказать точно. Для этого мне нужно свериться с моими записями. Довольно часто

С. Вам случалось оставаться с Гитлером наедине?

М. О да, несколько раз. Все зависело от материала, с которым я к нему приходил. Если он представлял большую важность, Борману приходилось ждать за дверью. Я знал, что ему такое положение вещей не нравилось, и однажды я сказал об этом Гитлеру. Он ответил, что очень ценит Бормана, но что некоторые вещи ни в коем случае не должны получать огласку. Он сказал еще, что Борман вообще настроен против военных и что его нужно сдерживать. Если бы у меня по этой причине вдруг возникли какие-то проблемы с Борманом, Гитлер должен был быть немедленно извещен об этом. Эти приватные встречи были, кстати, по-настоящему тайными. Мне приходилось прибывать в ставку на курьерском самолете или - несколько раз - на курьерском поезде. Мои визиты не фиксировались ни одним протоколом и держались в строгом секрете. Я должен был видеться с Гитлером только в то время, когда он был, так сказать, не на службе.

С. Но ведь Борман всегда был при Гитлере, разве не так?

М. Большую часть времени. Но запомните, Борман не контролировал Гитлера. Только доступ к нему. Если Гитлер хотел увидеться с кем-то, он с ним виделся. Он часто не хотел, чтобы ему докучали всякой незначительной бюрократической ерундой, и использовал Бормана, чтобы тот не давал высшим должностным лицам НСРПГ надоедать ему. На самом же деле никто не контролировал Гитлера в этом отношении. Борман, безусловно, был полезен Гитлеру, но он очень ревниво относился к своему положению и был неоправданно подозрителен к любому ниже стоящему, если тот сближался с Гитлером. Я уже сказал, что

Бормана не радовали мои посещения и он предпринял несколько слабых попыток помешать мне, но Гитлер быстро поставил его на место. Разумеется, это еще больше разозлило Бормана, но его власть распространялась только на партийный аппарат, а я управлял гестапо, так что он не мог тронуть мою семью или моих друзей. Как видите, в конце концов Борман проиграл этот бой со мной, поскольку я тоже ничего не забываю.

С. У меня есть к вам несколько вопросов относительно Бормана, но мы можем вернуться к этому позднее. Приходилось ли вам общаться с Гитлером до событий, произошедших 20 июля?

М. Я несколько раз встречался с Гитлером. В самом начале... когда я только принял руководство гестапо, я видел его не очень часто. По большей части на разных приемах.

С. Какие у вас были отношения с Гитлером?

М. Вы, должно быть, помните, что до того, как он пришел к власти, мой отдел в баварской полиции занимался партией и ее приверженцы частенько попадали к нам. Следовательно, лично ко мне Гитлер не питал особой симпатии, да и многие члены партии из Баварии не слишком радовались моему назначению.

С. Как же вы попали в СС, если у вас были такие сложные отношения с партией?

М. После прихода к власти в 1933 году Гейдрих взял меня и еще нескольких моих сослуживцев из политического отдела в национальную полицию. Гейдрих был очень умным и практичным человеком, отличавшимся большой прозорливостью. Не забывайте, пожалуйста, что моя служба боролась и с коммунистами, мы относились к ним даже более сурово, чем к национал-социалистам.

С. У Гитлера не было других причин не любить вас или не доверять вам? Или, скажем, не допускать вас в свой круг?

М. Мой тесть был его политическим противником, а сам я всегда был убежденным католиком. Я не вступал в партию, пока меня не заставили сделать это. Гитлер же, когда только начинал свою карьеру, еще в Вене, не любил полицию. Он говорил, что она вечно придирается к нему. Гитлер был из очень бедной семьи, а этот класс всегда побаивается полиции.

С. Но в дальнейшем ваши отношения улучшились, не так ли?

М. Думаю, да. С Гитлером никогда нельзя было сказать наверняка, что он в действительности думает по тому или иному поводу. Позже он стал относиться ко мне более дружески, и в конце, в Берлине, он был очень откровенен со мной. В частной жизни он был именно таким, и для любого, кто видел его на публике, было большим сюрпризом обнаружить, что он очень человечен и что с ним легко общаться. На самом деле временами

Гитлер мог быть очень забавен и интересен. Он здорово умел иронически показывать разных людей и делал это с большой проницательностью и очень безжалостно. Однажды он совершенно замечательно изобразил при мне Гиммлера, его голос и жесты. Гитлер умел разглядеть подлинный характер человека, и видел людей практически насквозь, едва начав общаться с ними. При этом он был очень скрытным и как бы играл некую роль, постоянно находясь на сцене" на глазах публики. Но в домашней, так сказать, обстановке эта был спокойный, нормальный и очень приятный человек. Гитлер был очень вспыльчив, но главным образом только тогда, когда ему лгали в лицо, но его гнев быстро проходил. Думаю, самым большим его недостатком была его эмоциональность. Он мог быть чрезвычайно рассудителен, хотя малейшее замечание легко выводило его из себя, и он сильно раздражался. Но, как я говорил, в спокойной обстановке, он был интеллигентным и разумным человеком. По крайней мере, позже я узнал его именно таким, но тогда он нуждался в моих услугах, так что я не знаю точно, что Гитлер в действительности обо мне думал. А на ваш вопрос скажу, что да, к концу войны у нас сложились довольно хорошие отношения и на деловом, и на личном уровне.

С. Вы говорили о комиссии по делу 20 июля, в которой вы председательствовали. Не могли бы вы рассказать мне об этом заговоре в самых общих чертах? Я думаю, вы должны знать больше, чем кто бы то ни было, о том, что же на самом деле произошло. Например, некоторые из тех людей остались живы и явились к нам, предлагая свои услуги. Они могут стать заметными политическими фигурами в правительстве в нашей зоне, и мы хотели бы услышать ваше мнение о мотивах покушения и характерах тех или иных участников событий. Вы не могли бы изложить ваши общие замечания?

М. У меня больше материалов по 20 июля, чем вы могли бы представить. С чего вы хотите, чтобы я начал?

С. Просто общий обзор. Кто стоял за этим, в смысле за этим заговором. Участники, мотивы и так далее.

М. По мере того как война затягивалась, появлялось все больше и больше недовольных. Началось с того, что многие сторонники левого крыла и интеллигенция не одобряли непривлекательные действия нового правительства. Ведь ранние СА {Штурмовые отряды} и нацисты были в основном из уличных головорезов и хулиганов, и их действия вызывали раздражение у многих людей. В конце концов Гитлер выкинул большинство самых оголтелых и попытался сделать свое правительство более приемлемым для среднего класса. Я думаю, в общих чертах он

преуспел в этом, хотя интеллигенция и в особенности военные его терпеть не могли. Военные правили Германией даже после войны, и у них было... да и сейчас тоже... очень развито сознание своей касты. Они сбросили кайзера, когда им это понадобилось, они устраивали при каждой возможности путчи и хотели установить в республике своего рода формальное правительство, которое было бы целиком и полностью подчинено им. Беда была в том, что это формальное правительство было очень слабым и бездеятельным, и хотя армия, безусловно, руководила им, оно не пользовалось доверием общества и Германия попросту плыла по течению. Армии нужен был сильный лидер, который смог бы укрепить страну, но в то же время был бы у нее в подчинении. Они допустили ужасную ошибку, когда сделали ставку на Гитлера. Он не поддавался абсолютно никакому влиянию. Когда до них это дошло, они впали в ярость и решили от него избавиться. И еще, разумеется, Гитлер был не из их класса. Они-то были главным образом землевладельцы, помещики из Восточной Пруссии, они все знали друг друга, все занимали до войны положение в обществе и почти целиком жили прошлым. Гитлера и его крикливых соратников по NSDAP они находили ужасными. Так что они вредили ему, как могли, и критиковали его на своих балах, обедах и охотничьих вечерах. Они никогда не доверяли Гитлеру, даже после того, как он сломал хребет радикальным движениям в Германии и значительно улучшил экономическое положение рабочих. Для них это абсолютно ничего не значило. Даже несмотря на то что Гитлер сражался на передовой во время войны и был удостоен двух Железных крестов, они не испытывали к нему ничего, кроме презрения. Так что пока они получали какие-то выгоды от его программ, таких, например, как наращивание военной мощи, они ограничивались простым недовольством. Некоторые штабные старые бабы, типа Гальдера и Бека, пытались препятствовать его программам, но всегда закулисно. Многие из них в Веймарский период работали в Советской России, и российский стиль начинал им нравиться. Очень неблагоприятная ситуация. Когда в 1933 году Гитлер пришел к власти, это вызвало сильное раздражение у поляков, потому что Пилсудский {Юзеф Пилсудский (1867-1935), польский маршал, политический деятель и глава государства. В 1920 году воевал против Красной Армии и нанес ей поражение.} понимал, что сильная Германия с одной стороны Польши и сильная Россия с другой сулят ему большие неприятности. Так что он планировал ударить по Германии, пока рейхсвер еще относительно слаб, и надеялся спихнуть Гитлера. Думаю, поляки и сами не знали, кого они ненавидят больше: нас или русских. И

вот в начале 1933 года, думаю, где-то в марте, поляки начали стягивать свои войска к границам Восточной Пруссии. По существу, мы тогда не имели возможности им противостоять, поэтому Гитлеру нужно было выиграть время. Поляки потребовали, чтобы Гитлер разорвал свои отношения с Россией, расторг договор с ней о военной взаимопомощи {Видимо, речь идет о соглашениях РККА и рейхсвера, заключенных в 1926-1927 годах - Примеч. ред.} и подписал договор о военном сотрудничестве с ними. Гитлер был вынужден сделать это, но я знаю, что он так никогда и не забыл об этом эпизоде и впоследствии поляки дорого за него заплатили Высшее военное командование тоже злилось на Гитлера за то, что он разорвал их дружеские отношения с Россией. Они не могли или не хотели понять, что безопасность государства, их собственного государства, важнее, чем учебные маневры в России. И теперь эти господа получили новый повод для ненависти к Гитлеру. Может, эти люди и были блестящими кадровыми офицерами, но они всегда оперировали только военными категориями, строго военными, и не принимали во внимание ничего другого. Многие из этих офицеров присоединились к заговору, когда война начала оборачиваться против них. Они были вполне довольны своим бездействием, пока Гитлер раздавал им маршальские жезлы и высокие ордена, но в конце концов им это приелось. И еще, как я уже говорил, многие из старших, высшего ранга офицеров саботировали планы Гитлера. Должен сказать, что хоть я и не специалист в военном деле, но я видел, что часто Гитлер выказывал большую осведомленность, чем они. Он издавал какой-нибудь приказ, а поскольку у некоторых генералов личность Гитлера вызывала отвращение, такой генерал старался весьма осторожно такой приказ не выполнить. Если случалось что-нибудь плохое, он и его друзья во всем обвиняли Гитлера И они очень часто лгали ему в глаза. Ни к чему хорошему это никогда не приводило. Дошло до того, что Гитлер распорядился стенографировать все свои совещания.

Он просто не мог верить собственным военным. Я слышал однажды, как один очень высокий армейский чин сказал: "Это война Гитлера. Если он ее проиграет, это его вина". Представляете, услышать такое во время крупнейшей войны со смертельными врагами, которые стремятся уничтожить вашу страну! Многие из этих офицеров были замешаны в заговоре и хотели объединиться вместе с русскими против Запада. Допрашивая некоторых из них, я был поражен тем, что они не имели ни малейшего представления о сталинских преступных методах и даже не предполагали, что, едва они избавятся от

Гитлера, Сталин уничтожит и их тоже.

С. Какого ранга были эти пророссийские заговорщики?

М. Очень высокого.

С. Вы можете назвать конкретные имена?

М. Конечно, могу Сам Штауффенберг был настроен очень пророссийски, и еще был генерал кавалерии фон Кестринг {Генерал от кавалерии Эрнст Август Кестринг родился 20 июня 1876 года в Москве, умер в 1953 году. Занимал пост немецкого военного атташе в Москве С 1941 по 1945 год состоял в так называемой Армии восточных народов, добровольном, очень многочисленном формировании, состоявшем из антисоветски настроенных российских военнопленных}. Просто, чтобы кого-то назвать... Шуленбург был послом в Москве, а Кестринг - военным атташе и, по сути дела, родился в Москве. Затем был еще Гизевиус, один из ваших добрых друзей, который, как мы узнали, был советским агентом, и имелись также активные группы в Министерстве иностранных дел и даже в СС, поддерживающие "русское решение".

С. В СС?

М. Да, в Германской секции, отделе, где занимались иностранными добровольцами германского происхождения, вступавшими в войска СС. Лично я был уверен, что генерал Бергер связан с коммунистами, но доказать это я не сумел, а Гиммлер не хотел и слышать ничего плохого о Бергере и так разозлился, что мне пришлось временно прекратить наблюдение за ним. Я никогда не доверял людям из германской секции. Слишком уж много там было контактов через этих полукровок с коммунистами и славянскими группами.

С. Вы сообщили о своих подозрениях Гитлеру?

М. Разумеется, в подходящий момент.

С. Давайте вернемся к тому, о чем вы говорили. Штауффенберг был тем самым человеком, который подложил бомбу, верно?

М. Да. Он был действительным главарем заговорщиков и имел связи с Советами.

С. Каким образом он оказался связан с русскими?

М. Через Верховное военное командование он был задействован в организации военных подразделений восточных народов и вступил тогда в контакт с генералом Кестрингом. Этот человек, вне всякого сомнения, был тесно связан с Советами, но в то время об этом еще не было известно. Армия всегда защищала своих, и только потом, в результате шока от взрыва бомбы и моих собственных интенсивных и тщательных изысканий, связь военных с Советами наконец стала явной. Должен сказать, Гитлер

признался мне, что его это совсем не удивило. Не следовало забывать о связях Зейдлица...

С. Зейдлиц? Комитет "Свободная Германия" {Генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах. Был взят в плен в Сталинграде и в дальнейшем работал на советскую разведку. Руководил Комитетом свободной Германии и был связан со сторонниками Советского Союза среди германских военных. В 1955 году вернулся в Германию, но не был принят большинством своих бывших сослуживцев.}?

М. Тот самый. Как вам известно, между этой организацией, которая несомненно шпионила в пользу русской разведки, и антигитлеровски настроенными кругами в военной верхушке была прямая связь. Этих господ больше интересовало происхождение человека, а не его политические убеждения. Они помнили только о генерале "Старого Фрица", а не о нынешнем изменнике {"Старый Фриц" - прозвище короля Фридриха II Великого. Один из предков Зейдлица-Курцбаха был выдающимся генералом тяжелой кавалерии во времена этого прусского короля.}. Видите, с чем нам приходилось иметь дело. Но не поймите меня превратно. Было очень много достойных и лояльных офицеров, на самом деле их было большинство, но многие из высших генералов, главным образом аристократы и юнкеры, которые тоже были заражены пророссийскими настроениями или саботировали Гитлера по причинам классовым, в той или иной степени приложили руку к заговору. Те, кто не был напрямую замешан в нем, пытались прикрыть своих друзей и спасти их от разоблачения. В конце концов, большинство из них оказалось в наших руках. И еще, хотя это не имеет никакого отношения к покушению 20 июля, я хотел бы рассказать вам кое-что о Штауффенберге. Вы допускаете роковую ошибку, пытаясь превратить его в этакого героя или вождя так называемого движения сопротивления против Гитлера.

Штауффенберг не был вождем, а просто пользовался, знаете ли, определенным успехом у некоторых молодых людей и их друзей постарше. Он влез в это смертоносное дело через своего дядю и некоторых друзей, но в его собственном прошлом таится много грязных и весьма уродливых фактов. Я могу рассказать об этом, но если ваших людей это не заинтересует, буду хранить молчание.

С. К чему вы ведете? Штауффенберг вызывает сейчас в Германии некоторый исторический интерес, но мы никак не используем его имя. Это имеет какое-нибудь отношение к его связи с Советами?

М. Отчасти.

С. В таком случае, я полагаю, мы должны продолжить.

М. Я думаю, что важно иметь представление о личности Штауффенберга. Любой компетентный офицер полиции стремится знать о подозреваемом как можно больше. Так вот, был такой человек по имени Стефан Георг, поэт. Он умер в 1933 году. Он проповедовал культ элиты и теорию расового превосходства группе молодых людей, постоянно окружавших его. Он был того же типа, что и Оскар Уайльд.

С. Иными словами, Георг был гомосексуалистом.

М. Да, конечно. После 20 июля от одного моего товарища из мюнхенской полиции, имевшего доступ к архивным служебным материалам, мне стало известно об одном деле прошлых времен. Георг совратил одного хорошенького мальчика в Мюнхене, и семья этого мальчика, возмутившись посвященными ему любовными стихами Георга, вмешалась. Против Георга выдвинули обвинение, было проведено расследование, в ходе которого неоднократно всплывали имена братьев Штауффенберг. Деятельность Георга протекала в Гейдельберге, где он руководил своего рода религиозной сектой со всяческими тайными церемониями, во время которых юноши танцевали нагишом и все такое прочее. Отвратительные вещи.

С. И Штауффенберг тоже входил в этот кружок?

М. Да, он и его братья. Штауффенберг был довольно хорош собой, если вам доводилось видеть его фотографии. Он был высок, строен, хорошо сложен, так что, я думаю, Георга влекло к нему. Сам Штауффенберг вступил в эту секту, когда ему было семнадцать. После смены власти в 1933 году Георг бежал из Германии, и Штауффенберг вместе с остальными отправился за ним в Швейцарию. В тот год Георг умер.

С. Но это был обычный образ жизни Штауффенберга или он только экспериментировал с этим в юности?

М. Я так никогда и не получил надежных доказательств, но многие офицеры, служившие вместе со Штауффенбергом, считали его "кумушкой". Или, формально выражаясь, гомосексуалистом. Он вечно окружал себя смазливыми молоденькими офицерами, которым проповедовал греческую культуру. Насчет того, что в прекрасном теле совершенный дух, или как там он это называл. Многие нормальные офицеры постарше находили его крикливым и неприятным, очень нечистоплотным в отношении личной гигиены, и терпеть не могли этот его мужской гарем, который он таскал за собой по кабинетам.

Еще этот Георг толковал о тайной Германии, возглавить которую назначено именно его юным друзьям после того, как он приобщит их к своему извращенному образу жизни. У меня есть

масса документов, из которых видно, что в действительности эта так называемая "тайная Германия" была сборищем гомосексуалистов, интересовавшихся исключительно молоденькими мальчиками. И я думаю, что некоторых заговорщиков, стоявших за Штауффенбергом, больше интересовала отмена крайне строгих государственных законов, запрещающих гомосексуализм, нежели ниспровержение Гитлера. От всего этого дела просто воняет извращением. Вроде того случая с Редлем {Карл Редль, до Первой мировой войны полковник Австрийского императорского генерального штаба. Известен своей склонностью к гомосексуализму. Был завербован Российской тайной полицией и работал на нее, выдав множество важных секретов. Затем был схвачен австрийской контрразведкой и покончил с собой.}.

С. У вас есть документация по данному вопросу?

М. Конечно. У меня до сих пор хранятся огромные досье на этих типов. Я рассказал обо всем этом Гитлеру, и он с глубоким отвращением сказал мне, что не желает больше ничего слышать об этом. Он сказал: "Сначала был Рем и его свора педиков, а теперь еще и это. Оставьте сейчас это дело в покое. Позже мы возьмемся за него и используем, чтобы стряхнуть всех этих вырожденцев с их постов, но сейчас не время".

С. Можем ли мы получить копии этих документов?

М. Разумеется. Возможно, вы пожелаете выяснить, кто еще состоял в этом обществе, чтобы в дальнейшем воспользоваться их услугами. Я, конечно, не имею в виду сексуальные услуги, но знание подобных вещей обеспечит лучшее сотрудничество.

С. Позвольте заметить, что нас интересовала бы более подробная информация на эту тему. Уверяю вас, речь не идет о шантаже...

М. О, поверьте, у меня и в мыслях этого не было.

С. Как вы думаете, Советам эти факты были известны?

М. У них нюх на такие вещи. Это дешевый способ добывать информацию, а в России мастера по части сексуального шантажа. Я доподлинно знаю, что они были в курсе дела, но использовали они это как-нибудь или нет, мне пока в точности не известно.

С. Если Советы знали о деятельности Штауффенберга, могло бы им быть известно... или стало известно сейчас... об оставшихся в живых людях, связанных с этим кружком? С кружком "тайной Германии"?

М. Возможно. Если они руководили этими людьми, вы могли бы их завербовать. Раз уж мы об этом заговорили, скажу вам, что очень многие из так называемых героев того времени весьма охотно сотрудничали со мной, поставляя самую разную

информацию, кстати практически даром, и помогали выследить других заговорщиков, принадлежавших к другим группам. Мы могли бы обсудить кое-кого из тех, чьи имена вам, скорее всего, известны. Хотите послушать сейчас парочку историй?

С. Почему бы и нет.

М. Я не так давно прочитал одну занятную книгу. Некоего фон Шлабрендорфа {Фабиан фон Шлабрендорф, адвокат и лейтенант запаса, был арестован по делу 20 июля.}... а, я вижу, вам известно, кто этот господин.

С. Я вам ни слова не сказал.

М. Не сказали, но по вашему лицу видно. Так вот, этот самый Шлабрендорф написал книгу, которая была опубликована здесь, в Швейцарии. Вы ее случаем не читали?

С. Мне однажды довелось видеть ее. Она называлась "Офицеры против Гитлера"?

М. Да. На самом деле, я бы очень хотел знать, кто ее написал. Я уверен, что это сделал не фон Шлабрендорф.

С. Почему вы так думаете?

М. Я допрашивал его, и он был одним из тех, кто очень содействовал мне в работе. Разумеется, сейчас он или, вернее, тот, кто написал за него эту книгу, описывает, какое мужественное сопротивление оказывал он гестапо. Мужественное сопротивление! Да этот тип из кожи вон лез, чтобы оказаться мне полезным. Не сразу, конечно...

С. Его пытали?

М. Да нет, какие глупости. Этот человек был офицером запаса, приписанным к армейской группе "Центр". И он имел некоторое отношение к взрывным устройствам, которые намеревались использовать против Гитлера. Мне очень хотелось знать: откуда взялись эти взрывные устройства? Из Британии? Они несомненно были британского производства. Из абвера? А может быть, и из Швейцарии. Вполне возможно, что к этому делу приложил руку и ваш мистер Даллес {Аллен Даллес, глава управления спецслужбы в Берне, Швейцария. Его отчеты о положении дел внутри Германии во время войны примечательны большим количеством неточностей. В дальнейшем стал директором ЦРУ.} в Берне. Я вел за ним тщательное наблюдение, и на меня работали два человека в его организации, так что я могу говорить о его деятельности с определенной долей уверенности. Я считаю, что это один из его старших помощников, некий Геро фон Гаверниц {Геро фон Шульце-Гаверниц, помощник Аллена Даллеса Сын Герхарда фон Шульце-Гаверница, бывшего члена парламента Веймарской республики и профессора британской экономической истории, который покинул Германию

из-за того, что его жена была еврейкой. Его сын получил в США докторскую степень по экономике.}, вручил эти устройства Шлабрендорфу. Естественно, это могло быть сделано потому, что мистер фон Шлабрендорф работал на ваших людей. Он и вправду очень легко шел на сотрудничество. Мы повесили пять человек на основании его показаний, и хотя сам он тоже участвовал в заговоре, я оставил его в живых. В конце концов, война должна была довольно скоро закончиться, а он был американским шпионом, разве не так? Возможно, для вас он и герой, но для меня - предатель. И я вообще-то думаю, что таких предателей надо вешать, но человек из ОСС может впоследствии пригодиться. Большинство людей из ОСС, с которыми мне приходилось сталкиваться, были коммунистами до идиотизма. Я всегда считал, что ОСС хочет похитить Гитлера и использовать его. Или, может быть, какая-то другая фракция хочет его взорвать. Итак, русские у нас держали группу Штауффенберга, американцы - кружок Крейзау, и хотел бы я знать, кого держали британцы? У них был один младший дипломат-педик, кое-кто из турок, целая свора итальянских монархистов и напомаженных педерастов, а еще несколько американцев-англофилов, чьи имена вы с большой радостью, в чем я уверен, прямо сейчас от меня и получите. Кто в действительности написал книгу?

С. Мистер фон Гаверниц редактировал рукопись..

М. Мистер фон Гаверниц написал эту рукопись. В ней полным-полно ошибок. Насчет бомбы в самолете Гитлера. Какая чушь.

С. А что, такого не было?

М. Нет, такого не было. Эта история идет от Шлабрендорфа, доблестного героя, передавшего бомбу офицеру генерального штаба по имени Брандт, который пронес ее в самолет Гитлера из эскадрильи "Кондор". Тот самый Брандт, который впоследствии подорвался на настоящей бомбе Штауффенберга А та бомба не взорвалась, и тогда Шлабрендорф тут же вылетел специальным самолетом в Растенбург и забрал ее. Кажется, история звучит так?

С. Насколько я помню, да.

М. Брандт несомненно был в ставке армейской группы "Центр", когда там находился Гитлер, но он полетел вторым самолетом, а не вместе с Гитлером. Так что даже если эта фиктивная бомба и сработала бы, она бы ничего не сделала. Разве что избавила бы меня позже от необходимости повесить чуть больше штабных офицеров. А как насчет бомбы на выставке?

С. Об этом мне ничего не известно.

М. Неужели вы никогда не слышали об отважном полковнике, который пронес на выставку бомбу в собственном кармане и

собирался броситься на Гитлера и взорвать его?

С. Существовало так много историй подобного рода, что было бы просто немыслимо запомнить их все.

М. Это миф о Герсдорфе {Рудольф-Кристоф фон Герсдорф, полковник генерального штаба, выдумавший историю о своем покушении на жизнь Гитлера.}. Бомба в его кармане? Да он и в руках-то бомб никогда не держал. Герсдорф это человек с большим самомнением, который после войны начал кричать на каждом углу, что он пытался убить Гитлера, и выдумывал истории о каких-то бомбах. Я знаю, кто такой Герсдорф. Уверяю вас, его совесть гложет, вот откуда взялась эта история о несостоявшемся покушении. Может, кто-то захочет узнать, почему он чувствует себя виноватым? Нам нужно было создать прикрытие для фон Шлабрендорфа, чтобы это выглядело так, будто он просто отправляется отбывать срок, как и его близкий приятель Герштенмайер. А теперь они оба выглядят, как две старые шлюхи, и объявляют себя героями. Думаю, в конечном счете они правы. Они и в самом деле воплощают собой истинный дух сопротивления. В этом я с ними полностью согласен. И скажите вашему Гаверницу, чтобы в следующий раз он лучше поработал над своими небылицами. Однако моя предусмотрительность в отношении Шлабрендорфа, которого я оставил в живых, хотя очень хотелось его повесить, в конце концов свела нас вместе. Кто бы мог подумать, что так получится?

С. Возможно, вы сами.

М. Я всего лишь простой баварский полицейский, который только старался выполнять свою работу как можно лучше. И я, в конце концов, не отличаюсь особой проницательностью. В одной книге обо мне говорится, что я просто тупой и грубый нацистский головорез, а значит, так оно и есть. Ведь книги никогда не лгут, верно?

С. Я очень хотел бы, генерал, чтобы вы серьезнее относились к нашим беседам.

М. Но если вы рассказываете смешные истории, как я могу удержаться от смеха?

С. Говоря откровенно, я не могу представить вас смеющимся над чем бы то ни было.

М. Мы, немцы, обладаем большим чувством юмора. Если бы мне довелось увидеть, как Сталин тонет в выгребной яме, уверяю вас, мне это показалось бы довольно смешным.

С. Я думаю, нам лучше вернуться к делу Штауффенберга, вы согласны?

М. Еще более зловонному, да еще перед обедом. Хорошо,

давайте продолжим. Что еще вы хотели бы узнать об этом тайном германском обществе веселых мальчиков?

С. Группа Штауффенберга сотрудничала с Советами или просто дружественно относилась к ним?

М. Напрямую работала с ними! Сталин боялся... вы знаете, что покушение произошло после вторжения Запада во Францию и прорыва, и Сталин боялся, что западные союзники... американцы и британцы... доберутся до промышленных районов Рура раньше, чем это смогут сделать русские. А для Сталина это был бы большой трофей. Он должен был во что бы то ни стало получить Рур и его промышленный потенциал первым. И поэтому они заключили сделку. Требовалось избавиться от Гитлера и заменить его кем-нибудь, с кем Сталин мог бы договориться и быстро получить физический контроль над индустриальными районами Силезии и Рура. Для достижения этой цели было дано множество обещаний. Штауффенберг, Бек и другие могут оставаться у власти в качестве временного кабинета, пока не будет создано новое, демократически избранное социалистическое правительство. Естественно, имелся в виду социализм в русском стиле. Выстрел в затылок или каторга в сибирских лагерях. Был даже разговор о том, чтобы заменить Гитлера Гиммлером! Уж этого-то никогда не приняли бы ни военные, да и никто другой, конечно. Но сам Гиммлер несколько раз заводил речь о том, чтобы заменить Гитлера, по крайней мере эта идея его заинтересовала. Гиммлер очень верил в собственную значимость и в значимость СС. и хотел остаться у власти. Однажды он сказал мне, что чувствует, будто только он один в состоянии иметь дело с Западом и с Россией. Очень неумный человек.

С. Вы говорили о его колебаниях Гитлеру?

М. Гиммлер всегда старался помешать мне. Приходилось быть очень осторожным. Я же думал о том, и об этом мне не единожды говорил Гитлер, что я должен взять под свой контроль единую разведывательную систему. Я знаю, что он был доволен моей работой после 20 июля, и он вручил мне свой портрет с подписью и высокую награду.

С. Что это был за орден?

М. Рыцарский крест с мечами, в октябре 1944 года Отчасти поводом для этого награждения стала моя работа по передаче дезинформации через перевербованных вражеских радистов, а в остальном - успехи гестапо в искоренении заговора 20 июля.

С. Я вижу по вашим документам, что вы были удостоены Железных крестов в 1940 году. Вы участвовали в боях?

М. Нет. Я получил их за мою работу в августе- сентябре 1939 года. Во время дела в Глейвице, когда Гейдрих инсценировал

нападение поляков на радиостанцию в Глейвице, чтобы дать оправдание нашему нападению на Польшу. Дата была изменена, потому что Гитлер до последней минуты пытался вести переговоры, но один отряд не получил приказ о прекращении операции и начал стрелять по германскому таможенному посту. Мне пришлось лично заняться этим делом и прекратить стрельбу. Но тогда это не был Железный крест. Это была дополнительная планка к этим орденам, которые я получил за войну 1914 года.

С. Мы можем обсудить это в другой раз. Сейчас меня интересует тема 20 июля. Было ли Гитлеру известно о связи заговорщиков с русскими, и как он на это реагировал?

М. Он знал об этом, и, похоже, это его не удивило. Сначала, основываясь на собственных наблюдениях, он считал, что за всем этим стоят британцы, но позже он отказался от этой идеи, когда я представил ему свои доказательства Гитлер всегда думал, что британцы хотят убить его. И у Штауффенберга, через семью его жены, были связи с британцами. Обнаруженные нами бомбы и детонаторы были британского происхождения, но в дальнейшем мы все же выяснили, что они пришли со складов абвера, и их не собирались использовать именно против Гитлера.

С. Но ведь вы обвинили в этом ОСС...

М. Маленькая шутка.

С. Как у абвера оказались британская взрывчатка и детонаторы?

М. Абвер контролировал всю сеть SOE {Special Operations Executive, Служба особых операций, агентство британской разведки, учрежденное Черчиллем для организации убийств, саботажа и других тайных подрывных операций.} в Голландии, и от британцев в руки абвера падали с неба сброшенные с самолетов тонны оружия и оборудования для саботажа. При этом британцы не знали, что их сеть раскрыта. Вот откуда это все взялось. Первые отчеты комиссии по расследованию указывают на использование при покушении британских взрывных устройств, и Гитлер сам рассказывал мне, что из своего военного опыта знает, какой цвет пламени взрыва и как пахнет взрывчатка британских взрывных устройств.

С. Существуют какие-нибудь доказательства тому, что группа Штауффенберга имела связи с Советами?

М. Разумеется. Гестапо арестовало все личные бумаги Штауффенберга, где бы они ни находились. По сути, когда мы нашли место его пребывания в Берлине... я имею в виду его секретное убежище в Потсдаме... мы обнаружили, что он записывал абсолютно все. И не только это. Мы обнаружили дом, битком набитый продуктами с черного рынка, вином, одеждой и

тому подобной роскошью. Очень законопослушный и патриотичный человек был Штауффенберг. Вы спрашивали меня о его извращенности? Пожалуйста, несколько альбомов с изображениями нагих итальянских мальчиков работы небезызвестного фон Глодена. Их я не держу в своих архивах. Мы отследили всю добытую информацию, и советская ниточка обнаружилась почти сразу. Мы упустили Кестринга, хоть он и был допрошен, но из остальных мы вытрясли все. Гитлер приказал хранить все эти документы в строгом секрете и поручил это лично мне, потому что он не хотел, чтобы хоть кто-нибудь знал, что ему известно, а что нет. Уверяю вас, в то время многие люди были очень напуганы.

С. Что произошло с этими документами?

М. Бумагами Штауффенберга?

С. Да.

М. Я сохранил их. И, предваряя ваш следующий вопрос, они до сих пор у меня. Исключая картинки с голыми мальчиками.

С. Не думаю, чтобы они нас сильно интересовали.

М. Надеюсь, что нет. Так вот, британцы...

С. Пожалуйста, давайте придерживаться нашей повестки дня. Итак, помимо Штауффенберга, были еще какие-нибудь деятели в Германии, которые работали на Советы?

М. Им многие симпатизировали из так называемой интеллигенции вроде "Красной Капеллы", которую мы разгромили перед этим. Это было типично. Считается, что у русских очень сильная разведка, но все, что они фактически делали, это внедрялись в прокоммунистические группы интеллигентов в разных странах и через этих сломленных людей получали самую разную информацию задаром. Русские терпеть не могут платить за что-нибудь. А студенты университетов, писатели, артисты, профессора и так далее с радостью раскрывали им государственные секреты просто ради того, чтобы помочь делу социализма. Но сотрудничать? Лет, в лучшем случае очень немногие, да и то главным образом тайно, поддерживали Сталина. Украдкой по ночам распихивали по почтовым ящикам скверно написанные листовки или малевали на стенах антиправительственные лозунги. Я говорил вам, что удел их был жалок, и поверьте, так оно и было на самом деле.

С. Вот один из самых важных вопросов в моей сегодняшней повестке дня. Я должен спросить вас, известно ли вам что-либо о дневниках адмирала Канариса?

М. Известно. После 20 июля против Канариса не было выдвинуто обвинение, хотя некоторые из его ближайших коллег были разоблачены как изменники. Гиммлер защищал его

практически до конца. А затем, в апреле 1945 года, один офицер случайно обнаружил эти дневники, запрятанные в сейф в военном штабе. Их тут же передали Раттенхуберу...

С. Раттенхубер? Из службы безопасности?

М. Он был начальником личной охраны Гитлера из RSD {RSD-Reichssicherheitsdienst. Отряд профессиональных полицейских, формально входящий в штат Гиммлера, но, по сути, совершенно независимый. Сотрудники этой службы отвечали за безопасность Гитлера и повсюду сопровождали его. Носили форму и знаки различия СС и отчитывались только перед Гитлером и бригадефюрером СС Гансом Раттенхубером, командиром RSD. Раттенхубер часто тесно сотрудничал с гестапо в случаях, когда Гитлер куда-либо выезжал или проводил большие публичные выступления. Подобно Мюллеру, Раттенхубер был родом из Баварии и оставался с Гитлером до самого конца.}. Полицейский-профессионал, баварец из Мюнхена. Он прочел их и немедленно отнес мне.

С. А не Кальтенбруннеру?

М. Нет, непосредственно мне. По приказу Гитлера все вещи такого рода первым делом попадали в мои руки. Я пролистал их и велел сделать фотоснимки со всех документов. Потом я показал дневники Гитлеру...

С. Оригиналы или фотографии?

М. Гитлеру - всегда только оригиналы. Он внимательно прочел их и велел мне надежно хранить их у себя. Фотографии избранных страниц были вручены Кальтенбруннеру, а он позже передал их Гитлеру.

С. А оригиналы? В смысле, что произошло с оригиналами?

М. Я их припрятал.

С. Они еще в сохранности?

М. Вполне.

С. Что было в этих дневниках?

М. Эти идиоты поверяли бумаге буквально все. В этом деле об измене моя задача заключалась не в том, чтобы найти важные документы, а в том, чтобы определить, какие важные документы наиболее важны. Буквально все из компании Штауффенберга вели дневники, делали заметки и писали самые разные разоблачающие документы, которые они держали в столах, сейфах в собственных кабинетах или других легко вычисляемых местах. Канарис ничем от них не отличался, хотя как начальник разведки он мог бы быть пособразительнее.

С. Но, по существу, в этих дневниках было...

М. То же, что и у всякого другого. Оправдание себя и своих действий. Там были записи о контактах и с Западом, и с

Востоком, через разных высокопоставленных государственных чинов, религиозных деятелей и прочее. Кстати, эти религиозные господа оказались худшими из всех. Хотя сам я посещаю церковь, когда дело доходит до этих блеющих агнцев Божьих, я склонен согласиться с Борманом. Эти моральные уроды в один голос заявляли, что Господь требует от них, чтобы они убили Гитлера, и что все, что они делают, приемлемо, поскольку они носят сутану. И уж они-то были в самых первых рядах, чтобы доносить на своих друзей, друзей своих друзей и кого угодно, кто только приходил им на ум. Я предпочитал не допрашивать этих тварей сам, если у меня был выбор. А Канариса мне довелось допрашивать по различным поводам, и тут он проявил себя истинным греком. У него были ответы на все вопросы, и ни один из них не был правдой. Ему, скорее, следовало бы торговать где-нибудь коврами и держаться от армии подальше. Его дневники стали в итоге его смертным приговором. В них содержалось описание заговора с целью захватить Гитлера с помощью дивизии "Бранденбург", который был разработан до мельчайших деталей. За исключением того, конечно, что они забыли поделиться своими планами с командиром дивизии или кем-либо из его штаба. И для них впоследствии стало большим потрясением, когда командир категорически отверг их план и не стал защищать их на допросах. Вам следует понять, что эти идиоты, когда их задерживали или арестовывали, тут же сами выбалтывали гестапо все, что знали. Я никого из них не подвергал пыткам. В этом не было необходимости. Конечно, с одним человеком я мог разговаривать очень резко, зато с другим я вел себя мягко и дружелюбно. Тон допроса зависит от человека, которого допрашивают. Большинство этих господ выдавали мне всю необходимую информацию так быстро, как только могли, и теперь, когда я читаю книги о героическом сопротивлении и ужасных пытках, мне делается смешно. Конечно, оказаться в камере не слишком приятно, особенно для всяких изнеженных чиновников и надменных генералов, и на них оказывали очень сильное психологическое давление, но ни одного из них не били {12 июня 1942 года Мюллер издал подписанный им лично приказ, касающийся правил ведения как обычного допроса в целом, так и интенсивного допроса в частности.

"1. Интенсивный допрос может применяться только в том случае, если в ходе предварительного допроса стало ясно, что арестованный владеет информацией о каких-либо важных фактах, касающихся контактов или намерений, враждебных государственной или правовой системе, но отказывается сообщить эти сведения, и если последние не могут быть получены

в ходе расследования.

2. В подобных обстоятельствах интенсивный допрос может применяться только по отношению к коммунистам, марксистам, членам религиозных сект, саботажникам, террористам, членам движения Сопротивления, вражеским десантированным агентам, асоциальным личностям, польским или советским лицам, отказывающимся сотрудничать, а также бродягам. Во всех иных случаях принципиально необходимо мое предварительное разрешение.

3. Интенсивный допрос не может применяться с целью принудить заключенного сознаться в собственных преступных действиях, а также этот метод не может применяться по отношению к лицам, временно освобожденным системой правосудия с целью проведения дальнейшего расследования. В случае исключений также требуется мое предварительное разрешение.

4. Помимо других мер, применяемых по обстоятельствам, интенсификационные меры заключаются в следующем: упрощенный рацион (хлеб и вода) жесткая койка, темная камера, лишение сна, изнуряющие упражнения, а также нанесение ударов дубинкой (в случаях, когда наносится более 20 ударов, необходимо присутствие врача)".}. В этом просто не было нужды, поскольку они по большей части из кожи вон лезли, чтобы исповедаться самим и впутать как можно больше других людей. И в числе тех, кого они впутывали, было довольно много людей, которые вообще ничего об этом не знали. Я думаю, в итоге мы отпустили на свободу гораздо больше народу, чем посадили. Конечно, когда подозреваемый начинал лгать мне и старался втянуть за собой еще кого-нибудь, я обращался с ним очень сурово. Большинство их так или иначе повесили бы, но они явно не хотели остаться без компании.

С. Сколько человек на самом деле было казнено в результате следствия по делу 20 июля? По некоторым данным, четыре или пять тысяч...

М. Ерунда. Тысячи оказались в тюрьме, но, насколько я знаю, смертной казни на самом деле было предано только около двух сотен. Я помню, как в самом конце Гитлер отдал мне особый приказ насчет этих людей. Это было в апреле, в Берлине. Он потребовал тогда немедленно ликвидировать их всех, чтобы в том случае, если Германия окажется во власти своих внешних врагов, ее внутренние враги не смогли бы выползти на поверхность и установить новое правительства. Он говорил об этом совершенно серьезно и сказал мне тогда: "Мюллер, если я вообще могу сейчас кому-нибудь доверять, то думаю, что могу доверять вам. Когда-то

мы были врагами, но у меня была возможность понять, что вы настоящий профессионал, и поэтому я прошу вас лично проследить, чтобы это было сделано немедленно".

С. Что именно вы должны были сделать и сделали ли вы то, что от вас ожидалось?

М. Устранить их, с судом или без суда. Вы прекрасно понимаете, что я должен был сделать.

С. Иными словами, умертвить их.

М. Называйте это как вам угодно. Эти люди были виновны в государственной измене и в намерении нанести урон своей стране ради достижения собственных целей. Вроде тех генералов, о которых я вам рассказывал, помните, которые говорили, что "это война Гитлера и, если он ее проиграет, это его вина". И многие из них действительно надеялись занять ключевые посты в послевоенном правительстве. Возможно, именно для того они и хранили свои преступно глупые записи и дневники, чтобы позже иметь возможность предъявить их в качестве доказательства их противостояния Гитлеру. Вы можете назвать мои действия как вам захочется, но не забывайте, что я проверял все доказательства их вины и лично допрашивал большинство из них, так что мне лучше известны их характеры и мотивы их поступков, чем они известны сегодня разным посторонним лицам. Чтобы выполнить приказ Гитлера, я собрал команду своих людей, на которых мог положиться, и сообщил им о приказе. И я лично приказал этим людям немедленно казнить всех заключенных по делу 20 июля. Главные преступники уже понесли наказание за свои действия, но оставалась еще шайка Канариса и некоторые другие, которые находились в берлинской тюрьме, ожидая суда или отбывая срок. Я выполнил приказ Гитлера, насколько сумел. Канариса и его шайку повесили в той же тюрьме, а остальных вывезли и расстреляли, некоторых уже буквально в последние минуты перед приходом русских, спешивших к ним на выручку. И скажу вам без всяких колебаний, что у меня не было проблем с выполнением данного приказа. И если я о чем и сожалею сегодня, то только о том, что кое-кого я по ходу дела все-таки упустил...

20 ИЮЛЯ 1944 ГОДА:

Часть II

События, разворачивавшиеся во второй половине дня 20 июля 1944 года в штаб-квартире гестапо, намного интереснее всего происходившего в ставке Гитлера или на Бендлерштрассе, где находился центр заговора.

С. Остается еще много нерешенных вопросов, скорее, исторического характера, касающихся покушения на жизнь Гитлера, и поскольку вы имели непосредственное отношение к

расследованию, я хотел бы продолжить разговор об этом, если вы не против.

М. Разумеется. Но мне кажется, основное мы уже обсудили, разве не так?

С. Но не этот аспект. Тогда я интересовался вашим мнением относительно замешанных в заговоре партий. На этот раз мне хотелось бы быть более конкретным. Уверен, вы поймете, что я имею в виду, если мы продолжим.

М. Мне в любом случае хотелось бы понять вашу мысль.

С. Прежде всего, было ли вам, как начальнику гестапо, известно что-либо о готовящемся заговоре до того, как произошло покушение?

М. Конкретно о Штауффенберге?

С. Да, об этой попытке.

М. Я кое-что знал о Штауффенберге, но не в связи с его участием в подготовке покушения.

С. А что вы о нем знали?

М. Ну, антиправительственно настроенный интеллектуал. Еще существовало досье о его подозрительных сексуальных наклонностях, но ему не был дан ход. Я не занимался специально людьми, настроенными против правительства, под которым я подразумеваю Гитлера, а только теми, кто предпринимал активные действия в этом направлении. Что же касалось обвинений высших военных чинов в гомосексуализме, то я кое-что знал о деле генерал-фельдмаршала Фрича в 1938 году и мне больше не хотелось связываться с делами такого рода.

С. Давайте на минутку отвлечемся от нашей темы. Вы упомянули Фрича.

М. Да. Мой сотрудник Мейзингер занимался следствием по этому делу, которое я советовал ему оставить в покое. И Мейзингеру оно оказалось не по силам.

С. И обвинения в гомосексуализме против Фрича были сфабрикованы гестапо, разве не так?

М. Нет, не так. Фрич, несомненно, имел одно время гомосексуальные связи, но конкретные обвинения в 1938 году не подтвердились. Улики существовали, но они относились к другому армейскому офицеру, а не к командующему армией. Когда это стало очевидным, я дал Мейзингеру приказ бросить это дело. Но он, решив, что здесь хороший шанс для карьеры, передал эту группу другим, кому Фрич не нравился. Кое-кому эта работа была нужна... Герингу, если быть точнее... а Мейзингер выразил готовность помочь. Это было действительно отвратительное дело, и Мейзингера, вместо ожидаемого повышения по службе, отправили в Японию. Остальное вы знаете.

Не желаете ли вновь вернуться к 20 июля?

С. Да. Значит, вы ничего не знали о покушении заранее, я верно понял?

М. Абсолютно ничего. В нем участвовала небольшая группа людей, и решение подложить бомбу было принято незадолго перед этим. Информация просто не успела просочиться и достигнуть моих ушей.

С. Значит, покушение готовилось в полной тайне?

М. О нет, не так уж. Несколько человек, не входивших в круг настоящих заговорщиков, знали о нем. Они не были замешаны в этом непосредственно, но знали о том, когда и как должно было произойти покушение. Таким образом эти люди также являются преступниками, поскольку они знали о готовящемся теракте и не сделали попытки донести о нем.

С. Соучастие в преступлении.

М. Именно так. Думаю, будет лучше, если я просто кратко изложу свою версию событий того дня, вместо того чтобы попусту тратить целые месяцы на такие разговоры. Я уже говорил вам, что был захвачен врасплох и по какой причине. Теперь могу рассказать, как я реагировал на известие о покушении, и пусть мои поступки говорят сами за себя. 20 июля я находился у себя на службе в Берлине, пытаясь разобраться с делом, над которым тогда работал. Оно не имеет никакого отношения к нашему вопросу. Сопоставление фактических доказательств с показаниями, полученными сотрудниками гестапо на допросах, заняло почти все утро, и я был не в самом лучшем настроении, когда вдруг раздался телефонный звонок и один из моих сотрудников сообщил, что произошел какой-то взрыв в ставке фюрера. О заговоре не было ни слова, и я решил, что речь идет о взрыве мины. Через несколько минут... возможно, четверть часа или около того... в мой кабинет вошел страшно возбужденный Кальгенбруннер и сообщил, что на совещании в ставке Гитлера, где присутствовал и он сам, взорвалась бомба и некоторые из участников совещания убиты или ранены. Гитлер серьезных ранений не получил. Находившийся поблизости Гиммлер тут же приказал Кальтенбруннеру взять экспертов, и лететь в Восточную Пруссию, чтобы выяснить, что же в точности произошло. Я поинтересовался у Кальтенбруннера, вполне естественно, нет ли за этим какого-либо организованного заговора, и он ответил довольно резко, что, скорее всего, нет и чтобы я на этот счет не беспокоился. Такое его обращение со мной очень меня раздосадовало. Кальтенбруннер вообще был на редкость неприятным типом, и на службе я не уделял ему слишком большого внимания. Он был ненадежным, нечестным и

мстительным человеком. Припоминаю случай, когда он повздорил с Полем.

С. Для протокола - с Освальдом Полем?

М. Да. Кальтенбруннер прицепился к одному из людей Поля и из-за какой-то ерунды посадил его под домашний арест. Поль имел очень большое влияние на Гиммлера и через него приказал, чтобы того человека освободили. Кальтенбруннеру сказали тогда, чтобы он оставил это дело в покое, но как только Гиммлер и Поль покинули Берлин, Кальтенбруннер предпринял новую попытку. На этот раз Поль лично заявился к Кальтенбруннеру и устроил жуткую сцену в его кабинете. Кто-то ворвался в мой кабинет и крикнул, что Поль врезал Кальтенбруннеру по физиономии и сшиб его со стула. Разумеется, я тут же отправился полюбоваться зрелищем и увидел Поля, стремительно вылетающего из здания, и Кальтенбруннера, выбежавшего в холл с пылающей физиономией и окровавленным носом. Он визжал, что требует немедленно арестовать Поля, что, впрочем, вряд ли было возможно. Я немного побеседовал с Кальтенбруннером, и он несколько притих. Особенно после того, как я напомнил ему о распоряжении Гиммлера оставить Поля и его людей в покое. В любом случае я не собирался держаться в стороне от этого дела. Если в данном случае имела место измена, моим прямым долгом было заняться его расследованием. Затем, около 17: 00, мне позвонил сам Гиммлер и сказал, что некоего полковника генерального штаба, фон Штауффенберга, следует по возможности арестовать у него на службе на Бендлерштрассе и допросить насчет того, что ему известно о бомбе. Еще Гиммлер сказал, что Гитлер получил легкие ранения, но полностью работоспособен и что все это дело нужно держать в строгом секрете. Он спросил также, не слышно ли в гестапо каких-нибудь новостей по этому поводу, и я ответил, что нет. Он несколько раз подчеркнул, что мне следует только наблюдать и не предпринимать никаких действий, помимо задержания Штауффенберга. Его я должен был как можно более незаметно препроводить в свой кабинет, и никто из тех, кому не положено, не должен был ничего знать об этом. Мне было непонятно, почему нужна такая скрытность при аресте убийцы, и я прямо спросил об этом Гиммлера. Тот пришел в сильное раздражение и ответил, что в данный момент следует избегать любых трений с армией. Меня снова удивило, что Гиммлер ведет себя столь робко, ведь, в конце концов, в том случае, если это не отдельное происшествие, следовало бы предпринять гораздо более решительные шаги. Невзирая на Гиммлера, я объявил тревогу всем службам гестапо как внутри страны, так и за ее пределами,

чтобы они особо бдительно следили за любой информацией о нападении на фюрера. Я, впрочем, не стал сообщать, что такое нападение имело место. Я тут же отправил своего подчиненного, штандартенфюрера Пиффрадера, с приказом взять полковника Штауффенберга, соблюдая при этом строгую секретность. Едва Пиффрадер удалился, я начал получать сообщения о военном перевороте. Мне звонили, должно быть, по дюжине раз в минуту, не считая телетайпных сообщений. Вся служба была взбудоражена до крайности.

С. Что было потом?

М. Я тут же принялся звонить Гиммлеру, но не смог дозвониться. Минут, наверное, через десять, когда у меня набралось побольше информации, я попробовал еще раз, и мне снова сообщили, что Гиммлера нет на месте. Я предположил, что он на совещании, и попросил к телефону Кальтенбруннера. На это мне сказали, что они оба уже покинули ставку фюрера и вернулись в Берлин. Я не замедлил убедиться, что в штаб-квартире РСХА никого из них нет и никто в Берлине не знает, где они. Тогда я позвонил командующему корпусом охраны СС в Лихтерфельдские казармы и объявил тревогу. Я сказал ему довольно резко, что готовится военный переворот и что он должен привести в немедленную готовность все боевые подразделения СС, какие только сможет. С ним у меня никаких трудностей не возникло, но почти сразу же мне позвонил Кальтенбруннер и завопил, что мне не следовало вмешиваться и что всеми подразделениями войск СС по прямому приказу Гиммлера командует генерал Юттнер. Я попросил позвать к телефону Гиммлера, и Кальтенбруннер бросил трубку. В этот момент, учитывая всю повалившую валом информацию, отсутствие Гиммлера стало казаться мне очень подозрительным, как и его постоянные попытки как-то затушевать это дело. Я позвонил Геббельсу, но тоже не смог дозвониться. Следующим моим шагом было пойти к Шелленбергу. Я хотел узнать, нет ли у его людей какой-нибудь информации об иностранных сообщениях по поводу покушения. Едва я вошел в его кабинет, мне сразу стало ясно, что здесь происходит нечто весьма занятное. Шелленберг был явно очень напуган. Он в это время говорил по телефону и, увидев меня, сразу повесил трубку. Не забывайте, что я все-таки опытный полицейский, а Шелленберг просто дешевый адвокатишка, интриган и приспособленец. Он был весь в поту и теребил руками воротник. Я, естественно, спросил, что тут происходит. Он очень нервничал... явно пытался что-то скрыть... и старательно избегал моего взгляда. Он сказал, что ничего не знает ни о какой иностранной информации, но

слышал от самого Гиммлера, что тот приказывает ему ни во что не вмешиваться. Он счел, что это относится и ко мне тоже, и с напускной бодростью заявил, что обо всем позаботятся на самом верху. Я с некоторым нажимом сказал, что в вопросах безопасности я и есть самый верх. Еще я сказал, желая посмотреть на его реакцию, что сам поднял по тревоге личную охрану Гитлера, а также приказал направить отряды патрульной службы СС к зданию РСХА и что в здании будет выставлен вооруженный караул. Тут он по-настоящему перепугался и сказал, что войска СС мне не подчиняются, и что действовать вопреки приказам Гиммлера означает идти на большой риск. Я спросил его, где Гиммлер и Кальтенбруннер. Сказал, что знаю - они в Берлине. Шелленберг начал ерзать на стуле и заявил, что понятия не имеет, где они. Но теперь я укрепился в своих подозрениях относительно них и отдал приказ, чтобы телефонные звонки Шелленберга немедленно начали прослушивать. Я поручил это человеку, которому полностью доверял, и он должен был делать записи разговоров и приносить мне их расшифровку. В случае же если бы он вдруг услышал что-нибудь важное, он должен был тут же сообщить об этом мне, и никому больше.

С. У вас не возникло подозрений, что Гиммлер может быть причастен к перевороту? Что он, возможно, в чем-то замешан?

М. О да, мне пришло это в голову почти с самого начала, но мне нужно было соблюдать большую осторожность. И еще я заметил, где-то около 18: 00 или, возможно, на несколько минут позже, что правительственный квартал окружили отряды военных патрулей. Я первым делом позвонил Геббельсу. Поначалу я наткнулся на какого-то адъютанта, но в конце концов Геббельс взял трубку. Я стал рассказывать ему кое-что из того, что успел узнать, но он перебил меня и сообщил, что у него сейчас совещание с руководителем охраны Берлина и что все под контролем. Я смог расслышать, что в комнате находятся еще какие-то люди, и спросил, не арестован ли он и не нужна ли ему помощь. Если это так, мы немедленно пошлем войска.

С. Вы имеете в виду войска СС?

М. Разумеется. У меня, в конце концов, не было власти над армией. Он сказал, что СС ни в коем случае вызывать не следует, поскольку это может привести к очень серьезным последствиям. Затем он заверил меня, что ему ничто не угрожает и что все скоро прояснится. Я спросил, не слышал ли он чего-нибудь о Гиммлере, и он ответил, что нет. Мне никак не удавалось отыскать Гиммлера, пока человек, занятый прослушиванием телефона Шелленберга, не пришел доложить мне, что он только что прослушал разговор между Шелленбергом и Гиммлером, который

наводил на мысль, что Гиммлер выжидает развития событий. Он назвал мне слово "Кенниграц" и спросил, известно ли мне, что оно означает. Помимо сражения в 1866 году, оно для меня ничего не означало. Мой человек сказал, что Гиммлер упоминал это слово несколько раз, но явно очень осторожничал. Расшифровки должны были быть готовы очень быстро, но я велел ему в течение этого времени держать меня в курсе любой новой информации.

С. Скажите, Гиммлер не говорил ничего такого, что указывало бы на то, что ему было известно о заговоре до того, как произошло покушение?

М. Мой человек, очень опытный профессионал, считал, что они оба знали о чем-то заранее, но выжидали. И еще я должен сказать, что Шелленберг говорил обо мне с Гиммлером в очень негативном тоне. Он сказал, что я объявил тревогу войскам СС вопреки приказу Гиммлера, и хотел узнать, не наделит ли Гиммлер его полномочиями взять меня под стражу. Такая вот глупость. Гиммлер, похоже, испугался и велел Шелленбергу держаться от меня как можно дальше и ничего мне не говорить. Не говорить чего? Тогда я решил, что пора схватить эту змею и как следует поприжать ее. Я велел одному из офицеров войск СС, стоявшему на карауле в здании, немедленно отправиться к Шелленбергу и привести его в мой кабинет. Поглядели бы вы на этого типа, когда его привели. У него был немалый опыт по части всяческих закулисных манипуляций, но опыта по части допросов у него не было совершенно. В этом деле к разным людям нужен разный подход. С ним я держался очень жестко. Я удалил офицера из комнаты, взял какую-то случайно оказавшуюся у меня на столе папку и начал ее листать. Потом посмотрел ему прямо в глаза. Он начал угрожать мне и обещал пожаловаться на мои действия Гиммлеру. Тогда я попросил его объяснить суть его участия в деле "Кенниграц", и вся его воинственность сразу исчезла.

Если до этого он был напуган, то теперь он пришел в полный ужас. Я достал свой служебный пистолет из ящика стола и положил перед собой. От этого его по-настоящему бросило в дрожь, и я думаю, он поверил, что я готов его пристрелить.

С. А вы действительно были готовы?

М. Это полностью зависело от обстоятельств. Во всяком случае, я в него не целился. Это было просто для усиления давления, как вы понимаете. Он сказал, что ничего не знает о "Кенниграц", но мог где-то слышать это слово. Тогда я задал вопрос, не об этом ли он говорил с Гиммлером менее часа назад. Тут он, конечно, сник и начал плакать. Тогда я и выяснил все об этом деле.

С. Это становится чрезвычайно интересно. Я тоже никогда раньше не слышал этого названия.

М. Весьма грязное дело, вообразите себе. В определенных кругах СС существовал заговор, целью которого было убрать Гитлера и поставить во главе государства Гиммлера. Подготовкой этого заговора занимался Готтлоб Бергер и кое-кто из зарубежных сотрудников СС. Все их связи тянулись на восток... в Москву. Я уже однажды говорил вам, что основным стремлением Сталина было захватить промышленную базу Германии до того, как это удастся сделать вашим. Это была его главная цель. Антигитлеровски настроенные элементы и изменники в военном командовании через Зейдлица и его людей связались с советскими агентами в Министерстве иностранных дел. Если бы им удалось убрать Гитлера с его поста и посадить на его место Гиммлера, был бы заключен мирный договор. Гиммлер стал бы главой государства, и ему позволили бы сохранить СС в качестве внутренней полицейской силы. Армия присоединилась бы к Советам и вместе с ними противостояла бы любой западной агрессии в Руре, и все были бы счастливы. Каким образом человек, имеющий хоть малейшее представление о Сталине, мог поверить этой куче дерьма, остается выше моего понимания. Не приходится сомневаться, что Сталин не позволил бы Гиммлеру особенно долго царствовать. СС были бы расформированы, а армия полностью большевизирована после того, как Сталин расстрелял бы всех ее аристократических командиров. Поверьте мне, все было бы именно так. А Гиммлер не только знал об этой затее, но и оказывал ей свою молчаливую поддержку. Все это я узнал от Шелленберга, которому никаких понуканий больше не потребовалось. Он жутко перепугался, что я застрелю его за измену, и не знал, чего ждать, пока я не сказал, что, прежде чем предпринять какие-либо дальнейшие действия относительно него, я хотел бы поговорить с Гиммлером. Сначала Шелленберг пытался отрицать, что знает местонахождение Гиммлера, но я быстро убедил его позвонить в Reichshemi и сказать тому, чтобы он немедленно пришел на Принцальбрехтштрассе. Тогда Шелленберг сделал звонок по линии, которую считал безопасной. Интересно было его слушать. Если бы он попытался предупредить Гиммлера, я был бы вынужден применить к нему силу, но это оказалось излишним. Шелленберг всегда играл на стороне большей силы, а в тот момент я был сильнее Гиммлера. Я обладал знанием, а знание означало власть. Через должное время Гиммлер явился, с большой свитой, но без Кальтенбруннера. Гиммлер был явно зол на меня за мое вмешательство в его планы, но, как всегда перед лицом своей свиты, вел себя любезно и

сдержанно Я спокойно сказал, что у меня есть для него очень важная информация. Дело государственной важности. Он поколебался, но в конце концов сам направился в мой кабинет. Я заранее предупредил охрану, чтобы они никого, связанного с Гиммлером, в комнату не пускали Шелленберг был заперт в собственном кабинете без телефонов. Охране у его дверей было приказано стрелять, если он попытается бежать. К счастью для него, он не стал этого делать. Тут Гиммлер начал выговаривать мне за то, что я поднял на ноги войска СС в Берлине. Он подчеркнул, что действует в соответствии с приказами Гитлера и пытается любым путем предотвратить столкновения между партией и войсками. Он тщательно подготовил свою речь и намекал на некие решения сверху, которые он, естественно, обсуждать не может. Я указал на телефон у меня на столе и сказал, что только что лично говорил с Гитлером и в курсе того, что происходит. Гиммлер побледнел и ничего на это не сказал. Получив контроль над ситуацией, я начал расспрашивать его, конечно, очень осторожно Я сказал, что центром переворота, очевидно, является Резервная армия, и что эту попытку следует немедленно подавить. Я сказал также, что Пиффрадер, посланный арестовать Штауффенберга, до сих пор не вернулся и что я говорил об этом деле с Геббельсом Затем я сказал еще, что патрульные отряды теперь действуют под командованием Геббельса и скоро займут район Бендлерштрассе Это снимает необходимость приведения в действие войск СС, если только мне не станет ясно, что переворот охватывает Берлин У Гиммлера не было иного выбора, кроме как согласиться со мной, и я сказал, что генерал Юттнер, конечно, великолепно справится с этой задачей Мои же действия, разумеется, были всего лишь временной мерой Гиммлер вновь был со мной очень вежлив и выразил мне благодарность за мои оперативные действия.

У него уже не оставалось сомнений, что путч обречен. О чем еще он знал, мне неизвестно, но он наверняка знал, что СС приведены в действие и что дело очевидным образом провалилось. Казалось бы, Гиммлер, как шеф РСХА, должен бы радоваться, что переворот очень скоро будет подавлен и что к тому же главным орудием этого подавления стал один из его собственных генералов СС, то есть я, конечно. Но выглядело это совсем не так. Он вел себя по обыкновению очень вежливо, но было совершенно очевидно, что исход дела его разочаровал. В этот момент я сказал ему, довольно холодно, но тоже вполне корректно, что мне известен глава заговора и что я глубоко встревожен тем, что в нем оказались замешаны люди из СС.

С. Могу вообразить, что при этом Гиммлер испугался не

меньше Шелленберга. У него не было возможности узнать, действительно ли вы имели разговор с Гитлером, так ведь?

М. Так. Он просто поверил этому. Люди верят многим вещам, часто к большому вреду для себя. Он выглядел очень озабоченным и спросил меня прямо, что именно я выяснил. Стоило мне произнести слово "Кенниград", как у него начало подергиваться лицо. "Я никогда прежде не слышал этого слова", сказал он. На что я ответил, что вся история стала известна мне от Шелленберга не далее как час назад. Я напомнил Гиммлеру, что однажды уже советовал ему не доверять Шелленбергу. Он тут же бросился объяснять мне, что, конечно, он слышал о существовании замысла сместить Гитлера или заключить мир с той или иной стороной, но что его такие вещи никогда не привлекали. Он, естественно, прислушивался к тому, что говорят вокруг, просто чтобы знать, чего следует ждать. Потом он очень самодовольно сказал, что совещался с

Гитлером по поводу готовящихся событий, и Гитлер полностью одобрил его курс действий. Тогда я поинтересовался, почему же я, начальник внутренней контрразведки и службы безопасности, не был информирован об этом? Гиммлер отвел глаза и сказал, что такие вещи надлежит держать в строгом секрете. Я должен бы быть в курсе, раз уж он располагает всей информацией. Да, сказал я ему, а теперь у меня есть и другая информация, которая, несомненно, очень неблагоприятна для некоторых людей из руководства СС. И я назвал Готтлоба Бергера, начальника Главной канцелярии СС и самого преданного сторонника Гиммлера. Бергер отвечал за организацию и снабжение войск СС. Думаю, вам известно, что СС не относились к регулярной армии и сами должны были заниматься собственным снаряжением и набирать рекрутов. У Гиммлера в войсках СС было два ключевых человека. Одним был Поль, который добывал деньги, а вторым был Бергер, занимавшийся набором войск... главным образом в Восточной Европе, поначалу из расово чистых немцев, а потом практически из всех желающих. Довольно гротескно смотрелись мусульмане или индусы в форме СС. Но Бергер пользовался большой благосклонностью Гиммлера. Он участвовал солдатом в боях Первой мировой войны, и сомнений в его храбрости не возникало, но в политике он был самым настоящим лизоблюдом. Шпионил для Гиммлера, постоянно бегал к нему с разными сплетнями, большинство которых черпал от Шелленберга. А еще Бергер постоянно строчил письма тем или иным сотрудникам, выговаривая им за разные мелкие нарушения этикета. Я уже говорил вам, насколько Гиммлер был одержим в вопросах правильного использования

званий и титулов. Бергер был помехой для всех... только и знал, что

Гиммлеру задницу лизать. Но, впрочем, как организатор он был довольно компетентен. Мне кое-что известно о Бергере...

С. Это относится к периоду войны или после нее?

М. К периоду войны. Понимаете, некоторым высшим чинам СС пришло в голову, что Германия, похоже, проигрывает войну. А у них была собственная империя, о которой следовало позаботиться, и вот в конце концов... где-то примерно в 1943 году... они решили избавиться от Гитлера и поставить во главе государства Гиммлера. Как я потом выяснил, они были связаны со всеми мелкими отрядами Сопротивления, а также с противником, и с Востоком, и с Западом. Они сумели скрыть свои следы, потому что обладали полицейской властью, и я должен с некоторым стыдом признать, что практически ничего не знал об этом. Мне, однако, было известно, каким образом они собирались финансировать свою империю, даже после войны. Это была операция "Бернгард"...

С. Фальшивые деньги...

М. Совершенно верно. Подделывание британской и американской валюты имело двоякую цель. Во-первых, это вызвало бы финансовые потрясения в экономике обеих стран, во-вторых, позволило бы получить средства для оплаты разведывательных операций, ну и еще можно было бы отложить кое-что для самих себя. Это мне не нравилось. Когда же ранее я выразил Гиммлеру свое недовольство в связи со стороной этого плана, ведущего к личному обогащению, он велел мне не соваться в эти дела. Хотел бы я знать, сколько он сам припрятал?

С. Столько же, сколько и вы?

М. Уверен, что нет. Он в основе своей был большой моралист и очень мучался бы, если бы брал столько, сколько я. Но теперь, как видите, я здесь, а он где-то сгинул. Гораздо лучше быть живой собакой, чем мертвым львом, как вы считаете?

С. Продолжайте, пожалуйста. Вы говорили об этом Гитлеру?

М. Нет. Такие вещи лучше оставлять в тайне. Когда я назвал имя Бергера, Гиммлер очень разволновался и заявил, что не хочет ничего слышать об истинном отце войск СС и своем самом способном помощнике. Он свирепо глянул на меня и сказал, что хотел бы видеть всех высших чинов СС такими же лояльными, как Бергер. Затем он сказал, что, поскольку я являюсь офицером СС, я нахожусь в его личном подчинении и он запрещает мне заниматься этим делом дальше. Я ответил, что, хотя я действительно генерал СС, моя служба, гестапо, не входит в систему СС, а является государственной организацией и в подобных вопросах моим непосредственным начальником является Гитлер. Я напомнил ему о предполагаемом звонке из ставки и сказал, что если у него, Гиммлера, есть какие-то вопросы по этому поводу, мы вместе могли бы обсудить их с фюрером. Это несколько остудило его пыл, и он замотал головой. Нет, сказал он, мы не должны беспокоить его всем этим материалом, который он, учитывая его состояние, может воспринять неправильно. Затем Гиммлер спросил, чего я хочу от него. Это, на мой взгляд, подтверждало мои предположительные заключения. Конечно, сказал он, никто ни в какой измене не виновен и Гитлер знает, что он соприкасается с диссидентами, но лучше будет позволить Гитлеру вести войну, пока он, Гиммлер, будет его верным защитником на внутреннем фронте. И, разумеется, во главе своих войск СС, которые ни разу не дали врагам передышки.

Я ответил, что Шелленберга следует держать подальше от секретных сведений, что следует осадить Бергера и что всем им, в том числе и самому Гиммлеру, лучше удержаться от попыток ловить рыбку в мутной воде. Большей любезности от меня нельзя было ожидать. Гиммлер понял это очень ясно и предложил мне повышение по службе, предположив, что я не откажусь заменить Кальтенбруннера на посту главы РСХА. Я не дал себя соблазнить, хотя такое повышение вовсе не было для меня непривлекательным. Я сумел понять, к чему это приведет, и отказался от РСХА, но потребовал, чтобы мне был предоставлен полный контроль над расследованием заговора. Иначе какие-нибудь не те люди могут узнать то, что знаю я, и это приведет к серьезным проблемам для СС в целом. Факты могут быть неверно интерпретированы, сказал я, и Гиммлер со мной согласился. Я получил требуемые полномочия, и больше у меня проблем с Гиммлером не возникало.

И я уничтожил Артура Небе, начальника криминальной полиции, который участвовал в измене. Мы потратили на это пять месяцев, но в конце концов взяли его и вздернули, чистенько и

ладненько. Ужасная жалость. Артур был такая беспримерная дрянь, что его стоило бы выставить в зоопарке на всеобщее обозрение. Бергер отправился подавлять восстание в Словакии, а Кальтенбруннер бегал вокруг кругами, как глупая собака, которая пытается ухватить собственный хвост. Вы его в итоге повесили, и он вполне это заслужил. Кальтенбруннер был псих и садист, один из тех, на чьей совести убийства евреев и других. Для меня было редким удовольствием... и для других тоже... когда Поль врезал ему по морде. С удовольствием держал бы у себя фотографию, как Кальтенбруннер рыдает, размазывая текущую из носа кровь. Поль, по крайней мере, никогда не был изменником и не наживался за чужой счет. Вам бы следовало отпустить его в конце концов.

С. Это не в моей власти, и вы об этом знаете. А Шелленберг? Он остался жив.

М. И сохранил свой пост тоже. Но всякий раз, когда я останавливал его, чтобы поздороваться, он становился белым, как мел. Но, конечно, вел он себя безукоризненно, по крайней мере когда я был поблизости. Скорцени, который теперь работает на вас, говорил мне, что Шелленберг - насекомое, которое нужно раздавить. Длинный Отто сам по себе неплох, хотя едва ли из него выйдет путный шпион. Но он будет делать то, что вы ему скажете, и, не считая большой любви к вниманию публики, довольно приличный малый.

С. У нас будет возможность поговорить о Скорцени позже.

М. Не сомневаюсь, что будет. И я надеюсь, что вы будете держаться подальше от Шелленберга. Если в итоге он тоже будет работать на вас, это может кончиться тем, что я или Отто вышвырнем его в окно. Можете добавить сюда за компанию и Глобочника. Кстати, Небе очень любил Вирта, который всех морил газом, и даже руководил некогда одной из эйнзатцкоманд на Востоке и перебил множество евреев. Самый подходящий человек на роль героя Сопротивления.

С. Нам все известно о Шелленберге, и, насколько я знаю, у него нет будущего в нашей организации. Я согласен с тем, как вы его оцениваете. Неглуп, но совершенно бесхарактерный человек. Мне однажды довелось допрашивать его, и лично я не вижу, какая от него может быть польза.

М. Очень похож на Варлимонта и Бергера Тоже все время сплетничает, плетет какие-то интриги. Настоящий злобный карлик. Люди вроде него, однажды побыв у власти, всегда стремятся вернуться к ней снова. Маленькие люди нуждаются в большом внимании. Что же касается меня, то я имел гораздо больше власти, чем любой из них, и это была реальная власть.

Как вы понимаете, я не совершал всяких театральных выходов на приемах, не окружал себя личными фотографами, как Риббентроп. Реальная суть власти гораздо важнее, чем ее внешние атрибуты. Полицейских никто не любит, и никому не нужно было мое присутствие на этих помпезных сборищах. Мне нравилось проводить время за работой, и я старался делать ее как можно лучше, пока всякие там отставные преподаватели гимнастики или цирковые наездники расхаживали вокруг в изысканных мундирах. Гейдрих был из того же теста, но ему по крайней мере хватало ума на то, чтобы понять, что нужно делать, и добиваться успеха в том, что он делал. Он был прекрасным музыкантом, очень хорошим фехтовальщиком и во время войны летал в люфтваффе. У него был сложный характер, и вообще он был не без странностей, но он был не такой, как другие. А Кальтенбруннер был просто скотина, как, впрочем, и Борман. Борман был поумнее и не такой неустойчивый, но тоже страшный сплетник и наушник. Мне это дело представляется так. Мы вели смертельную войну против страшных противников. Идея была в том, чтобы выстоять и сохранить жизнь и имущество наших граждан. И прятаться в огромных замках, разъезжать в роскошных лимузинах и красть все, что попадется на глаза, подобно Франку, было противно моей натуре. Будь моя воля, я всех их отправил бы на фронт, в отряды Вознесения.

С. Что-что?

М. За передовую линию, отыскивать минные поля. Предпочтительно при помощи собственных ног. А потом - на небеса, с громким треском. Похоже, вы не обладаете военным чувством юмора, верно?

С. В этом смысле нет.

М. Помню, как однажды Варлимонт прислал ко мне своего генерала Мюллера по поводу моего участия в истреблении людей в тыловых районах России. Бандитов. Елейный такой тип, выражавшийся очень окольно. Я мог бы помочь своей стране, убивая этих ужасных людей. Несомненно, меня ждет поощрение, если я и гестапо поможем армии перебить этих возмутителей спокойствия. Моего терпения хватило ненадолго, я встал и сказал ему довольно прямо, что я думаю о нем и о его планах. Я сказал, что если он или его начальник еще когда-нибудь явятся ко мне с подобной преступной ерундой, я лично отправлю его в камеру. И ему предстояло бы довольно долго гостить у Папаши Филипа {"Гостить у Папаши Филипа" означает отбывать срок в военной тюрьме. Выражение происходит от имени плацмайора Филипа, который в 1860-х находился в тюрьме в Берлине}. Позже я получил письмо от Гиммлера по этому поводу. Генерал Мюллер

так перепугался, что ему пришлось взять отпуск по болезни, а Варлимонт плакался, какой я нецивилизованный. Вы знаете, что СС пришлось взять на себя ответственность за преступления военных, но лично я отказываюсь иметь с этим что-либо общее. А вот зато Артур, Артур воплощение германской порядочности и свободолюбия, сбежал на Восток и убил там свою долю евреев и крестьян. Когда Гиммлер походя спросил меня об этом, я уклонился от ответа, и больше на эту тему не было сказано ни слова.

С. А Гитлер действительно звонил вам 20 июля?

М. Нет, конечно, нет, но Гиммлер поверил, что такой звонок был. Такого рода вещи заставляют людей ходить на цыпочках и держаться с вами откровеннее.

С. Думаю, вы более чем ответили на мои вопросы. Благодарю вас.

В дополнение к беседам, посвященным событиям 20 июля, мы приводим в этой главе еще один важнейший эпизод.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ О РОММЕЛЕ

С. А теперь, генерал, просмотрев эти записи по 20 июля, я хотел бы обратиться к вопросу о маршале Роммеле и его участии в данных событиях. Вы можете что-нибудь сообщить нам об этом?

М. О Роммеле? Да, конечно. Что вы хотели бы узнать?

С. Ну, у нас имеются записи одного из бывших генералов его штаба, из которых следует, что Роммель был активным участником заговора и добивался свержения Гитлера. И еще, Роммель действительно совершил самоубийство или был убит? Вам это должно быть известно.

М. О да, мне это известно. Полагаю, упомянутые записи сделаны Шпейделем {Ганс Шпейдель (род. в 1897), в 1944 году был генерал-лейтенантом и начальником генерального штаба армейской группы "В", которой командовал Роммель. Шпейдель сам участвовал в заговоре, но, попав под арест, дал показания против Роммеля, очень неточные и чрезвычайно своекорыстные. После войны Шпейдель стал генералом бундесвера.}.

С. Да.

М. Я никогда... мы никогда не допрашивали Роммеля, но мы допрашивали Шпейделя и его сослуживцев. Шпейдель был... вернее, попал в сферу нашего внимания после допросов Гофакера в Париже и в других местах. Тот был полковником военно-воздушных сил и кузеном Штауффенберга. Хофакер был в группе заговорщиков, намеревавшихся убить Гитлера, и его вскоре схватили. Как и остальные, он тут же сознался во всем, что касалось его участия в заговоре, и, как и остальные, постарался притянуть к этому делу всех, кого только мог. Шпейдель был

одним из них. Мы допросили Шпейделя в Берлине в... я думаю, в сентябре того года...

С. В 1944-м?

М. Естественно. В сентябре 1945 года я никого не допрашивал. Если позволите, я продолжу... Шпейдель охотно пошел на сотрудничество, но в то же время был очень уклончив. Он заявил, что Роммель активно участвовал в заговоре, целью которого было убийство Гитлера, и, само собой, такую информацию следовало до Гитлера донести. Гитлер Шпейделю не поверил, но дело, безусловно, требовало дальнейшего расследования.

С. А вы поверили Шпейделю?

М. В некоторых вещах - да, но не во всем. Как и большинство из них, он боялся за свою жизнь. Они любили играть с огнем, но не желали в нем сгореть. Я считаю, что Роммель ничего не знал о заговоре Штауффенберга. Роммель чувствовал, что какой-то выход из этой войны должен быть найден. В итоге он послал Гитлеру меморандум на эту тему. Но о том, что существует заговор с целью убить Гитлера, нет, об этом Роммель не знал. Вы знаете, Роммель был нелегким человеком. Неуживчивый, упрямый, очень прямолинейный, и у него вечно возникали какие-то трения на службе. Никто из высшего армейского командования во Франции его не любил. И еще, Роммель был очень популярен в Германии благодаря своим камланиям в Африке, и заговорщики видели в нем респектабельное прикрытие для осуществления своих планов. Роммель же ничего не знал о покушении, был, как в конце концов выяснилось, абсолютно лоялен по отношению к Гитлеру и никогда не стал бы замышлять его убийство. Но и Шпейдель, и Гофакер показали на него, и дело было отправлено в армейский отдел расследований. Дело уперлось в то, чтобы поверить либо Шпейделю, либо Роммелю, а Роммеля Гудериан и его клика терпеть не могли и решили по крайней мере провести следствие по его делу. А затем всплыло еще кое-что, и эти господа побоялись везти Роммеля в Берлин на допросы, потому что он мог бы рассказать там об их друзьях, настроенных против Гитлера. Вот они и сообщили, что Роммель покончил с собой. Мне это известно, потому что гестапо было тогда посвящено во многие детали. Это не было ни моим решением, ни волей Гитлера. Я знаю, что Гитлер расстроился, но он в то время был очень зол на военных и относился к ним с большим подозрением. А с другой стороны, он крайне нуждался в них. После того, как мы схватили Фелльгебеля...

С. Командующего войсками связи?

М. Да, того самого. Он был лидером заговора, и мы

арестовали его. В его штабе были и другие, кто вызывал большие подозрения, Тиле {Фриц Тиле, родился в 1894 году, казнен 4 сентября 1944-го. В 1944 году был в чине генерал-лейтенанта и высшего офицера связи в верховном командовании. До своего разоблачения Тиле, помимо других документов, передал чрезвычайно секретный материал советской шпионской организации в Швейцарии.} например, и тоже покончил с собой, и так далее. И я должен сразу сказать, что я не собирался заниматься дальше их департаментом. Гитлер велел мне оставить их в покое, потому что, лояльны они или нет, он нуждался в их технической помощи. То же самое относилось и к другим важным офицерам. Например, я был уверен, что Клюге пытался сдаться англичанам, но упустил свой шанс. Когда же мы вызвали его в Берлин, он сделал из этого собственные выводы и покончил с собой. Он знал, что мы готовим судебный процесс по этому делу, и не пожелал подвергаться такому унижению. С Роммелем же все было иначе. В конце концов, он стал такой же жертвой Штауффенберга, какой предназначалось стать Гитлеру. В качестве отступления скажу, что жалкое поведение военных во Франции после вторжения во многом было вызвано попытками заговорщиков и их друзей спастись, сдавшись Западу или пропустив американцев и британцев сквозь линию фронта, чтобы они достигли Германии раньше русских. Офицеры не давали своим частям вступать в бой и пытались установить самые разные контакты с вашей стороной. Похоже, низшие офицерские чины американской и британской армий были готовы договориться, но этого не допустили Рузвельт с Черчиллем, которым нужно было только одно - стереть Германию с карты. Теперь и не скажешь, сколько людей погибло из-за этой подлой недальновидности. Теперь вы, конечно, пожелаете использовать Шпейделя на каком-нибудь посту. Но знаете, используя этих людей, вам следует быть очень осторожными. Если они так быстро предали своих хозяев в собственной стране, как они поступят с вами? Я знаю, что Гальдер работает на вас, но эта слабая в коленках старушка тут же отвернется от вас, если почувствует, что это выгодно. Или тот человек, который явился в военную контрразведку с требованием призвать полицию в помощь армии для поддержания порядка в тыловых районах России, а потом отрицал это и свалил на СС и Гиммлера вину за эксцессы, которые сам лично вызвал. Это не мужчины. Пожалуйста, берите их. А почему бы вам не собрать их всех и не увезти к себе, подальше от Германии? Нам эта мерзость не нужна.

С. Может быть, стоит сказать в их защиту, что они видели в Гитлере воплощение зла, человека, который разрушил их страну

и которого следовало остановить?.

М. Вы сейчас прямо агнец божий. Это не Гитлер разрушил Германию. Вы и русские сделали это, а любая страна имеет право защищаться от врагов. А у меня есть право и обязанность истреблять ваших агентов и других предателей во время этой борьбы. Я не испытываю сейчас ни малейших сожалений об этом, и если ваши люди готовы использовать таких рептилий, пусть поберегутся последствий. Вы знаете о Гелене и его донесениях. Конечно, я вполне уверен, что Гелен будет делать то, что вы ему скажете. Но поскольку речь идет о Роммеле, было бы бесчестно валить его в одну кучу со всякими Шпайделями и Штауффенбергами. Роммель, при всем его сложном характере, был хорошим солдатом, лояльным солдатом, и очень храбрым человеком. Я буду лично оскорблен, если вы попытаетесь представить этого героя войны как предателя и труса. Я знаю, что мое мнение никакого значения не имеет, но вы его услышали, и давайте покончим с этой темой.

КОНЕЦ ШТАУФФЕНБЕРГА

Хотя в архивах Мюллера материалы по заговору 20 июля насчитывают тысячи страниц, вероятно, самым драматическим из них является данный отрывок.

С. Хотя это и не так важно для данной дискуссии, но, может быть, вы сможете ответить на один вопрос, касающийся последствий 20 июля? Кое-кто из родственников Штауффенберга спрашивал о судьбе полковника...

М. Он был расстрелян во внутреннем дворе штаб-квартиры Резервной армии на Бендлерштрассе ранним утром 21-го числа.

С. Я имею в виду нынешнее местонахождение останков. Был слух, что тела расстрелянных были тайно сожжены где-то в Берлине, и семья хотела бы получить этому какое-то подтверждение. Это не потому, что им известно о вашем существовании, просто у меня здесь есть записка...

М. Они были вывезены на кладбище Св. Матфея и там сожжены. На следующий день... или, вернее, в тот же самый день у меня было совещание, на котором присутствовал Гиммлер, и я сказал ему, что, возможно, было бы неплохо произвести опознание трупов. Ни я, ни Гиммлер их не видели. Он согласился, что, пожалуй, это хорошая идея. Тогда я сказал, что сам займусь этим. Вопрос был еще и в том, куда их в конце концов деть, ведь мы не должны были оставить от них ничего такого, что наши враги смогли бы превратить в реликвию, и с этим он тоже согласился. Тогда я предложил, чтобы после того как тела будут тщательно и однозначно опознаны, они были полностью уничтожены. Путем кремации. А от пепла необходимо

избавиться. Это вызвало всеобщее одобрение, но встал вопрос, куда же потом девать пепел. Я сказал, что сам разберусь с этим. Затем я отправился вместе с группой судебных следователей на кладбище, и трупы были выкопаны и сфотографированы, в мундирах и без них. Впоследствии готовые снимки были отправлены Гиммлеру и мне, и они до сих пор хранятся у меня, если вам будет угодно на них взглянуть. Выглядели они не лучшим образом. У Бека была повреждена голова, а у Штауффенберга, естественно, и раньше недоставало одной руки и глаза, не говоря о пулевом отверстии в плече. Но их можно было опознать без всяких проблем, а потом мы засунули их в холщовые мешки, какими пользуется почтовая служба, отвезли в ближайший крематорий и сожгли. Я все время был там и лично наблюдал за всем мероприятием. Когда все было сделано, возникла проблема, что же делать с пеплом. Я велел ссыпать его в металлическое ведро, в котором держали песок для зажигательных бомб, и тщательно проверил, чтобы в нем не осталось зубов или каких-нибудь других частиц.

С. Не слишком приятное занятие для вас, я думаю.

М. Ну и напрасно. Вопрос о том, куда девать пепел, был неожиданно решен одним из технических сотрудников, который спросил у директора крематория, где находится умывальная комната. Я сразу сообразил, как следует поступить с останками, и просто высыпал содержимое ведра в унитаз и дернул за цепочку. Думаю, для полного завершения дела мне пришлось слить воду дважды или трижды. Только после этого я позволил тому человеку воспользоваться удобствами. Поверьте, это достойно увенчало их судьбу. Ведро я взял с собой и выкинул его в реку. Так что можете передать семье, чтобы они не слишком усердствовали в поисках бедного Клауса. Я бы сказал, что он распался на первоэлементы. Однажды я рассказал об этом Герингу, и он довольно долго смеялся, а потом прислал мне коробку отличных сигар и ящик превосходного вина.

С. Не думаю, что сам стану повторять что-либо из этого разговора. По крайней мере, вне стен нашей организации. Мы вовсе не видим в Штауффенберге героя, но мы знаем о нем кое-что, и не только от вас.

М. Будь он до сих пор жив, нам следовало бы сделать все то же самое.

БЕГСТВО ВОЛКА

Берлин, 1945

Обстоятельства, связанные с исчезновением Гитлера в Берлине, были смутны и неопределенны с самого начала. Все сведения о его кончине, прочно стоявшие на фундаменте

незыблемой версии о самоубийстве, совершенном чуть ли не в последнюю секунду перед появлением советских войск, не давали никакого простора для других предположений, с порога отбрасывались как неправдоподобные, немыслимые, совершенно недопустимые.

В свое время американская разведка подвергала Мюллера дотошному допросу относительно этого периода, и можно довольно уверенно сказать, что ее сотрудников меньше всего занимал тогда вариант, связанный с самоубийством и сожжением трупа Гитлера.

Вот один из моментов допроса.

С. Думаю, вас не удивит наша особая заинтересованность информацией о судьбе Гитлера. Полагаем, что вы в состоянии помочь нам в этом.

М. Одну минуту. Я упоминал раньше, что не скажу ничего, кроме того, что уже было мною сказано. Я не собираюсь оказывать вам помощь в установлении места его пребывания, так что не нужно снова возвращаться к этому.

С. Да, мы помним, о чем вы говорили, и не ждем, что вы раскроете, где он находится, но все же хотели бы получить некоторые уточнения.

М. Смотря какие... Но для чего вы так хотите знать, где он? Чтобы арестовать? Отдать под суд? Или воспользоваться его услугами в случае, если вступите в войну со Сталиным?

С. Нет, не по этим причинам. Хотя лично я считаю, что Гитлера нужно казнить, однако мы сейчас обсуждаем не мои взгляды и чувства.

М. Да, это так. Впрочем, я с вами совершенно не согласен. Но спрашивайте, о чем хотели.

С. Вначале хочу сказать: для нас абсолютно ясно, что Гитлер должен навсегда сойти с мировой сцены. По этому пункту у Запада полное согласие с русскими: ни видеть его, ни слышать о нем мы больше не желаем. Я бы даже добавил, что судить его, на мой взгляд, не самая лучшая идея. Кто знает, чего он наговорит в зале суда?

М. Я-то знаю это, а вам его речи определенно не на пользу, и у вас остается один выход: убийство. Только кто возьмет на себя смелость отдать такое распоряжение теперь, когда Черчилль уже не у власти? Могу сообщить вам, что Гитлер настолько измотан и так разочарован, что и сам не вернется в политику... Если не начнется война с Советами и Запад сам не попросит его вернуться. В том, что народ его примет, у меня нет никаких сомнений... Так что же вы все-таки хотите знать?

С. Сейчас загляну в свои записи... Итак, не могли бы вы

поточнее рассказать о... бегстве Гитлера из Берлина? О том, как он покинул город? Нас интересует, когда вы впервые узнали об этом, какую играли роль. И вообще все, что вы можете сказать.

М. Господи, да мы проведем тут целые сутки, если я стану говорить обо всем подробно! Ладно, попытаюсь ответить, не прибегая к своим записям.

С. Сделайте все, что от вас зависит.

М. Я стараюсь припомнить... Итак, в марте 1945-го, когда я находился в рейхсканцелярии, мне сообщили, что Гитлер хочет меня видеть как можно скорее. Когда я прибыл, он беседовал с чиновником Министерства иностранных дел и потом сразу принял меня. С ним больше никого не было. Он сказал, что желает поговорить со мной наедине, и предложил прогуляться по саду.

С. При канцелярии?

М. Да, в том знаменитом саду. День был холодный, и я посоветовал не выходить на воздух, но Гитлер настаивал, и мы вышли в сад. Внезапно там показался Борман в теплом пальто: судя по всему, он был готов принять участие в беседе, но Гитлер очень спокойно сказал ему, что намерен говорить только со мной. Борману это очевидно не понравилось, однако он не посмел перечить Гитлеру и ушел, всем своим видом пытаясь выразить полное удовлетворение. Позднее я приметил, что он смотрит на нас из верхнего окна канцелярии, но, конечно, слышать нашего разговора не мог при всем желании.

С. Этот разговор, полагаю, имел отношение к отъезду?

М. Первые же фразы были именно об этом. О том, что война вступила в неблагоприятную для нас фазу и совершенно очевидно: конец близок. На западе уже форсировали Рейн, а с востока советские войска быстро подходят к Берлину. И ничто их уже не сможет сдержать... "Мюллер, - сказал Гитлер, - я хочу услышать ваше мнение по очень важному для меня вопросу. Вы один из немногих, кто достаточно независим и беспристрастен, а следовательно, можете быть объективным. То, о чем я сейчас скажу, должно остаться между нами. Даете слово?" Разумеется, я обещал хранить молчание, и он начал подробно рассказывать о военной ситуации. Говорил, что понимает: война почти окончена, и не в нашу пользу, и сейчас он ищет какого-то решения, выхода. Хочет понять свою роль на этом, последнем, этапе. Упомянул о возможности уехать из Берлина в горы и продолжать оттуда сопротивление... А может, сдаться... или покончить с собой... Он говорил обо всем этом как-то отстраненно, словно речь шла о другом человеке из другого времени. И спрашивал моего совета, хотел знать, что я думаю об этих трех вариантах. Я отвечал, что

наши враги желают разделаться с ним лично; что уничтожение немецкого государства, нашей партии для них важно, но еще важнее арест Гитлера или его смерть. Он был согласен со мной.

С. А не было у него ощущения, что лучше всего сдаться? Это бы спасло множество жизней с обеих сторон.

М. Я твердо рекомендовал ему ни в коем случае этого не делать. С какой стати ему сдаваться после такого длительного сопротивления, затраты стольких сил? Он согласился со мной. Я сказал также, что, если он отправится в горы, неприятель станет неотступно преследовать его и в конце концов через месяц или полгода поставит в то же положение, в каком Гитлер находится в данное время - перед тем же выбором. И с этим он был согласен. И тут он начал очень резко говорить о нашем военном командовании, обвиняя их всех в том, что они при первой возможности его непременно предадут и уже предали. Потом стал еще резче осуждать Гиммлера. Ведь тот возглавлял войска СС, охранные отряды, и Гитлер всегда был уверен, что может положиться на них, что они выполнят свой долг по отношению к нему лично... А что он видит с недавнего времени? Гиммлер стал бесполезен, у него сдали нервы, и тогда Гитлер отправил его командовать армейской группой "Висла" с обещанием сделать командующим армией, если тот сумеет сдержать наступление Советов. Однако, продолжал Гитлер, он не выполнил приказа защитить Померанию, а вместо этого присоединился к армии, отступавшей к Берлину. Советские войска, как и предрекал Гитлер, захватили Померанию, и теперь что остается? Только избавиться от этого человека... Гитлер называл его психом и маньяком. Он также очень грубо говорил о Геринге и его военно-воздушных силах. Я сказал, что согласен с его мнением об этих двух людях, и предложил их уволить немедленно, но он ответил, что уже поздно, этим не поможешь. Уверяю вас, в тот момент он их люто ненавидел.

С. Не хочу показаться невежливым, генерал, но не предложили вы себя в тот момент на должность Гиммлера?

М. Чепуха! На несколько недель? Конечно, нет... После взрыва откровения Гитлер успокоился и несколько минут медленно ходил взад и вперед по дорожке сада. Потом вдруг спросил меня, что я думаю о его самоубийстве.

С. Полагаете, он рассчитывал на ваше одобрение?

М. Нет, мы оба католики, хотя Гитлер не посещал церковь. Но самоубийство для нас все равно большой грех. Мы поговорили несколько минут на эту тему, и затем он заговорил о своей юности, о католических школах в Австрии. Он вообще был склонен во время беседы ходить вокруг да около основной темы.

Мне было холодно, я хотел, чтобы он поскорее добрался до сути и высказал прямо, чего хочет. В конце концов он спросил, как бы я поступил на его месте. Я сразу ответил, что уехал бы из Берлина и некоторое время тщательно скрывался. А потом, если Советы и Америка начнут драчку друг с другом в Европе, он мог бы оказаться полезным для американцев. Я не стал обсуждать, стоит ли ему объединиться со Сталиным: мы оба ненавидели коммунистов, и я точно знал, что в последние годы Гитлер отверг несколько серьезных советских предложений о мире.

С. Он всерьез рассматривал идею о том, что может быть востребован американцами?

М. Достоверно сказать не могу, но разговор об этом был. Лично я сомневаюсь, хотя совершенно ясно, что в это время он нуждался в поддержке и искал ее... Еще я сказал ему тогда, что сейчас он должен инсценировать смерть и появиться, если сумеет, значительно позднее. Я объяснил свои слова так: если враги узнают, что вы скрылись, они начнут искать вас; станут исследовать всю поверхность земного шара, и вам негде будет укрыться - разве только в ледяной пещере на Южном полюсе. Если же они посчитают, что вы мертвы, то не станут предпринимать такие поиски... Я добавил, что скрываться ему нужно не в Германии, где его почти все знают, а где-то в тихом, укромном месте, где он сможет спокойно ждать перемен. И еще сказал, что мир не живет без перемен и что Америка и Советы не могут не столкнуться лбами.

С. Вы забыли об англичанах...

М. Это вполне естественно. Эта страна совершила историческое самоубийство, когда приняла решение объявить нам войну. Когда-то Англия была самой могущественной страной на планете, но не теперь. К тому времени главными силами на земле остались русские и американцы. Но, пока Рузвельт был президентом у вас в стране, Сталин еще мог добиваться чего хочет. Однако Рузвельт болел и угасал. Это было ясно даже по фотографиям и фильмам, и у меня были сведения, что он не доживет до конца своего президентского срока. Впрочем, это не значило, что ему не суждено увидеть конец войны и разгром Германии... Я говорил Гитлеру, что, если ждать долго, что-то всегда может измениться. Он больше, чем кто-либо другой, должен это знать. Я припомнил наши прежние деньки в Мюнхене, когда мой отдел полиции преследовал его и с ним в любой момент могли покончить, но он был настойчив и выдержал. Он согласился, что так и было, и, как мне показалось, успокоился, взял меня под руку и повел по саду.

С. Вы долго не возвращались в дом, генерал?

М. Довольно долго.

С. И по-прежнему никого не было вокруг?

М. Ни в саду, ни в канцелярии. Конечно, стояла стража у входов, но они не могли слышать нашего разговора. А в саду, повторяю, никого - только холод и резкий ветер, так что лучшего места для тайных переговоров не найти. Гитлер говорил тихо. Его голос звучал вообще довольно мягко, когда он разговаривал с глазу на глаз... Мы начали обсуждать побег. У него была способность быстро соображать и делать выводы. Не могу не признать, в эти минуты я думал и о своей судьбе, прекрасно понимая, что, если русские схватят меня, то тут же расстреляют на месте.

С. Были у вас уже какие-то определенные планы в это время? О вашем побеге мы уже говорили раньше.

М. Да, у меня были планы, я размышлял по этому поводу. После 1943 года я уже предвидел исход войны и решал в уме вопрос "когда?", а не вопрос "нужно ли?". Так что довольно рано я уже строил планы в этом смысле... Гитлер говорил о Швейцарии, но я всегда был против: он там не мог бы чувствовать себя защищенным ни при каких обстоятельствах. Если враги узнают о месте его пребывания, то не остановятся перед тем, чтобы направить туда войска. Да и сама Швейцария сделает все, чтобы не впустить его на свою территорию. Когда мы говорили в саду, он согласился с моим мнением и предложил Испанию или Южную Америку. Мы долго обсуждали эти варианты. Все, что я могу сказать вам сейчас по этому поводу, укладывается в несколько слов: я предложил Испанию. А еще точнее, если угодно, - Барселону. Это один из главных портов, откуда легче выехать, если будет необходимо. В Барселоне у меня были свои люди, я мог помочь ему попасть туда и обосноваться там. Он согласился, и мы перешли к более конкретным вопросам, связанным с его отъездом.

Я сказал, что ему следует вылететь с аэродрома Гатов или с какого-либо другого южнее и что выполнить этот полет может Вернер Баумбах. Как вы, наверное, знаете, он достаточно искусный пилот, знакомый с различными типами самолетов. В преданности Баумбаха, заверил я, можно не сомневаться. Мои слова вызвали саркастические замечания Гитлера по поводу преданности вообще. Однако с кандидатурой Баумбаха он согласился.

С. Вы поговорили с Баумбахом?

М. Конечно. С этим все было в порядке, но появилась другая проблема: Гитлер начал рассуждать о том, кого он должен взять с собой. Ему хотелось проявить заботу и спасти как можно больше

людей из своего окружения. Мне стоило немалых усилий и времени доказать ему, что это просто невозможно, и в первую очередь по соображениям конспирации. Ведь если противник знает, что Гитлер находится в Берлине и затем внезапно исчезает оттуда с большим числом своих соратников и обслуживающего персонала, это сразу наводит на подозрение, что он бежал, и поиски начнутся немедленно. У нас возникли споры по этому поводу, и в конце концов список был сокращен до нескольких человек. Я считал, что чем больше людей из его окружения останется здесь, в Берлине, тем лучше для... тем больше надежды, что противник поверит в смерть Гитлера. Он первым вспомнил о своем двойнике, и мы оба немного посмеялись.

В общем, все было достаточно просто. Мы отправили всех остальных... врачей, стенографистов, других чиновников сразу после празднования дня рождения фюрера. В тот же день улетели и главные фигуры - Геринг. Риббентроп. Остались те, кто не представлял большого интереса для противника. Если не считать Геббельса. О нем вопрос особый. Он говорил, что сам решит свою судьбу, независимо от того как поступит Гитлер, и что его единственное решение - покончить с собой. Я уже знал об этом из наших с ним разговоров, и меня беспокоила судьба его шестерых детей, но он был непоколебим. Убедить ни Геббельса, ни его жену я не мог, не удалась и хитрость: уговорить, чтобы они покончили с собой до того, как принудят к этому своих детей. В этом случае мы могли бы спасти их.

Не удивляйтесь: да, я мог бы, пожалуй, застрелить Бормана или еще кого-то... но смерть детей... совсем другое дело.

В последний день своего пребывания там... когда я сидел в бункере и просматривал радиосообщения, ко мне вошел малыш Геббельс и спросил, не поиграю ли я с ним. Со стесненным сердцем я отказал ему и отправил обратно к родителям. Теперь уже было важно, чтобы Геббельс поскорее выполнил свое намерение, чтобы русские, когда войдут, нашли и опознали его останки. Мои попытки остановить или задержать его и его жену Магду, в том числе попытка спасти детей, не привели бы уже ни к чему хорошему... Еще раз повторю: можете удивляться тому, что человек, посылавший стольких людей в концлагеря и на смерть, проявил такую слабость к каким-то шестерым ребятишкам, и тем не менее это так. А теперь поговорим о чем-нибудь другом.

С. Я вовсе не осуждаю вас за проявление чувств. Это свойственно всем, генерал.

М. Продолжим. Итак, Гитлер и я закончили разговор в полном согласии. Мне было поручено взять полное руководство операцией и сообщать ему о каждом своем шаге. Я снова

упомянул о Бормане, и Гитлер сказал, что на определенном этапе тот был полезен, но необходимость в нем исчезла и говорить ему ни о чем не надо.

С. Мне поручено спросить: вы убили Бормана по приказу Гитлера?

М. Нет, это было исключительно мое мнение, что он заслуживает этого. И я не убивал его лично, хотя он стал для меня особенно значительной помехой с той минуты, когда Гитлер покинул Берлин... А в тот день, о котором идет речь, мы вернулись в канцелярию...

Гитлер уговорил меня выпить чашку какао, говоря, что я совсем замерз... По выходе из его кабинета я столкнулся в коридоре с Борманом. Мартин Борман был маленький, толстый, неприятный человечек, я не любил его. А он меня просто ненавидел, как всякого, кто становился между ним и Гитлером, и сейчас пребывал в дикой ярости. Он потребовал, чтобы я сообщил, о чем мы толковали с фюрером, объяснив свое желание тем, что будто бы ведет записи всех бесед с ним - особенно в это тревожное время - для исторических целей. Я посоветовал ему в таком случае обратиться напрямую к Гитлеру, и тогда Борман стал орать на меня, угрожая арестом. Поскольку поблизости никого не было, я ответил ему руганью и сказал, чтобы он занимался своим делом, а что касается ареста, посмотрим, кто кого... Еще я добавил, что Гитлер строго-настрого запретил мне беседовать с ним, и это напугало Бормана. Он заметно побледнел и ринулся к Гитлеру в кабинет. Мне всегда казалось, Борман ненавидит меня еще и за то, что я оставался истинным католиком, он же испытывал ненависть ко всем христианам - такую же, как к евреям.

С. Хотелось, чтобы вы сообщили, где примерно может находиться Борман сейчас, если он жив. Это сберегло бы нам немало времени и денег. Вы наверняка знаете, что с ним произошло, и можете нам помочь.

М. Разыщите доктора, и тот скажет вам об этом.

С. Мореля?

М. Штумпфеггера. Он знает, что его ждет виселица за его медицинские опыты и ему нечего терять. Поговорите с ним. А если спрашиваете меня, где Борман, полагаю, что он медленно жарится в аду вместе с Гиммлером, и другими свиньями, и с Рузвельтом на соседнем вертеле.

С. Оставим других в покое, генерал.

М. Согласен.

(Вопрос об исчезновении Гитлера то и дело возникает в стенограмме беседы. Несомненно, американские спецслужбы не

принимали версию о его самоубийстве и настойчиво, хотя и достаточно вежливо, пытались вытянуть из Мюллера как можно больше информации.)

С.... Когда, я имею в виду апрель сорок пятого, вы в последний раз видели Гитлера и где?

М. Это было 22-го вечером, около половины девятого, в саду канцелярии.

С. Он... был тогда жив?

М. Вполне.

С. Вы с ним говорили?

М. Да.

С. Присутствовали при этом другие люди? Кто именно?

М. Его камердинер Хайнц Линге и Раттенхубер. Тот появился позднее.

С. Был там еще кто-нибудь, когда вы видели Гитлера в последний раз?

М. Тот, кто присматривал за его собакой. Он держал Блонди на поводке. Гитлер собирался сам погулять с ней.

С. Вы о чем-то говорили с Гитлером в тот вечер?

М. Да, вернее, он сам заговорил со мной.

С. Могли бы вы сказать, о чем он говорил?

М. Да. Он пожал мне руку и поблагодарил за все, что я сделал для него и для страны, и выразил надежду, что мы вскоре увидимся. А еще пожелал, чтобы моя семья избежала всяческих несчастий. Потом он... нет, он велел Линге передать мне кожаный портфель и сказал мне... Гитлер сказал мне: это все, что он может в настоящее время сделать для меня... Затем снова пожал руку, и я заметил у него на глазах слезы.

С. А после того? Что он сделал после передачи вам портфеля?

М. После... да... он ушел... ушел вместе с Линге и с собакой... Больше я его никогда не видел... А немного позднее вернулся Линге... туда, где я продолжал стоять... Помню, он тоже плакал.

С. Он говорил что-нибудь?

М. Да, он произнес: "Хозяин уехал. Это навсегда".

С. Под словом "навсегда" он не мог подразумевать, что Гитлер мертв? Что, скажем, он убил его?

М. Нет, мы оба поняли одинаково: он хотел сказать, что Гитлер уехал и не вернется. Уехал, а не умер.

С. Понимаю вас. Вы сами верите в это?

М. Абсолютно. Могу повторить: Гитлер, будучи живым, покинул Берлин вечером 22 апреля 1945 года.

С. Вы... вами был упомянут Раттенхубер. Несколько минут назад вы сказали, что он подошел к вам. Так?

М. Да.

С. Линге еще был там в то время?

М. Да, он стоял очень расстроенный.

С. Раттенхубер знал о... об отъезде?

М. Конечно.

С. Он подошел к вам в саду канцелярии... и что? Что он сказал о Гитлере?

М. Он сказал: "Фюрер нас покинул. Теперь у нас новый фюрер".

С. Новый? О ком он говорил?

М. Он говорил о новом фюрере.

С. Вы имеете в виду Мартина Бормана?

М. Нет, я имею в виду нового Гитлера.

С. Кто же это?

М. Он пришел вместе с Раттенхубером. Новый Гитлер.

С. Вы не улавливаете моего вопроса. Кто был этот новый Гитлер, заменивший прежнего в тот вечер?

М. Его двойник.

С. Нам известны слухи о двойнике. Русские не исключали такой возможности. Вы уверены в том, что он был?

М. Да.

С. Что вы можете рассказать об этом?

М. Еще в 1941 году мне стало известно через службу гестапо в Бреслау, что там на полиграфической фабрике работает некто, двойник, копия Гитлера. Я приказал доставить мне его фотографии и убедился, что сходство в самом деле удивительное. Хотя у того человека не было усов и прическа совсем другая. Его привезли в Берлин, и я побеседовал с ним.

С. Он находился в тюрьме в это время?

М. Нет, вовсе нет. У нас были с ним вполне дружеские беседы.

С. Что вы можете сообщить о нем?

М. Он родился тоже в Австрии, в округе Вальдфиртель. Родом из семейства Силлип, они дальние родственники Гитлера, но этот человек никогда его не знал. Потом их семья переехала куда-то недалеко от Праги... в Гасторф. После Первой мировой войны эти земли вошли в состав Чехословакии, и тогда семья Силлип переселилась в Бреслау. Человек этот не женат, он преданный член партии, состоял в штурмовых отрядах СА. Не слишком умен, но вполне пригоден для работы с ним.

С. Насколько он схож с Гитлером?

М. Я уже говорил: поразительно. Хотя немного полнее, моложе и вообще более плотного сложения.

Но черты лица - абсолютное сходство! В его речи улавливался легкий чешский акцент, однако это было исправлено в процессе

работы. Он курил, и ему пришлось оставить эту привычку.

С. Как часто его использовали, так сказать, по назначению?

М. Только в самом конце войны. Если не считать нескольких его появлений в 1944 году... кратких появлений после 20 июля, после покушения.

С. Гитлер встречался с ним?

М. Вначале Гитлеру не понравилась идея с двойниками и он не хотел видеть его. Особенно когда я сказал, что это его дальний родственник. Гитлер яростно возражал, но я уверил его, что ни этот человек, ни его семья никогда в жизни не знали того, кто носит фамилию Гитлер. Сам же фюрер не мог в конце концов не признать, что идея о двойнике весьма действенна с точки зрения безопасности, и разрешил продолжать нашу работу. Встречался он с ним дважды, оба раза в Кайзерхофе, который был напротив рейхсканцелярии. Встречи эти проводились для того, чтобы двойник мог увидеть Гитлера вблизи и перенять кое-какие его жесты и телодвижения.

С. Какие же, например?

М. Например, у Гитлера были плохие зубы, и когда он смеялся, то обычно прикрывал рукою рот. Если он сидел, то, смеясь, имел обыкновение хлопать себя по ноге. Вот так... А когда подписывал бумаги, держал левую руку таким вот образом, а правой делал... Видите?.. Были у него и часто повторяемые обороты речи. К примеру, любимая фраза: "Тут две возможности: или это случится, или нет... " Двойнику не стоило большого труда все это отработать и выучить. После одной из встреч с ним Гитлер даже сказал, что это все равно что смотреться в зеркало... Между прочим, личный портной Гитлера шил костюмы и на двойника.

С. Портной с ним встречался?

М. Никогда. Этого человека, после того как мы его взяли на службу, видели только я, Гитлер и еще несколько человек... Что еще о нем? Подметки его сапог были сделаны утолщенными, а каблуки еще выше. И мы заставили его похудеть на несколько килограммов, а также бросить курить.

С. Неужели близкие к Гитлеру люди так и не знали об этом человеке?

М. В конце концов узнали. Кто именно? Линге, конечно, а также Раттенхубер и, думаю, Гюнше, его военный адъютант. Тот догадывался, а в последние недели и Геббельс.

С. А как насчет Бормана?

М. Этот знал или пытался знать решительно все, что касалось Гитлера. Но только не о двойнике. Гитлер был достаточно осторожен в ряде случаев, и он предупредил меня, что о двойнике нужно хранить полное молчание. Он доверял Геббельсу, это я

знаю. Но не Борману, нет. О Бормане он говорил, что тот похож на луну, которая в состоянии только отражать свет, но не светить сама. Борман все время торчал возле Гитлера, за его спиной, раздражая и утомляя всех своим присутствием. Он просто ревновал его, и, когда Гитлер, наконец, почувствовал и понял это, он обрушился на Бормана и отругал так, что тот на некоторое время притих. Я уверен, что Борман так и не знал о двойнике.

С. А о том, что Гитлер покинул Берлин?

М. Тоже нет.

С. Я хочу показать вам копию одного официального документа. Он составлен нашими людьми как раз перед судом в Нюрнберге и имеет отношение к результатам советских исследований тех останков, которые были обнаружены в бункере, где, по их мнению, должен был находиться Гитлер. Прошу вас посмотреть эти бумаги.

М. Я бы предпочел перевод на немецкий.

С. Вот он, пожалуйста, ознакомьтесь.

(Пауза.)

М. Я прочитал. Что ж, могу сказать, мне интересно познакомиться с результатом нашей тщательной работы. Мы были уверены, что у русских будет именно такая реакция. Что они придут к таким выводам... Забавно... Но ведь я и раньше не скрывал от вас своего невысокого мнения об их интеллекте.

С. Вы обратили внимание на упоминание о трупе Бормана?

М. Конечно. Мундир определен правильно, но размеры не те, однако документы похожи на подлинные. Впрочем, даже русские признают, что по трупам не так уж легко определить с достаточной достоверностью, кому они принадлежат. Однако обратите внимание, с какой уверенностью они говорят об обнаружении трупа Гитлера, то есть его двойника. Какой конфуз! Сталин, при его недоверчивом характере, должен был бы прийти в ярость. Кроме того, насколько я знаю, русские могут сегодня говорить одно, а завтра совсем противоположное.

С. Вы, должно быть, достаточно хорошо знаете советскую систему, не так ли?

М. Вы правы. Но вернемся к нашей теме. В те последние дни войны Сталин направил в Берлин специальную команду с приказом найти Гитлера. Они нашли... труп двойника. Конечно, все были приятно взволнованы и тут же доложили Сталину, чтобы обрадовать его и получить... что там?.. повышение по службе и дачу за городом. Сначала они послали рапорт в Кремль, а уж потом приступили к медицинскому исследованию... У Сталина определенно были сомнения. Он вообще крайне подозрительный и не верит никому. А что если это подлог? Или,

быть может, его агентов подкупили богатые нацисты, а то и разведки Запада? И Сталин посылает еще один специальный самолет с экспертами и высокими чинами из госбезопасности... Что же они видят? К какому заключению приходят? Это тело не является телом Гитлера. Почему? На ногах у него штопаные носки. Гитлер не мог носить заштопанных носков!.. Впрочем, отчего же не мог? У всех рвутся носки... Что дальше? У исследуемого объекта всего одно яичко, у Гитлера было два. Это уже говорит о чем-то, верно?.. Отпечатки пальцев? Их не с чем сравнить... А теперь главный козырь. Уши не той формы.

С. Вы сказали: уши?

М. Да. До того как отпечатки пальцев стали главным средством идентификации, таким же средством когда-то были уши. Не бывает в природе двух одинаковых пар. Я знал, что у нашего двойника уши немного отличаются от ушей Гитлера, но в конце концов кто на них обращает пристальное внимание? Однако по хорошим фотографиям это сразу определят опытные люди... Итак, это не Гитлер. Представляю, как все агенты и эксперты были злы и напуганы. Вместо наград их, возможно, ожидает пуля в затылок... А что делать с подложным трупом? Спросили товарища Сталина. Ответ был: немедленно уничтожить! Для расторопных русских "немедленно" означает в лучшем случае на следующий день. Тогда они и начали сжигать труп. Но тут пришло новое указание из Кремля: сохранить его во что бы то ни стало! Наполовину сгоревший труп вытащили из печи и отправили в Москву в ящике, заполненном льдом... Что касается Сталина, он, конечно, был уверен, что кто-то сыграл с ним злую шутку. Но кто? Фашисты? Американцы? Его собственные агенты?

С. Полагаете, он до такой степени недоверчив? Уж не параноик ли?

М. Чистейшей воды безумец! Он может уничтожить всех жителей города, если заподозрит, что один из них что-то замыслил против него! Не верит никому. Как-то он вызвал одного из своих министров и сказал, что тот нуждается в отдыхе, потому что работает как вол. И отправил его в отпуск на неделю в. Крым. А по дороге секретные сотрудники убили этого человека по приказу Сталина, так как ему кто-то донес, будто тот замышлял что-то против него. По его убеждению, этим занимаются все окружающие. Он живет в укрепленной крепости, как какой-нибудь турецкий паша, и время от времени оттуда поступает приказ снести чью-либо голову. Как правило, невинную. Впрочем, в глазах Сталина решительно все виновны перед ним. Нашим военным атташе в Москве был генерал Кребс. Он говорил мне, что Сталин произвел на него впечатление доброжелательного

спокойного человека. Думаю, что наблюдение Кребса соответствует действительности и Сталин действительно не повышает голос ни на кого - он просто уничтожает.

С. Возможно, вы все же недооцениваете способности тех специалистов в Берлине?

М. Я уже говорил вам, что не считаю русских достаточно смышлеными. Они не так глупы, как поляки, но, поверьте мне, тоже не умны. Я видел своими глазами, как эти люди бродили по зданию нашей канцелярии, пытаясь понять, для чего предназначены туалеты. Способность размышлять не поощряется в сталинской России - только слепое подчинение и страх за последствия, если сделал что-то не так. Они непрерывно лгут друг другу и вынуждены заниматься подлогом и обманом, чтобы скрывать свою ложь. Один русский полковник обнаружил в бункере какой-то документ и носил его с собой в течение трех дней, так как не знал немецкого и не мог найти кого-либо, кто знает. Когда ему, наконец, перевели документ на русский, оказалось, что это было требование на поставку туалетной бумаги. Мне приходилось много сталкиваться с этими людьми, и, можете поверить, истории насчет того, что они захватят всю Европу, которыми пугает вас ваша пресса, - чистейшая чепуха! Сталин боится всех, кого не может достать своими руками и убить. Он никогда бы не начал наступления на Германию, если бы мы не оказались совсем беспомощны. Этим я не хочу сказать, что он не в состоянии защитить самого себя, когда на него нападут, - это он сумел сделать, но русским никогда в жизни не поить своих коней в Сене.

С. Вернемся к тому, что происходило в Берлине. В течение пяти месяцев русские перекапывали сад перед канцелярией. Почему они ничего там не нашли? Каких-то еще трупов?

М. Видимо, потому, что их не было. Но сотрудники всех этих спецподразделений были, конечно, разъярены неудачами и тем, что Сталин называет их идиотами, если не хуже, и потому решили во что бы то ни стало придумать что-то, чтобы сохранить лицо. И кое-что напридумывали.

С. Для Сталина?

М. И для истории...

С. Вы были там, когда Геббельс и его жена покончили с собой? Верите в их смерть?

М. О, конечно. Я знал еще раньше, что они задумали так поступить. Геббельс был сильный человек, уверяю вас, и он твердо решил, что не переживет конец рейха. Я уже говорил вам, что был против того, чтобы они вовлекли в это своих детей. Я обещал Геббельсу позаботиться о том, чтобы обеспечить их

безопасность, но он не желал и слышать меня. У меня тоже есть дети, и решение Геббельса мне совсем не нравилось. Однако он был неумолим. Он и его жена убили всех своих детей и себя...

С. Русские в связи со всем этим говорят о каком-то водоеме. Можете вы объяснить, о чем идет речь?

М. Напротив кабинета Гитлера, что в новом здании рейхсканцелярии, как раз под балконом был пруд, дно которого выложено камнями. В нем уже не было воды, и однажды туда положили завернутое в одеяло тело солдата, который умер от ранения. Вот о чем, видимо, толковали русские.

С. А разве не так же, в пруду, было найдено тело двойника Гитлера?

М. Нет, оно лежало тоже завернутое в одеяло, но не в пруду, а рядом с ним. Если бы его закопали и оно пробыло с неделю под землей, русские не смогли бы уже опознать его, а нам этого не хотелось... О трупе Бормана, повторяю, мне не известно ничего.

С. Вы все-таки уверены, что Борман мертв? Видели его тело?

М. Я не стал бы тратить ни время, ни деньги на это.

С. Хочу показать вам один приказ, очевидно, подписанный вами и датированный 20 апреля 1945 года. Пожалуйста, взгляните.

(Пауза.)

М. Да, я узнаю его.

С. Это ваша подпись?

М. Да.

С. Документ подлинный?

М. Ну, видите ли, в те дни все находилось в таком... смятении... В каждый момент можно было ждать любых перемен. Когда я готовил это, то считал именно так. В дальнейшем произошли некоторые изменения.

С. Значит, следует понимать, что тот полет все же имел место, из Линца в Барселону 26 апреля?

М. Да.

С. Позвольте мне вернуться к именам. Улетел ли тогда Борман?

М. Нет, Борман не улетел.

С. Но он собирался, ведь верно? Его имя значится в списке тех, кого ознакомили с этими документами.

М. Ему не была вручена копия. Гитлер изменил свое первоначальное решение и сказал мне, чтобы я ничего не сообщал Борману и еще нескольким из этого списка.

С. Ваше имя стоит там на втором месте, но вы не уехали.

М. Да, я остался, чтобы осуществить заранее намеченный план. Гитлер знал об этом.

С. Поговорим о группенфюрере Фегеляйне.

М. Он уехал.

С. Мы... Официальная версия гласит, что Фегеляйн был убит по приказу Гитлера во дворе или в саду при канцелярии... прошу вашего внимания... 29 или 30 апреля. Что вы на это скажете?

М. Это утка, запущенная англичанами. Полная чушь! Их сообщение полно ошибок. Начать с того, что Фегеляйн уехал раньше. Я видел его и разговаривал с ним. И я не сажал его под арест. Мы переехали из прежнего здания на Принцальбрехтштрассе еще в феврале, после того как его разбомбили, и, уверяю вас, Фегеляйн не был у меня в тюрьме и никто его не убивал. А если позднее он появился бы в канцелярии или в бункере, я бы наверняка увидел его или, на худой конец, услышал о нем. Насколько помню английскую версию, Гитлер отдал распоряжение убить его 29-го или 30-го, но фюрера в то время уже не было в Берлине, а его двойник никогда бы не посмел приказать это без моего разрешения - без моего, а не Бормана. Я, и только я, распоряжался тогда - в содружестве с Геббельсом, но не с Борманом. Так что англичане все выдумали. А где Фегеляйн сейчас, я не знаю и мне это безразлично. Он играл весьма мощную роль на тогдашней сцене.

С. У нас есть свои сведения о нем, которые, в общем, подтверждают то, что вы говорите, и я согласен, что он не был важной фигурой. Что скажете о Бургдорфе?

М. Он был типа Бормана, но не так опасен. Все время пытался произвести на Гитлера впечатление и нравился фюреру. Возможно, потому, что отличался подобострастием.

С. Предполагается, что он оставался в бункере и после исчезновения Гитлера.

М. Так оно и было, но перед самым концом всего он уехал. Сразу после 20-го мы стали отправлять секретариат, чиновников и прочих. Не всех, конечно. Некоторые остались, с обоюдного согласия, и потихоньку скрылись кто куда, воспользовавшись всеобщей суматохой. Помню, что Бургдорф в один из дней тоже куда-то исчез.

С. Он сейчас сотрудничает с нами.

М. Если вы это знаете, зачем спрашиваете меня?

С. Я называю фамилии по списку. Прошу продолжать.

М. Хорошо. Но позвольте вам заметить, что ситуация в ту, последнюю, неделю была такой... Хаос был таким, что вряд ли даже через несколько дней кто-либо мог бы восстановить в памяти более или менее определенно все, что там происходило. Не забывайте, что я достаточно опытный полицейский с большим стажем и неплохой школой еще со времен Мюнхена, но даже мне

нелегко расставить по местам факты и события того времени. Главное" конечно, я помню хорошо, но за мелкие эпизоды, за их точность и последовательность ручаться не могу.

С. Это я понимаю, генерал... Что вы можете сказать о посланнике Хевеле?

М. Хевель... Гитлер и он - давние друзья. Фюрер любил его. Они были вместе в Мюнхене еще тогда, 9 ноября. Хевель тоже улетел, хотя жутко боялся самолетов. После одного случая в воздухе.

С. Вы сказали "в Мюнхене"? Но мы знаем, что он был в эти дни в Берлине.

М. Я говорил о 9 ноября 1923 года. О дне путча. Хевель тогда учился в университете и выступил заодно с Гитлером.

С. Вы также упомянули о случае в воздухе...

М. Да, Хевель был ранен во время авиакатастрофы. С тех пор он боялся летать. Я знаю это ощущение на своем опыте. В этой войне со мной случилось нечто подобное.

С. Вы горели в самолете?

М. Нет, но самолет упал.

С. Понимаю... Теперь поговорим о пилоте Беце.

М. Уверен, он тоже улетел из Берлина. Гитлер предпочел, чтобы самолетом в тот день управлял Бауэр, его основной пилот, а Бец был первым помощником Бауэра. Так что он определенно улетел.

С. Мы тоже в этом уверены, потому что уже допрашивали его. Что насчет доктора Штумпфеггера?

М. Он остался. Гитлер отстранил Мореля от обязанностей своего врача, потому что у того были нелады с сердцем. Но у Штумпфеггера было все в порядке со здоровьем, однако Гитлер сказал, что ему вообще не нужен врач, и Штумпфеггер даже не узнал, что его включили в список.

С. Так, теперь Гросс.

М. Он был специалистом по Южной Америке, и я сказал Гитлеру, что его присутствие может навести преследователей на мысль о возможном местопребывании самого Гитлера. Он вообще не знал этого Гросса.

С. Тогда как же тот попал в список?

М. Мое упущение. Гитлер хотел получить более точные сведения о некоторых возможных местах своего пребывания, и я обратился к Гроссу. Гитлер даже намеревался увидеться с ним, но потом раздумал. Гросс не поехал с ним.

С. А госпожа Браун?

М. Разумеется, поехала. Думаю, Гитлер действительно любил ее... так, как умел. Да, больше всего он любил эту женщину и

свою собаку. Их он взял с собой.

С. Но у него было несколько собак. Оставались они в бункере? Это важно для восстановления полной картины.

М. Да, Действительно он держал собак. Не все овчарки, были и декоративные породы. Их всех потом уничтожили.

С. Ладно... Последнее имя: Манциали, кухарка.

М. Она осталась. Гитлеру нравилась эта женщина, но я убедил его, что чем меньше будет с ним людей, тем безопаснее. Я видел ее в бункере уже после того, как Гитлер уехал. Понятия не имею, что с ней стало.

С. Удивляюсь, отчего в вашем списке нет Шпеера. Он ведь тоже ходил в друзьях у Гитлера.

М. Да, Гитлеру он нравился, но Шпеер шел своим путем, и фюрер понимал это. Вам следует прочитать, что говорил Шпеер на суде в Нюрнберге, и вы поймете, о чем я говорю. Шпеер не числился среди своих.

С. А что вы скажете о полковнике Баумбахе? Знал он что-либо о ваших планах?

М. Гитлер поручил ему отвечать за все полеты. Баумбах был известным пилотом на бомбардировщиках, очень преданный Гитлеру человек, ему можно было вполне доверять. Кстати, сам он не доверял Шпееру, о чем предупреждал Гитлера.

С. Вернемся к двойнику. Русские обнаружили его в саду, как вам известно, закопанным в землю. Так ведь? Как он оказался там?

М. Потому что был мертв.

С. Об этом я догадался. Но как он умер?

М. Вы же читали российские документы. Он умер от пули в голову. Выстрел был сделан из пистолета малого калибра.

С. Он убил себя сам?

М. Нет.

С. Кто убил его?

М. Я затрудняюсь припомнить. Такая была суматоха.

С. Но вы знали о том, что его застрелили?

М. Конечно, я помогал закапывать его. Должен сказать, это было рискованное предприятие: русские бомбили вовсю и каждую минуту можно было получить кусок железа в голову.

С. Он знал, что его застрелят?

М. По-видимому, нет. Полагаю, он надеялся, что его отправят из Берлина в качестве фальшивой приманки.

С. Вы поддерживали в нем эту надежду?

М. Я обсуждал с ним положение, пытаясь излишне не травмировать его. Пожалуй, вы определили правильно мое поведение... Между прочим, перед тем как убить, ему дали

наркотики. Вы понимаете, какие бы возникли проблемы, если бы он был захвачен живым.

С. Если Гитлера так тщательно охраняли в это время, как вы рассказывали, как мог он выйти из канцелярии, сесть в самолет абсолютно никем не замеченный?

М. Вы поняли бы, если бы слушали внимательно. Начнем с того, что из бункера было два выхода - один через канцелярию и второй в сад. Персональный бункер Гитлера находился на более глубоком уровне, и только в нем имелся запасной выход. Окружающие привыкли к тому, что фюрер по вечерам поднимается по лестницам с собакой, чтобы погулять с ней в саду. Конечно, сад усиленно охранялся, по ночам туда выпускали сторожевых псов, но, когда Гитлер выходил на прогулку, там гасили все огни и убирали собак. Так делалось на короткое время, и отвечал за это и вообще за охрану Раттенхубер. Таким образом, как я уже сказал, ночные прогулки Гитлера были делом обычным. В тот, последний, раз он вышел из бункера в сад со своей собакой через запасной выход, а вернулся обратно уже его двойник, тоже с овчаркой, но с другой, которую взяли с псарни. Все это происходило в моем присутствии, так что, можете быть уверены, я ничего не выдумываю. Нашего двойника после этого мы ограждали почти от всех контактов. Геббельс и Линге были в этом надежными помощниками. Помню, Борман сказал мне с озабоченным видом: "Фюрер странно выглядит, Мюллер. Не похож на себя. Уж не было ли у него удара?" Я ответил, что мне так не кажется. Борман продолжал настаивать, что нам всем нужно отправляться на юг, и как можно скорее, на что я отвечал, что вертолет готов к полету и в любое время может приземлиться в саду и всех забрать. Он этому верил, потому что хотел верить. Вдали от Гитлера он стал выглядеть как обыкновенный напуганный человек, начал, видимо, понимать, как много людей его ненавидит, и боялся за свою жизнь. Честно говоря, причины на то у него были, и достаточно веские.

С. Вы уверены, что Борман мертв?

М. Еще раз уверяю вас, что мертв.

С. Что можете вы сказать о свадьбе Гитлера с Евой Браун, состоявшейся в бункере?

М. Сплошной театр. Регистрировал какой-то мелкий чиновник из фольксштурма, и он... с ним вскоре что-то случилось. Он погиб. Тех, кто присутствовал, тоже уже нет: либо уехали, либо умерли.. Геббельс, Борман, Кребс... Подписать эту бумажку мог любой. И дату можно было поставить какую угодно: хоть 20-е, хоть 29 апреля.

С. Что стало с личными секретаршами Гитлера?

М. Одна из них была молода и глупа, а та, что постарше, очень предана хозяину. Первую ничего не стоило обмануть, а вторая, если и знала, никогда ничего не скажет.

С. Но вы все-таки опасались, что пусть гораздо позднее, но кто-то из обслуги расскажет о вашей операции? Ведь почти все они сидят в тюрьме у русских.

М. Время играло на нас. Кроме того, даже такие близкие к Гитлеру люди, как Линге и Раттенхубер, достоверно не знали, куда он направился.

С. Как, по-вашему вопрос о судьбе Гитлера можно считать открытым?

М. Вот что я вам отвечу. С точки зрения полицейского сыщика, каковым я когда-то являлся, дело обстоит довольно просто. Вы же смотрите на вещи как офицер разведки, а может, как историк, не знаю, и для вас это все сложнее. Мы создали двойника, одели его в мундир Гитлера, потом пристрелили и похоронили там, где он наверняка будет найден. Так зачем теперь забивать себе голову вопросами, жив Гитлер или умер? Мы провели свою операцию с единственной целью: скрыть тот факт, что Гитлер остался жив и покинул Германию. Вам понятно это?

С. В вашем ответе есть логика.

М. Это самый простой ответ... Кстати, скажите, почему русские не нашли в саду канцелярии еще чьих-то трупов? Почему не обнаружили генерала Фегеляйна, которого, как считают, Гитлер приказал застрелить? Да просто потому, что трупов там не было. У вас наверняка есть свой источник в советской разведке, который поставляет вам различную информацию. Я только что закончил читать эти донесения. Интересно, для кого они предназначены: для вас или для высшего начальства? И что содержат специально состряпанную ложь, чтобы прикрыть собственную неумелость, или всю правду, которую они способны изложить?.. Ни одного тела не найдено! А? Как вам нравится? Но почему? Почему надо скрывать что-то, если нашли? Почему не представить на всеобщее обозрение труп того же Фегелайна с

дырками в голове? Или Гитлера? Или его жены? Можно изобретать десятки причин и резонов, но в конце концов лучшим из ответов является самый простой. Я вам дал его. Конечно, он может не удовлетворить историка или офицера разведки, которые обожают казаться умнее всех на свете, но это не означает, что он неправилен. Надо бы поручить полицейским детективам писать историю. Она будет, возможно, не такой захватывающей, но во всяком случае куда более точной. Опирающейся на реальные факты.

С. Размышления, наверное, тоже не всегда вредны.

М. Они лишняя трата времени вашего и моего. Нужны исключительно факты.

С. Тогда разрешите спросить вас о факте. Куда отправился Гитлер?

М. В Испанию, в Барселону.

С. А потом? В Южную Америку? Или остался в Испании?

М. Вполне возможно. Франко мог оказать ему помощь. Во всяком случае, до той поры, как об этом разнюхают. Вы должны бы знать все это лучше, чем я. Последний раз, как я уже говорил вам, я видел его в саду рейхсканцелярии. После этого ничего о нем не слышал и не могу сказать, что с ним случилось потом. Я выполнил свои обязательства, сдержал слово и теперь имею право думать о себе и о своей семье.

С. Но, по крайней мере, у вас есть хоть какое-нибудь предположение, что с ним могло случиться впоследствии?

М. Послушайте меня. Гитлер отправился в Испанию. Я достоверно знаю, что его самолет благополучно приземлился там. И это все. Мое мнение о дальнейшем ровно ничего не значит. Я могу предполагать, что ваши люди обедали с ним на прошлой неделе.

С. Это оскорбительное предположение. Если бы мы поймали его, то предали бы суду. Но мы не знаем, где он и есть ли он вообще на земле.

М. Может быть, да, а может быть, и нет. Во всяком случае он не попал ни к вам, ни к русским, а просто исчез. Испарился. По мне, если он даже умер в своей постели через месяц после исчезновения, тут есть о чем порассуждать. И я не согласен с тем, что высказанное мною предположение оскорбительно. Ваши люди моют руки в самых разных водах, и мы оба знаем, о чем я говорю. Хотите обсудить со мной здесь и сейчас этот вопрос для вашего отчета?

С. Никому в данное время не интересны эти оскорбительные выпады. Хотя прояснить кое-что необходимо.

М. И вы сделали это?

С. В общем, да... Но прежде чем закончим разговор, хочу задать вам еще несколько совсем коротких вопросов, которые должны подытожить... Вы согласны?

М. Продолжайте.

С. Итак, вы безоговорочно утверждаете, что, насколько вам известно, Адольф Гитлер покинул Берлин 22 апреля 1945 года. Верно?

М. Именно так. Я категорически утверждаю, что, насколько мне известно, он покинул Берлин именно в этот день, живой и невредимый.

С. И отправился в Испанию? В Барселону, насколько вы знаете?

М. Да, именно так.

С. Вы также утверждаете, что его двойник оставался в канцелярии после отлета Гитлера?

М. Да.

С. И этот человек был убит выстрелом в лоб?

М. Да, в самую середину лба.

С. Можете вы назвать калибр оружия, из которого был произведен выстрел?

М. Насколько мне известно, двойник был убит единственным выстрелом, произведенным из полицейского пистолета системы "Вальтер ППК", калибр 7, 65 миллиметра. Пуля осталась в голове.

С. Что вы знаете о смерти генерала СС Германа Фегеляйна в период между 20 и 29 апреля 1945 года?

М. Лучше сформулировать вопрос таким образом: что я знаю о смерти Фегеляйна в Берлине в этот период?

С. Да, именно так.

М. Ответ: я ничего не знаю об этом.

С. Насколько вам известно, генерал Фегеляйн покинул Берлин? Так?

М. Насколько мне известно, да.

С. И последний, наиболее важный вопрос: Мартин Борман мертв?

М. Насколько мне известно, нет. Как я предполагал, он был каким-то образом связан в это время с личным врачом Гитлера Штумпфеггером, но никаких фактов и доказательств у меня нет. Однако позвольте добавить следующее: если бы Мартин Борман остался жив и уехал в Испанию, я бы сразу узнал об этом. Однако после падения Берлина я ничего не слышал о Бормане и полагаю, что он мертв. Быть может, это не так, но я придерживаюсь своего мнения. Больше мне нечего сказать.

С. И в заключение: какова судьба пленок, взятых вами из личного архива Гитлера?

М. Они все у меня. Гитлер велел мне сохранить их для него.

С. Склонны ли вы показать их нам?

М. Ни при каких обстоятельствах.

С. Тогда наша беседа закончена. Благодарю вас за вашу любезность, генерал.

М. Не стоит благодарности.

МЮЛЛЕР И ПОБЕГ ИЗ БЕРЛИНА

Каким образом удалось германскому вождю избежать ловушки в окруженной немецкой столице в последние дни войны? Сейчас считается, что и многие другие высшие члены германского руководства сумели тогда скрыться, и в данном фрагменте беседы со всей ясностью и драматичностью представлены детали подготовки и практическое осуществление подобного бегства.

С.... Я хотел бы задать вам несколько вопросов по поводу вашего бегства из Берлина. У нас имеются некоторые сведения о том, что в последние несколько дней вы совершили определенные действия, и для нашего дальнейшего сотрудничества жизненно важно подтвердить либо опровергнуть эти сведения. Мне нет необходимости говорить вам, что для вас очень важно продолжать вашу собственную линию. Я не намерен помогать вам наводящими вопросами, но я хотел бы услышать ваш отчет, основанный на том, что вы мне говорили раньше. Начните, пожалуйста, с того момента, как вы оставили Берлин, и рассказывайте дальше как можно более подробно, даже по минутам, если в этом есть необходимость.

М. Разумеется. Если вы позволите сделать кое-какие пометки, чтобы освежить мою память касательно дат или времени, я начну прямо сейчас.

С. Может быть, вам понадобится еще бумага, кроме той стопки, что лежит перед вами? Я могу принести еще, если хотите.

М. Этого достаточно, спасибо.

С. Буду благодарен вам, если вы приступите.

М. Не хотите ли прерваться, чтобы немного перекусить?

С. Вы проголодались?

М. Нет. Я подумал о вас и вашем стенографисте.

С. Я уверен, что мы сможем подождать еще некоторое время. Не угодно ли вам начать?

М. Да. Позвольте мне начать с того момента, как я покинул Берлин. 29 апреля я очень рано ушел из рейхсканцелярии и затем переоделся в форму военно-воздушных сил. У меня было звание майора ВВС, и я считался прикрепленным к Министерству авиации в качестве специалиста по легким самолетам. Я мог справиться с этим, поскольку имел летную подготовку, к тому же

разбирался в специфике обслуживания самолетов, по части механики. Я не собирался лететь сам: у меня был пилот - офицер службы безопасности, который состоял также и в воздушных войсках и имел очень большой опыт управления всеми типами современных самолетов. Когда я впервые заговорил с ним об этом плане, а это было в 1944 году, он выразил твердое желание работать со мной. Я в течение некоторого времени пользовался его услугами, чтобы перебрасывать агентов в Швейцарию и обратно, и за весь проект в целом отвечал лично он. Хотя мы могли засылать агентов и обычными рейсами, иногда было желательно, чтобы они миновали таможенный контроль. Этот человек сам разрабатывал летные маршруты и самолетом переправлял туда людей. На этот раз я не хотел лететь прямо в Швейцарию, потому что у немецкого самолета, оказавшегося в воздушном пространстве этой страны, неминуемо возникли бы проблемы, если бы его обнаружили швейцарцы или кто-нибудь другой. Было бы лучше приземлиться сразу по эту сторону границы, а затем пересечь ее пешком. Пилот...

С. Не могли бы вы назвать его имя?

М. Нет. Он оказал мне огромную услугу, и у меня нет причин навлекать на него неприятности. Позвольте мне продолжать, если вы не против.

С. Конечно.

М. Он подготовил самолет "Шторх", легкий связной и курьерский самолет, очень надежная машина, которой для взлета требуется всего 50 метров. И для приземления ему нужно 130 метров. Он уже летал на таких много раз и был совершенно убежден, что именно эта машина нам нужна. Данный самолет вмещал двух человек и кое-какой багаж. Он также был оснащен радио. Этот "Шторх" принадлежал летному отряду главы СС, но того большую часть времени не было в Берлине, так что самолет был полностью снаряжен и содержался в резерве. С технической точки зрения он был в первоклассном состоянии, и у нас имелся большой запас отличного топлива, которого хватило бы до самого конца полета. У самолета были и запасные баки, которые давали нам порядка тысячи дополнительных километров, а поскольку нужное расстояние составляло лишь около 750 километров, топлива нам хватало с избытком даже на случай любых непредвиденных обстоятельств. Русские в это время уже практически захватили правительственный квартал и вели бои на южном берегу Шпрее вокруг здания рейхстага. Мы взлетели около 23. 00 часов с одной из улиц в Тиргартене. Оглядываясь назад, скажу, что это была худшая часть полета. В этом районе шли ожесточенные бои и артобстрелы, так что у нас не было

никакой уверенности, что нас не собьют или что взлетная полоса в последний момент не будет взорвана. Город был в основном затемнен, но на севере и юге мелькали отблески пожаров. Пилот стал проверять взлетную полосу, и какие-то наши солдаты спросили его, что он делает. Он умел находить подходы к людям и заставил нескольких из них оттащить с дороги поваленное взрывом дерево, и затем мы взлетели. Без сомнения, это был самый опасный момент. Самолет быстро набирал высоту, и мы увидели, что внизу прямо под нами идет бой, мелькают вспышки орудийных выстрелов, грохот даже заглушал шум двигателя. В этом самолете пассажир размещается позади пилота, а кабина устроена так, что можно смотреть вниз. Было видно, как то здесь, то там вспыхивает огонь, в воздухе висел густой дым, но мы быстро поднимались, и нам вскоре удалось оставить его внизу. Второй неприятностью, помимо обстрела с земли, была советская авиация. Уже некоторое время Берлин не бомбили, потому что русские вели бои внутри города, а поскольку американцы и британцы, как правило, не удосуживались прицеливаться, когда сбрасывали свои бомбы, то, конечно, бомбежки решили прекратить. Боялись убить эту горстку советских. Теперь-то они, конечно, с удовольствием разбомбили Москву и назвали бы это ошибкой пилота. Мы полетели на юго-запад, чтобы скорее выйти за пределы города. Помню, как я посмотрел вниз и справа увидел три русских истребителя, летящих на север. Только тени в свете вспышек от выстрелов. Это были единственные самолеты, которые встретились нам за весь полет, но подобное зрелище нас не обрадовало. Нам нужно было лететь на юго-запад, а потом на юг в сторону Белица, следующим пунктом был Хемниц. Под нами находились русские, и дополнительную тревогу вызывало то, что нам могла понадобиться аварийная посадка. К счастью, этого не произошло, и от Хемница мы полетели прямо на Зальцбург. Небо было почти сплошь затянуто облаками, и мы старались держаться выше. Большую часть времени земли не было видно, и, конечно, пока мы летели над немецкой территорией, внизу было темно, так что мы ориентировались только по приборам. Пилот понимал по-русски и по-английски и почти все время слушал радио. Довольно часто он оборачивался ко мне и сообщал какой-нибудь обрывок подслушанной информации. Это все были плохие новости, но ни слова о немецких самолетах и никаких указаний на то, что американцы собираются взлетать. Пока мы продвигались на юг, он старался поймать какие-нибудь воздушные переговоры, но это случилось только один раз, и то мы не услышали ничего важного. От Зальцбурга мы повернули на юго-запад к Инсбруку, а затем направились к Швейцарии.

С. Какой части Швейцарии?

М. К восточной границе. Небо на востоке начало светлеть, и облака не закрывали место нашего приземления, которое находилось примерно в 5 километрах от границы и за некоторое время до этого было очищено от деревьев. По сути, единственным способом попасть туда было прилететь по воздуху, и только на вертолете, которых у нас тогда было несколько, или на самолете типа "Шторх". Пилот хотел приземлиться так, чтобы ему не нужно было зажигать посадочные огни, и он смог сделать это где-то после четырех утра. После приземления мы закатили самолет под деревья, в укрытие, которое летчик приготовил раньше, когда тайно провозил сюда агентов. Здесь мы переоделись в гражданскую одежду. Я запасся документами для нас обоих, подтверждавшими, что мы являемся гражданами Швейцарии. Пилот говорил также на швейцарско-немецком диалекте, которым очень трудно овладеть, и в случае необходимости он должен был вести все переговоры. Кстати, он и на самом деле жил в этой стране до войны.

С. Он был швейцарец?

М. Нет, саксонец, но вы никогда не догадались бы об этом, услышав, как он говорит со швейцарцами. Под маленьким навесом за деревьями у нас был спрятан мотоцикл со швейцарскими номерами и коляской. Мы положили вещи в коляску, я сел на заднее сиденье, и мы поехали через лес. Путешествие через границу и вниз по склону горы было очень занятным. Это была тропа контрабандистов, которую вы не смогли бы разглядеть ни с воздуха, ни даже стоя на ней. Он поднимался и спускался по ней множество раз, но я не хотел бы попробовать сделать это сам, разве только сойдя с ума. В конце концов мы выбрались на какую-то второстепенную дорогу, и на этом трудности закончились. Я заметил, что вокруг было очень мало народу, и когда я сказал об этом вслух, пилот ответил: "Конечно, генерал, ведь сегодня воскресенье!", но в эти дни я совершенно потерял счет времени. Было так странно ехать через деревни, не тронутые бомбежками и без всяких следов военного присутствия. Позднее, когда я уже привык к этому, было все-таки странно не слышать сирен воздушной тревоги или разрывов бомб, падающих на соседний город.

С. Не могли бы вы сказать, где вы находились?

М. У пилота был маленький домик на большом озере. Мы прибыли туда после приятной поездки на автомобиле до Вадуца и еще чуть дальше вдоль озера Воден. Посмотрите на карте. После этого я крепко проспал двое суток напролет.

С. Вы пытались потом связаться с кем-нибудь в Германии?

М. Нет. Я очень тревожился за свою семью, но где-то через месяц узнал, что все они живы и здоровы. Разумеется, я не мог связаться с ними напрямую. Кстати говоря, как вам известно, официально я был мертв.

С. Я видел могилу.

М. А цветы положили?

С. Нет, не стал. В могиле есть кто-нибудь?

М. Я не знаю точно. Думаю, кто-нибудь есть. Может, вы раскопаете ее и посмотрите, умер я на самом деле или нет. Возможно, мы в итоге положили туда Бормана... после его последнего путешествия из бункера.

С. Мне это не кажется подходящим предметом для шуток.

М. Мне тоже, и я уверен, что и Борман не нашел бы в этом ничего смешного. Вы знаете, мы, немцы, знамениты своим черным юмором, но если вы считаете меня большим весельчаком, вам стоило бы послушать кое-какие из шуточек, которые любил отпускать мой пилот.

С. Думаю, мне бы не очень хотелось.

М. Я тоже так думаю.

С. Мы можем проверить точность фактов, которые вы сообщили относительно вашего путешествия. Поскольку ни действительное место вашего приземления, ни имя пилота, ни ваше место назначения не известны, нам может понадобиться провести дальнейшее расследование. Были некие разговоры о том, что вы покинули Берлин, имея при себе целое состояние в золоте и драгоценных камнях. Есть ли в этом доля истины?

М. Нет. У Фегеляйна была большая сумка, набитая этим добром, но у меня нет. В портфеле, который Гитлер передал мне в самом конце, было полно бумажных швейцарских франков, но ни золота, ни драгоценностей.

С. Много денег?

М. Да. И, разумеется, у меня имеется очень приличная сумма в сейфе швейцарского банка, часть ее была подарена Гитлером, но в значительно большей мере это мои собственные деньги. Иногда кое-кому приходилось заключать определенные соглашения, и я должен был забирать значительную долю прибылей от операций "Бернгард" у Бормана и его друзей и обращать их на мои собственные нужды. Так что я, безусловно, не нуждаюсь в каких-либо деньгах от вас или кого-нибудь еще.

С. Гитлер передал вам еще что-нибудь при расставании?

М. Все, что было в портфеле, это пачки швейцарских денежных купюр большого достоинства, коробочка с очень высокой наградой и личное письмо от Гитлера, в котором он благодарил меня за мою лояльность и награждал этим орденом.

Это был высший орден, который он мог дать.

С. Рыцарский крест?

М. Нет, нет, то была военная награда. Этот назывался Германский орден, и даже Геринг и Гиммлер не имели такого.

С. Вы все еще храните его?

М. Нет, выкинул в озеро. Ну разумеется, храню, также как и письмо Гитлера. И его фотографию в серебряной рамке. И еще несколько фотографий моей семьи.

С. Можно ли будет взглянуть на письмо?

М. Нет. Это личное дело.

С. Были ли у вас контакты с кем-нибудь из агентов гестапо, когда вы находились в Швейцарии?

М. Возможно.

С. С того дня как вы прибыли в Швейцарию, выезжали ли вы когда-либо за ее пределы?

М. Нет. Я предпочитаю вести спокойную мирную жизнь.

С. Есть сообщение, что вас видели в Мюнхене. Бывали ли вы в Мюнхене после войны?

М. Я уже сказал, что никогда не покидал страну, а Мюнхен находится в Германии.

С. Вы разговаривали когда-нибудь с кем-либо из советской разведки?

М. Много раз. Когда они находились у меня под арестом. Полагаю, они с удовольствием побеседовали бы со мной сейчас, но я не думаю, что это произойдет, а вы?

С. Очень надеюсь, что нет. Вполне может быть, в дальнейшем возникнут некоторые вопросы по поводу бегства Гитлера. Готовы ли вы обсуждать это с кем-либо еще? Это есть на записи, вы знаете. На этой записи.

М. Я повторю все, что есть на этой записи, но я не намерен помогать вашим людям найти Гитлера, так что вы можете выкинуть все эти игры из головы. Вы следите за моей мыслью?

С. Мы надеялись...

М. Нет. И, пожалуйста, не говорите мне, что для американской разведки новость о побеге Гитлера стала неожиданностью. Мне достоверно известно, что ваши люди до сих пор вынюхивают повсюду, пытаясь разыскать его, а вы не стали бы тратить время попусту, если бы думали, что он мертв, так ведь?

С. Были кое-какие слухи...

М. Если бы вы им не верили, вы бы не стали искать, верно?

С. Эти слухи требуют проверки. Вы знаете, русские тоже не верят, что он умер в Берлине...

М. Вы верите тому, что я сказал?

С. Да, верим. И все же мы хотели бы получить больше информации. Возможно, в Испании...

М. Представьте, что русские прилетели в Мадрид и обратились к Франко: "Мы разыскиваем Гитлера. Не будете ли вы так любезны помочь нам?" Это окажется их последней просьбой. Скорее всего, они послужат удобрением для чьих-нибудь апельсиновых деревьев. И на вашем месте я не стал бы больше пытаться играть в эти игры, иначе вы рискуете закончить в апельсиновой роще по соседству.

С. Что ж, я думаю, мы продвинулись достаточно далеко. Сейчас будет долгожданный обед, а после этого мы можем приступить к обсуждению общих наметок вашей роли в нашей организации.

М. Ваши полномочия столь широки?

С. Да. Разумеется, вам придется сначала встретиться с некоторыми людьми, однако решение уже принято. Если вы хотите этого.

М. Нам есть что обсудить относительно использования моих возможностей для достижения высшей цели, но в данный момент обед, конечно, важнее. Отложить не значит оставить, как вам известно.

СМЕРТЬ И ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ ГЕНРИХА МЮЛЛЕРА

Поток информации о судьбе Мартина Бормана, выплеснувшийся на читателя благодаря усилиям и фантазии журналистов, историков и охотников за нацистами, в их алчном поиске сенсаций, подчас трудно воспринимать без смеха, и при этом почти ничего не опубликовано о судьбе Генриха Мюллера. Было много слухов о нем, некоторые обсуждались сотрудниками разведки США во время бесед с ним в 1948 году.

С. Хотя мы имели налаженные деловые связи с CIC (служба контрразведки США), полноценного сотрудничества с ними у нас не получилось. Было много информации, в основном ложной, о вашей судьбе в Берлине 1945 года. Хеттль, к примеру...

М. Типичный австрийский фантазер, я не верю ни одному его слову и в свое время посоветовал Кальтенбруннеру и Шелленбергу уволить его. Хеттль наладил в Бернхарде бизнес по выпуску фальшивых денег: он из тех, кто воровал всеми возможными способами. Что он говорил обо мне?

С. Что у вас был секретный бункер, построенный под главным зданием гестапо, имеющий туннель, ведущий за пределы Берлина. Вы тайно построили его, подготовили провиант и, по всей видимости, исчезли оттуда в 1945 году.

М. Чепуха. Как вообще кто бы то ни было мог построить секретный бункер под главным зданием, не привлекая внимания?

На самом деле у меня был "цеппелин" на крыше Рейхстага и я улетел на нем в последнюю минуту. Еще какими историями развлечете?

С. Есть более существенная информация о том, что вы и ваша семья покончили с собой в Берлине, были идентифицированы русскими и сожжены.

М. Мне показалось, вы сказали "существенная информация". Как я могу быть самоубийцей и говорить с вами?

С. Ах да, вы здесь! Вы застрелили своего двойника и оставили его тело вместе с вашей семьей.

М. Неправдоподобно. И моя семья уцелела, насколько мне известно.

С. У вас дочери?

М. Дочь и сын.

С. Упоминались две дочери и ваша жена.

М. Это информация от русских? Они, наверное, были в стельку пьяными и косоглазыми одновременно.

С. На трупе они обнаружили ваши документы.

М. Я лично сжег их, прежде чем скрыться. Вы их видели?

С. Нет, никто из нас их не видел.

М. Не переживайте из-за этого, это совершенно пустой разговор, должен сказать. Так вы спрашиваете, умер ли я вместе с дочерьми.

С. Я только хочу обсудить, что мы должны будем сказать. Мы не хотим, чтобы это всплыло.

М. Это, конечно, разумно. У меня нет соображений по поводу того, что говорят ваши безымянные информаторы, если здесь не замешан второй Мюллер.

С. Доктор Мюллер был бы очевидным ответом. Вы знаете, что случилось с ним?

М. Понятия не имею.

С. Вы жили на Прагерштрассе в Берлине?

М. Нет, я жил на разных улицах, но ни разу на Прагерштрассе.

С. Мы проверили берлинский архив, чтобы установить: не жил ли там другой Мюллер.

М. Вы могли бы разрабатывать эту идею, в конце концов. Это застраховало бы нас от проблем в будущем, если официально я был бы признан мертвым.

С. Мы думали об этом, но нам не известно, у кого могут быть ваши документы.

М. Я сказал "разрабатывать" эту идею, а не принимать ее сгоряча.

С. Мы можем сказать им, что вы улетели в Аргентину вместе

с Борманом.

М. Вы продолжаете пристраивать ко мне Бормана. Я уже говорил вам и повторю хоть дюжину раз, что Борман мертв. Ваши люди из разведки и тупые журналисты упиваются собственной болтовней. На самом деле Борман на Луне, живет в специальной колонии людей СС, бывших членов партии и смазливых девиц из ассоциации "Сила через Радость". Они отправились туда после того, как украли мой "цеппелин". Вы можете прогуливаться по Берлину с тачкой, полной сигарет, и на вас обратят внимание тысячи зевак, которые потом будут клясться, что видели Мартина, сделавшего им ручкой на прощание.

С. Вы понимаете, что я должен был задать вам некоторые вопросы, но это не мои вопросы.

М. Нет, вы не идиот, судя по тому, что я слышал о мистере Визнере.

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Развязанная в 1939 году война в Европе положила начало жестоким действиям против гражданского населения обоих полушарий - тенденции, которая не ослабевает и по сей день. Многие эпизоды японо-китайской войны 1930-х, вошедшие в историю, были вестниками этой тенденции, Польская же кампания стала ее началом в Европе. Комментарии Мюллера по этим аспектам истории достойны внимания.

С. Проблема эйнзатцкоманд {Спецподразделения полиции безопасности и СД. - Примеч. ред.} по-прежнему актуальна, и мы действительно хотели получить некоторые комментарии об этом от вас, так сказать "из первых рук".

М. Конечно. Вначале этим руководил Гейдрих, а позже порядок контроля был изменен. Первоначально РСХА {Главное управление имперской безопасности. - Примеч. ред.} подчинялось шефу полиции безопасности, но позже руководство перешло к Гиммлеру и, конечно, некоторые силы личного состава гестапо были выделены для проведения совместных операций с этими группами.

С. Поэтому я и обратился к вам с этим вопросом. У этих групп весьма скверная репутация, и ваша связь с ними очень важна.

М. Наверное, в глазах коммунистов они и выглядели скверно. Кстати, и бандиты, и криминальные элементы, и убийцы тоже не имели с ними ничего общего. Как я уже говорил, эти группы не были под моим руководством, хотя однажды меня просили командовать одной из них. Я отказался, но не потому, что осуждал их действия, а просто из-за множества других, более важных дел, чем охота за этими несчастными.

С. Да, но они охотились за евреями и убивали их?

М. Они охотились за людьми и убивали их, я только что говорил об этом. Если евреи оказывались виновными, они тоже попадались, но не потому только, что они были евреями.

С. К чему были эти вооруженные облавы на польской территории, если не для того, чтобы уничтожить ваших политических и особенно расовых врагов?

М. Если вы считаете, что у кого-то был специфический интерес к дикой охоте на евреев, вы глубоко ошибаетесь.

С. Но в Польше точно...

М. Да, в Польше. Что, по-вашему, происходило в Польше, когда там началась кампания? Скажите, что вы об этом думаете, я не хочу гадать.

С. Ну, разумеется, уничтожение поляков, и польских евреев в особенности, - первое, что приходит в голову. Деятельность этих "охотников" освещалась в Нюрнберге, известно, что они совершали набеги на Польшу и истребили много людей... и в России также.

М. Давайте рассмотрим это должным образом в надлежащем порядке.

С. Согласен, пожалуйста, продолжайте.

М. Я не вижу смысла углубляться в историю, потому что всем нам в действительности это безразлично. Но мне хотелось бы отметить одно заблуждение, ложное мнение, просто чтобы быть точным. Я сказал, что не участвовал в этих акциях, но в основном все знал о них, практически с самого начала. Что вам известно об отношениях Германии и Польши?

С. Это не моя область.

М. Когда-то была моя, поэтому я могу просветить вас немного и расширить ваши знания, если не изменить вашу точку зрения. Германия и Польша после Версальского договора стали злейшими врагами. Большая часть Германии, принадлежавшая ей веками, населенная и возделанная немцами, была отдана полякам вашим безумным президентом Вильсоном. Я должен сказать, что Вильсон и несет большую часть ответственности за предыдущую войну, без сомнения. Он достиг соглашения с нашим правительством о мире и, когда Германия была разоружена, намеренно изменил его. Я был свидетелем возвращения французских территорий, но в восточной Германии, особенно в Силезии, дела шли чудовищно.

Сначала те немцы, которые остались на нашей бывшей территории, жестоко преследовались завистливыми поляками. Дело осложнялось и тем, что британские и французские наблюдатели, посланные туда, чтобы помогать полякам,

потребовали прекратить это варварство. Никто не обращал на это никакого внимания, и все шло своим чередом. В 1932 году поляки, опасаясь, что Гитлер может прийти к власти, сосредоточили войска на границе Восточной Пруссии и Силезии и угрожали вторжением. У нас тогда была маленькая армия и мы не могли этого предотвратить. Гитлер был вынужден рассмотреть их требования, мы подписали выгодные для них соглашения и, конечно, прекратили отношения с их врагами - Советами. Позднее, после аншлюсса Австрии, и особенно после передачи нам Судетов, поляки встревожились, опасаясь, что мы попытаемся вернуть отнятые у нас земли {По Версальскому договору. - Примеч. ред.}. Вместо того чтобы попытаться договориться с нами, они стали нам угрожать. Конечно, к этому времени армия сильно увеличилась и их угрозы ничего не стоили. По какой-то причине эти глупцы решили, что они достаточно сильны, обратились к Англии и Франции и настояли на заключении с ними пакта. Они открыто выступили против Гитлера и отказались даже обсуждать с ним проблему Данцигского коридора. Это, естественно, возмутило Гитлера, который чувствовал, что из всех его территориальных притязаний в Европе Данциг является самым законным.

Бек, их министр иностранных дел, был высокомерным мулом с манией величия и замашками Людовика XIV. Но Людовик без армии, экономики или, что хуже, разумного населения. Поляки являются, без сомнения, самыми тупыми и жестокими созданиями на земле.

С. Теперь...

М. Пожалуйста, позвольте мне закончить. Вы будете комментировать, когда я завершу. Я сказал "жестокими". Думаю, в апреле 1939 года Польша начала репрессивную кампанию против германского меньшинства в стране, давая понять Гитлеру, что у них имеются потенциальные заложники, если он будет чересчур агрессивным. Любой, кто знает Гитлера, сказал бы, что с ним нельзя договариваться с помощью шантажа. Им это сошло с рук однажды, но больше они ничего не добьются. Конечно, репортажи об избиениях, поджогах, убийствах, доходящие до Министерства иностранных дел от немецких дипломатов в Польше, приводили Гитлера в бешенство. Если бы это был один инцидент, он мог бы пройти незамеченным, но подобная информация поступала каждую неделю, и настал момент, когда это стало невозможно игнорировать.

Некоторым удачливым и смелым немцам удалось сбежать в Германию, и их рассказы об ужасах террора не сходили со страниц газет, при активном содействии Геббельса. Эти истории,

порождали злобу в обществе, о чем вы догадываетесь, но многие из них, как мы потом выяснили, оказались правдивыми.

Непосредственно после начала войны, в первых числах сентября, поляки в бывших германских районах, по специальному распоряжению своего руководства, напали на немецкое меньшинство со зверской жестокостью. Женщины и дети, даже маленькие, подвергались пыткам, их буквально разделывали словно туши скота, что я не могу даже обсуждать это здесь. У меня есть тысячи фотографий, сделанных полицией, которые я буду более чем счастлив показать вам позже, но сейчас разрешите мне продолжить. Те счастливые немцы, которые избежали этой бойни, спасаясь бегством, просили защиты у германских войск. Многие из этих немцев сформировали отряды самозащиты и помогали военным. Когда наши войска стали наступать и сами убедились в польском варварстве, ненависть их возросла и потребовалось изолировать поляков, виновных в этих преступлениях. В Судеты была послана полиция безопасности дабы обеспечивать порядок на оккупированных территориях. Репрессировались немцы, настроенные против Гитлера или занимавшиеся пропагандой. Люди из службы безопасности взяли под контроль также чехов, которые были потенциально готовы к сопротивлению, и тех из них, кто издевался в Судетах над немецким меньшинством. Но чехи были ангелами милосердия по сравнению с поляками, должен я вам сказать.

Как только началась польская кампания, эти отряды полиции безопасности были созданы вновь. Я знаю об этом с самого начала, потому что гестапо выделило агентов для помощи постоянной полиции безопасности. Я присутствовал на некоторых заседаниях по этому поводу и полностью одобрял цели и задачи этих групп безопасности.

Обнародование фактов массового истребления немецкого мирного населения усложнило ситуацию. Когда Гитлер узнал об этом, он пришел в бешенство. Он вызвал Гиммлера и Гейдриха и, позже, меня и жестко без околичностей приказал, во-первых, защитить немцев в Польше, во-вторых, расстрелять тех, кто повинен в этой бойне. Военные были шокированы приказом фюрера, но позже изменили свое отношение, узнав, что немецкие военнопленные были жестоко убиты поляками. У них были выколоты глаза, отрезаны гениталии, многие были сожжены. После всего этого военные потребовали правосудия. Однако ситуация не улучшилась, потому что уцелевшие немцы, помогавшие военным, начали вести себя столь же зверски, как и поляки. Это было так ужасно, что военные вынуждены были распустить немецкие группы, тех же, у кого был призывной

возраст, мобилизовали.

Что касается польских уголовников, то полиция безопасности и служба безопасности выявили их. Был учрежден суд, были представлены доказательства и вынесены смертные приговоры. Это был упорядоченный процесс, а не акт мести германского населения.

С. Но мы оба знаем, что многие поляки были ликвидированы, ведь так?

М. Определенно. А вы знаете, сколько немецкого населения было уничтожено?

С. Понятия не имею.

М. 13 000 тел стариков, женщин, детей и младенцев были идентифицированы. А сколько было тех, кого идентифицировать было невозможно!

С. И сколько их было?

М. Более 50 000. Я читал отчеты и разговаривал с моими людьми. Евреи? Действительно, немногие из них были замешаны в убийствах, но не забывайте, поляки ненавидели евреев и убивали многих из них без какой-либо нашей помощи.

С. Да, я слышал кое-что об этом. Когда Аушвиц был освобожден советскими войсками, там было около 12 000 больных евреев. Когда Советы вошли в лагерь, охранники начали стрелять по этим евреям из автоматов. Советский полковник рассказывал мне в Нюрнберге, что кровь вытекала из-под дверей бараков, где находились эти люди. Охранники были поляками, нанятыми вашими людьми.

М. Это подтверждает то, что я сказал вам, не так ли? А что делали русские?

С. Ничего. Они тоже не любили евреев и не вмешивались. Несколько евреев-офицеров попытались остановить это, но было слишком поздно.

М. И, конечно, мы теперь во всем этом виноваты.

С. Но вы утверждаете, что гестапо не было напрямую замешано в этом?

М. Не совсем так. Я говорил, что мы поставляли львиную долю личного состава групп безопасности. Я сам не осуществлял руководство, хотя полностью осознавал, что происходит, и если быть абсолютно честным, я соглашался с их курсом тогда, как я согласен и сейчас.

С. Вы, должно быть, не согласны с тем, что германские власти были в конечном счете ответственны за эту чрезмерность?

М. С моральной точки зрения - да. С практической - нет. И военные и полицейские операции не проводятся моралистами. Старик Фриц сказал однажды, что, когда солдат начинает думать,

он перестает быть солдатом.

С. Да, но ваша репутация?

М. Моя репутация? Я говорил, что не руководил ни одной из этих групп. Одобрение их действий - это вовсе не признание вины.

С. Я вспоминаю один эпизод, который вкратце готовил для Нюрнберга, массовое убийство евреев под Киевом в 1941 году. Разве не было 30 000 евреев, вывезенных за город и расстрелянных СС?

М. Нет. Украинская полиция, позвольте мне сообщить вам, ради собственного развлечения расстреляла около 3000 евреев {Утверждается, что в Бабьем Яру немцы уничтожили 100 тысяч советских граждан - Примеч. ред.}. Кто-то добавил лишний ноль. Начальник полиции был позднее нами расстрелян.

С. За расстрел евреев?

М. За не согласованные с властями убийства. Теперь, я полагаю, вы скажете, что, раз немцы вооружили этих украинцев и мы оккупировали эту территорию, мы несем ответственность. Косвенным образом, да. Я в этом с вами согласен. И если американские солдаты напиваются в Антверпене и насилуют и убивают бельгийских женщин, ваши военные также виноваты?

С. Мы повесили их.

М. Мы также. Это всегда плохо для дисциплины - насилие и мародерство. Но, возвращаясь к акциям в Польше и, позднее, в России, пожалуйста, заметьте, что подобное не случалось, во Франции, Дании или Норвегии. Не было необходимости в таких действиях. Это были цивилизованные люди, не поляки или славяне. В этом разница. С тех пор как русские стали вашими врагами, вы почему-то стали интересоваться тем, сколько бандитов мы повесили на деревьях или расстреляли. Ваши люди не интересуются зарубленными немцами (гражданским населением), и я лично не интересуюсь повешенными бандитами. Если бы вы когда-либо имели дело с этим сбродом, то вы прибежали бы ко мне, чтобы попросить меня уничтожить их. Фактически вы уже обсудили со мной программу Варфоломеевской ночи. И это явления одного порядка, не так ли? Одно ясно: меры должны быть превентивными. Выбор времени - главное в этом деле. Будьте уверены, что я не имел непосредственного контроля и не несу прямой ответственности за силы безопасности. Это то, что вы хотели услышать, да?

С. Я думаю, мы значительно это отредактируем, прежде чем представить к рассмотрению.

М. Конечно, теперь вы серьезны, прямо как русские с этими проверками. Когда ваше начальство давало вам все эти

беспочвенные вопросы, которые вы мне задавали, вас не осенило, что вы теряете время? Я приведу вам такой пример: сумасшедший стреляет с крыши наугад по улице. Совершенно невиновные люди убиты. Полиция посылает человека на крышу, и он стреляет безумцу в голову. Справедливо? Конечно. Но всегда найдутся идиоты, которые скажут, что безумец - это просто непонятый человек. Может быть, его мать била в раннем детстве. Никто не понимал его, и теперь разные врачи не могут даже изучить его мозг, потому что ужасный полицейский размазал его по стене, которая была позади него.

С. Я вспоминаю стих о Боге и солдате, начинающем молиться, только когда приспичит.

М. Вы можете добавить туда и полицию.

ГЕРТРУДА-КРИКУНЬЯ

Хотя большая часть интервью Мюллера носит вполне серьезный характер и иногда насыщена чисто техническими подробностями, случаются и моменты сугубо комические. Свидетельство тому - приведенный ниже спор о технике допроса.

С. К сожалению, ваша пропаганда методов гестапо такова, что я не вижу рационального пути, чтобы переубедить джентльменов из Вашингтона. Ваше имя для них ничего не означает, но гестапо безусловно ассоциируется с камерами пыток и тому подобным.

М. Вам не стоило начинать с такой ахинеи.

С. Но мы уже начали. Пропаганда необходима, чтобы подхлестнуть энтузиазм во время войны. Вы знаете это.

М. Я - да, но наши заседания на Принцальбрехтштрассе были не тем, что вы думаете. Мы, немцы, очень бюрократичны и любим следовать принятому порядку: дикие сеансы пыток, избиения, горячие утюги и вся эта дребедень. Я не устаю повторять, что нам бы следовало привезти Железную Деву из Нюрнберга и установить ее в комнате допросов. Вы знаете о Железной Деве?

С. Нет.

М. Это железный футляр с фронтальной частью, которая наполовину открывается. Положите жертву внутрь и закройте дверцу, внутренняя сторона которой полна острых шипов. Они вонзаются в глаза, мозг, сердце. Я всегда думал: если мы разольем немного фальшивой крови на полу перед этим приспособлением, подозреваемый будет более склонен спеть нам свою песенку. К сожалению, музейные хранители в Нюрнбергском дворце не дали мне ее напрокат, и я уверен, что до сегодняшнего дня многие из них думают, что мы действительно хотели использовать это. Кроме того, люди были умнее в те дни, и это убедило бы 15-летнего мальчика, но не взрослого человека. Но зато у нас были Гертруда-крикунья, Безумный Доктор и Хорст

Копков.

С. Когда вы так на меня смотрите, генерал, я знаю, вы хотите, чтобы я настаивал на объяснении. Хорошо, кто была Гертруда-крикунья?

М. Машинистка в нашем офисе. Мечтала стать оперной певицей, хотя не имела ни малейших способностей к пению... Но боже мой, как она кричала! Знаете, мы приводили подозреваемого и оставляли его одного в специальной комнате для допросов. Тогда я или кто-то еще, обычно я, потому что я мог держать себя в руках и не смеяться, когда не надо, начинал допрос. Примерно через полчаса один из моих людей, который выглядел как цирковой придурок - с огромными руками и головой... надо сказать, милый парень на самом деле, но выглядел как монстр... открывал дверь и заявлял, что мы только что арестовали жену подозреваемого и она сейчас наверху. Мы помещали Гертруду в соседнюю комнату, давали ей булочки с кремом, бутылку минеральной воды и Копкова в придачу, у которого был громкий отвратительный голос, который начинал выкрикивать угрозы. А кончалось тем, что он бил кожаный мешок... знаете, из тех, что используют боксеры... большой палкой. Боже мой, это звучало абсолютно ужасно. И Гертруда закидывала голову и начинала кричать на пределе своих возможностей.

Обычно этого было достаточно, чтобы подозреваемый взмок и рассказал то, что мы хотели узнать. Иногда он оказывался стойким, и тогда Копков кричал, что разобьет пальцы его супруге. Что он и делал: разламывал большой пучок сельдерея, и тогда Гертруда начинала визжать. Конечно, мы объясняли ей, кто находится в соседней комнате, и она начинала звать его по имени и просить о помощи.

С. Это действительно слишком.

М. Это все ничего, мой друг. Если он и в этот момент не признавался, Копков начинал трясти мешок, Гертруда вопила, как сирена при воздушном налете, и раздавался дикий грохот, - это Копков ронял кресло, и наступала тишина.

А человек по кличке Безумный Доктор был нашим секретным оружием. На самом же деле он был водителем и абсолютно приличным человеком, но выглядел странно - узкое лицо, очки с толстыми линзами и всклокоченные волосы. Мы засовывали его в белый врачебный халат, забрызганный красными чернилами. Он открывал дверь после того, как кресло падало и говорил мне, что этот костолом сломал даме ногу. Обычно с этого момента подозреваемый начинал болтать и не мог остановиться, как заевшая пластинка.

Конечно, возникали проблемы. В жаркие дни мы оставляли окна открытыми, и голос Гертруды разносился по всей Унтер ден Линден. На нижнем этаже было много секретарш, и они все могли слышать эти вопли, поэтому их отправляли в такие дни домой. Одному богу известно, что они рассказывали у себя дома. Однажды "кровавый доктор" спустился в туалет, и секретарша, увидев его, от страха упала и сломала ключицу. Я приносил ей цветы в больницу, но не мог объяснить, что происходило на самом деле. Если хочешь спать спокойно - о таких вещах лучше никому не рассказывать. И я сказал ей, что наш доктор лунатик, он убежал из сумасшедшего дома и от нас тоже, после чего у него началось носовое кровотечение. Чепуха, конечно, но чернила всегда смотрелись свежей кровью, и мы могли ввести в заблуждение любого.

С. Судя по тому, как она кричала, она вероятно была довольно толстой?

М. Она была пухленькой. Но, по крайней мере, сельдерей тратился не весь. Остатки мы посылали поварам в столовую, и это шло в суп. Вы в порядке? Пожалуйста, постарайтесь, чтобы вас здесь не стошнило. (Пауза.)

С. Я не могу с собой совладать.

М. В вашем возрасте надо себя контролировать. Вы разлили кофе по всему столу. Постарайтесь быть аккуратнее. Признаюсь, хотел развеселить вас, но у вас, по-моему, истерика.

С. Сельдерей...

М. Да, я терпеть не могу, когда продукты пропадают впустую.

С. Образы в моем сознании... Извините, но ничего не могу поделать. Вы были так серьезны 10 минут назад, и теперь это дело с...

(Пауза.)

М. Я просил вас контролировать себя. Что думает моя очаровательная стенографистка? Гертруда... пожалуйста, сделайте попытку взять себя в руки.

С. Выбросьте это из протокола.

М. Конечно, когда подозреваемый находил свою жену за чтением романа, в то время как он думал, что наша маленькая театральная группа делает из нее кошачьи консервы, он был ужасно обрадован.

С. Я... это звучит как Зигфельд Фоллес.

М. Что это такое?

С. Водевиль. Фарс, балаган. Боже мой, там у вас регулярно был цирк...

М. О нет! Это шутка. Хотел вас рассмешить, и, признаюсь, я тоже нахожу это забавным. Поправьте меня, и мы будем очень

серьезны по всем вопросам. Шутка все упрощает. Если вы можете немного посмеяться - вы мгновенно приходите в себя. Гитлер любил водевили. Любил ходить в театр и смотреть на танцоров и комедиантов. У меня было когда-то чувство юмора, но я как-то растерял его.

С. Я так не думаю.

М. Как великодушно с вашей стороны приписывать мне человеческие чувства.

С. Теперь давайте со всей серьезностью, генерал. Я умоляю вас, не рассказывайте о ваших встречах с людьми адмирала. Я не нахожу эти встречи смешными. Мне совсем не смешно. Вы поставите проект под угрозу, если не можете быть абсолютно серьезным.

М. Вы полагаете, что у нас не могло быть ситуации, когда некто в окровавленном белом халате врывается в комнату и размахивает бараньей ногой?

С. Пожалуйста...

М. Знаете, однажды вы начинаете смеяться и не можете остановиться. И сейчас ваша очаровательная юная леди тоже смеется. Налейте еще кофе и позвольте нам перейти к более существенным вопросам, таким, как радиосети, о которых вы хотели узнать. И блокирование системы телетайпа. Считайте все предыдущее комической интерлюдией и разрешите продолжить, поверьте я больше никогда не произнесу слово "сельдерей" в вашем присутствии.

КРОВАВЫЙ МИР (МОКРОЕ ДЕЛО) ИОСИФА СТАЛИНА

Наиглавнейшая задача сталинского НКВД - уничтожение врагов в СССР и за границей.

С. Странно. Но когда его бывшие соратники оказывались здесь - они начинали пользоваться другими именами.

М. Не только. Они меняли свои имена и из политических соображений. К примеру, Троцкий был в действительности Бронштейн, Ленин был Ульянов, а Сталин известен как Джугашвили. Но большинство из тех, кто менял фамилии, были евреями, которые хотели казаться более русскими. Это делалось ими для запутывания следов. У меня было несколько способных людей из советской разведки, они должны были предоставить нам списки со всеми именами каждого советского бонзы, и я провел много времени, выясняя их имена и пытаясь вникнуть в их игру.

С. У нас повторялось все то же самое. Как часто менялись имена?

М. Внутри самой России не часто. Для зарубежных разведывательных операций так часто, как им нравилось. К

примеру, если ты мог выявить Ярославского как урожденного Губельмана или Александра Орлова как некогда носившего имя Лев, а фамилию Фельдбин, ты положил хорошее начало для решения проблемы.

С. Паш сталкивался с этой проблемой, когда он работал над Манхэттенским проектом в качестве шефа безопасности. Немецкие перебежчики всегда использовали реальные имена, но русские почти всегда имели фиктивные. Они утверждали, что это делалось для того, чтобы избежать преследования советскими агентами в Штатах, но Паш чувствовал, что большинство перебежчиков были советскими агентами. Когда я работал на Нюрнбергском процессе, я имел дело с несколькими русскими, все они знали точно, где люди НКВД, а я никогда не знал... Вы случайно не помните фамилию Зайцев?

М. О, очень хорошо помню. Один из главных помощников Берии. Только его имя не Зайцев, а Леонид Федорович Райхман. У вас были с ним дела? Профессиональный убийца наихудшего сорта. Он был замешан вместе с Эйтингоном в убийстве Троцкого в Мехико. По непосредственному приказу Сталина он истребил польских офицеров в Катыни.

С. О боже! Я однажды с ним обедал!..

М. Вы сегодня тоже со мной обедаете. И как он вам понравился?

С. Отвратительный, вульгарный человек, он был женат на балерине...

М. Лепешинская. Трудно произносится. Русские фамилии всегда звучат, как будто вы хотите выплюнуть изо рта крапиву.

С. Я думаю, вы правы по поводу нее. Я не помню имя.

М. Райхман... Что он делал в Нюрнберге?

С. Работал под руководством Руденко. Он представил многие документы, фигурировавшие на процессе. Боюсь, там были и поддельные.

М. Советы любят подделывать документы. Они делали это на больших публичных процессах и продолжали делать долгие годы. Ваши люди знали это?

С. Конечно, но не задавали вопросов.

М. И как много людей вы повесили с помощью подделок партайгеноссе Райхмана?

С. Представленные Советами доказательства были всегда сильнее, и я допустил, чтобы их всех казнили.

М. И это никогда не беспокоило вашу совесть? Ведь вы убили людей, используя поддельные доказательства. В таком случае, вы были сообщником Сталина.

С. Это была государственная политика в то время, и я не мог

ничего изменить. Но роль Райхмана нисколько меня не удивила.

М. Он стоял за попыткой убийства посла фон Папена в Анкаре. Сталин хотел, чтобы турки были либо нейтральными, либо на его стороне, и решил, что фон Папена надо убрать. Это шло от Сталина к Берии, от Берии - к его сотрудникам.

С. Райхман тоже еврей?

М. Многие люди НКВД и тюремные должностные лица были евреями. Политические убийцы Троцкого и киллеры из НКВД в Катыни - тоже. Инцидент с фон Папеном был довольно занятным. Киллеры предполагали застрелить посла на публике - для большего эффекта, а потом бросить дымовую бомбу и исчезнуть в облаке. К сожалению, главарь бросил бомбу вначале, и его тут же разорвало на мелкие кусочки. Второй, весь заляпанный мозгами, был так потрясен, что забыл выстрелить и тут же был схвачен. Это была не просто дымовая бомба, как вы понимаете. Такая преданность народу! Сталин, конечно, стремился устроить большой шум, но не хотел брать на себя вину за убийство, поэтому изначально приказал взорвать самих убийц после того, как они прикончат посла. Но разрешите вернуться к Нюрнбергу. Ненадолго. Во-первых, так называемый процесс был незаконным, по крайней мере с точки зрения вашей юридической системы.

Это было так называемое наказание post factum. Даже ваше правительство признает, что нельзя судить кого-то за что-то, что не является незаконным. Теперь возьмем Штрайхер, к примеру. Я признаю, что он - неприятная личность. Я бы назвал его человеком ужасающего характера, но он не военный преступник, будь то даже плод чьего-либо воображения. Причины, по которым вы пытали его, а позднее повесили - ведь все это только из-за его журнала. Все знают, что Штрайхер был страшным антисемитом, но если бы это было тяжким преступлением, половина политиков в вашей стране, Южной Америке и где угодно качалась бы на фонарных столбах.

С. Генерал, я не думаю, что мы должны обсуждать то, что прошло.

М. Но все, о чем вы спрашивали меня, связано с прошлым.

С. Я уверен, что вы прекрасно понимаете, что я имею в виду.

М. Конечно. Но и вы знаете, что я имею в виду. У вас был ланч с этой гиеной? Вы знаете, он лично руководил массовыми убийствами в Катыни.

С. Нет.

М. Вы бы по-прежнему сели с ним за стол, если бы было нужно? Я знаю, что вы не поляк, но я думаю, вы могли бы почувствовать запах крови. От него...

С. Там было много других людей. Это был официальный обед,

не частная встреча.

М. Итак, это еще один фигурант с фальшивым именем.

С. Вы думаете, от него что-то зависело в Нюрнберге? Что-то кроме поддельных документов?

М. Кто знает. Сталин контролировал все политические убийства. Но зачем ему в Нюрнберге понадобились киллеры? Он хотел уничтожить немецких лидеров?

С. Я был ошеломлен тем, как они публично настаивали на том, что Гитлер мертв, но в частном общении русские, с которыми я имел дело, утверждали, что Гитлер жив, и тратили много времени, денег и водки, пытаясь вытащить из нас информацию на эту тему.

М. У нас здесь взаимная выгода, разве нет? Никому не хотелось бы, чтобы Гитлер был жив, все они хотят, чтобы он умер. Я допускаю, что если бы Сталин узнал, что Гитлер жив, какой-нибудь Райхман прикончил бы Адольфа. В конце концов, планировал же Сталин убить Рузвельта...

С. Не теперь, генерал. Я должен попросить вас оставить ваше чувство юмора за пределами нашей беседы.

М. Я не шучу, и вы это прекрасно знаете. Сталин планировал убрать Рузвельта. Зная способ, которым собирались это сделать, я уверен, что все бы удалось.

С. Генерал, мне хотелось бы, чтобы вы продолжили о Рузвельте.

М. Идея была не в том, чтобы убрать Рузвельта, так как Сталин не любил или боялся его. Сталин рассматривал Рузвельта как своего хорошего и очень полезного друга. Проблема была в другом - как долго он может зависеть от Рузвельта. Ходили слухи, мы даже слышали их в Германии, что Рузвельт очень болен и . умирает. Поднимался вопрос о преемнике. Советы были более чем счастливы и довольны Рузвельтом и были бы восторге от Уоллеса в качестве президента. Но Рузвельт должен был переизбираться в 1944 году, и что, если кто-то другой, а не Уоллес будет его преемником? Кто это мог быть? Кто-то типа Уоллеса, кто полностью у коммунистов в кармане, или какая-то неизвестная личность? И что, если Рузвельта не переизберут? Небольшая вероятность, но несомненная возможность.

Сталин, вы знаете, был человеком, который смотрел в будущее и планировал его. Рузвельт и Черчилль - нет. Рузвельт желал создать еще одну бесполезную Лигу Наций, а Черчилль мечтал сохранить свою гнилую империю. Сталин хотел безопасности для России, а для него безопасность означала наличие государств-буферов между Россией и Западом, он также стремился захватить германскую промышленную базу в Руре. Все

это известно из моих собственных источников, через прослушивающие радиосистемы и захваченных агентов. Рузвельт и Уоллес были полезными сталинскими инструментами. Черчилль не принимался Сталиным во внимание. Он - с точки зрения Сталина был сумасшедшим пьяницей.

С. Рузвельт говорил то же самое.

М. Сталин нуждался в безопасности и поддержке своих захватнических послевоенных программ. Рузвельт и Уоллес стали бы поддерживать это, но кто-то другой - может быть, и нет. И, конечно, Сталин был прав. Уоллес не был вице-президентом, когда Рузвельт умер и ваш президент Трумэн стал настоящим врагом Сталина. Ваша пресса должна осознать, что Трумэн не допустит, чтобы красный флаг развевался над Белым домом, и перестать нападать на него. Но пока ваша пресса полна поклонников Сталина, не так ли?

С. Да, а киношники еще хуже. Но, пожалуйста, продолжим по существу об убийстве Рузвельта, если вы можете доказать это.

М. Я могу, если захочу.

С. Тогда разрешите включить это в протокол. Я понял, что Рузвельта собирались убить.

М. Когда Рузвельт и его помощники прилетели в Тегеран в конце 1943 года, Сталин оценил взгляды Рузвельта и его здоровье и попытался узнать, будет ли он выставлять свою кандидатуру на повторных выборах в 1944 году с Уоллесом в качестве вице-президента. 1944-1945 годы - критический период для Сталина. Рузвельт, по всей видимости, не казался серьезно больным, он соглашался со взглядами Сталина и указывал, что собирается остаться у власти с Уоллесом в 1944 году.

Сталин был теперь более или менее удовлетворен, и план по убийству Рузвельта был положен на полку.

С. Как должно было быть выполнено это убийство? В Тегеране?

М. О нет, Сталин был слишком умен, чтобы делать такие вещи столь открыто. Его план имел несомненные технические достоинства и состоял в том, что Рузвельт будет расстрелян в полете германскими воздушными силами на пути из Тегерана. Конечно, это будут настоящие германские самолеты, но с советскими экипажами. Советы захватили несколько германских самолетов, использовали их для разведывательных операций так же, как мы захватили несколько ваших самолетов и использовали их подобным же образом. Это было бы очень легко - атаковать Рузвельта, сбить его, а виноваты будут немцы. Гитлер запрещал такого рода акции. Русские называли это "мокрым делом". Они имели точный маршрут и расписание, так что им было бы проще

действовать. Я знаю, что Сталин имел и более интересное предложение. Поскольку Советы располагали несколькими американскими и английскими самолетами, предполагалось намалевать на них союзные опознавательные знаки и "случайно" сбить Рузвельта. Как я сказал, Сталин был очень умным и очень коварным человеком.

Но на крымской конференции Сталин обнаружил, что Рузвельт не только умирает, но и потерял все свое благоразумие. Другой (не Уоллес) вице-президент был неизвестным фактором, а Сталин ненавидел неизвестные факторы. С его точки зрения, он сделал неверный выбор в Тегеране.

С. Вы упоминали, что Германия использует американские самолеты. Были слухи, что самолеты выглядели так, будто они следуют за нашими бомбардировщиками на их маршрутах, и мы подозревали, что эти большие самолеты, похожие на бомбардировщики, использовались вами для перевозки агентов.

М. Так и было. Хотя мы никогда не бросали бомб с самолетов со знаками US на Ватикан или другие подобные цели, никогда не стреляли по вашим самолетам, эти самолеты действительно использовались для разведывательных целей. Я должен сказать вам как пилот и техник, что был очарован некоторыми вашими военными самолетами. Я думаю, лучшим был бомбардировщик "Летающая крепость". Я, кстати, летал на нем в качестве пассажира и сидел в кабине рядом с пилотом. Очень хорошая машина, прекрасно сделана и крайне надежна. Она намного лучше, чем наш 177-й, который моментально загорался. Мы использовали ваши машины для разведывательных операций, и особенно для забрасывания наших агентов в Англию перед вторжением. Из других превосходных самолетов был ваш 51-й.

С. P-51 "Мустанг".

М. Да. Очень хороший самолет. Я никогда не летал на них, но видел их в полете. Наша "Дора" ("Фокке-Вульф-190D") был хорошим, но "Мустанг" был определенно, прекрасным самолетом. Как вы можете заметить, я бываю объективным, когда хочу. Это были два самолета, которые уничтожили сотни тысяч мирных немцев, один с помощью бомб, другой - расстреливая людей на улицах, но я все-таки могу похвалить их конструкцию, но не их использование.

С. Вы уверенны, что Сталин был заинтересован в убийстве Рузвельта? Вас спросят об этом позже.

М. Нет проблем. Я уверен, что англичане были замешаны в этом. В конце концов, они убивали таким образом неудобных людей. Сталин мог бы убить свою мать за плохую стряпню, но он мог и найти способ, чтобы повесить эту вину на другого человека.

Я уверен, что он хотел бы стереть Трумэна с лица земли, но это было бы трудно - добраться до него в Штатах. Трумэн не должен был снова лететь в Европу. Я больше не у власти, но из тех кусочков и обрывков, которые я слышал из тех и других источников, Сталин ненавидел Трумэна, потому что тот начал убирать всех высших советских агентов из вашего правительства и, насколько я помню, с министерских уровней. У Сталина было много друзей. Он использовал антифашистскую наживку, чтобы привлечь некоторых.

С. Я, вероятно, мог бы сделать очень разумную догадку, но мы можем оставить это на потом.

М. Напишите это на листке из блокнота и дайте мне. Посмотрим, насколько вы прозорливы. Это не пойдет в протокол.

С. А почему нет?

М. Вы не правы по поводу одного имени, но абсолютно правы по поводу двух других. Но я заметил, что никто из них не являются уже государственным министром. Вы думаете, ваш Трумэн был хорошо информирован или удачлив?

С. Хорошо информирован и, конечно, имел верные намерения.

М. Полностью согласен.

С. Теперь, раз уж речь зашла об именах, у меня есть несколько списков, которые я хотел бы просмотреть вместе с вами. Я включил эти имена в протокол. Если вы будете так любезны и просмотрите первый список - он содержит имена немецких и австрийских беженцев, вы вспомните имена тех, кто мог иметь связь с коммунистами во время пребывания в Германии или Австрии. Отметьте для меня имена, которые вы сможете вспомнить.

М. Вы ищете коммунистов и, возможно, других асоциальных личностей, я верю.

С. Хорошо. Разрешите передать списки вам сейчас, и если вы просмотрите их, я оценю.

М. Конечно.

С. Спасибо.

М. Очень хорошо, я просмотрел и отметил несколько имен, которые я помню, как известных людей, СВЯЗАННЫХ с коммунистами. Здесь пять имен, связанных с сионистскими организациями. Я отметил первого как "К" и второго как "Z". Вы хотите это обсудить?

С. Если вы снабдите нас какой-то неизвестной информацией на этих людей, я буду вам благодарен.

М. Конечно, я отмечу, что большинство - немецкие евреи. Все они физики, насколько я помню. Они работали над вашей

программой атомной бомбы или что-то еще?

С. Кто-то да, кто-то нет. Мы сами побеспокоимся об этом. И я должен сказать, что некоторые имена понадобились просто для контроля.

М. Я вижу, вы все еще не хотите мне доверять.

С. Вы говорили мне об определенном списке, который у вас есть, и о том, что вы готовы дать его нам. Может быть, вы могли бы констатировать для протокола, что этот список включает и как он к вам попал.

М. Конечно. Это перечень американцев, тех, кого мы знали как связанных с советской разведкой. Они были перечислены Советами как надежные источники и сочувствующие целям советского правительства. Все эти источники были мною идентифицированы по именам в различных связях с Москвой. Мы перехватывали радиообмен из США и из Канады, их название было компиляцией из двух источников плюс информация, извлеченная из моих собственных допросов. Они были не в моем подчинении. Каждый по имени или должности... Но, конечно, вы вспоминаете, как и я, что некоторые были очень крупной рыбой на самом деле.

С. И вы идентифицируете их как агентов коммунистов?

М. Я определенно считаю, что это очень важные источники для Советов. Я знаю, что некоторые точно, фактически, оплачиваемые агенты из Москвы. Я укажу, кто и что делал, - в случае преодоления наших затруднений.

Ниже приведен полный список советской агентуры в американских структурах, предоставленный Мюллером и приведенный в записях.

Бенджамин Коэн, советник президента США

Адольф Берл-младший, помощник государственного секретаря

Герберт Файс, советник Госдепартамента по вопросам экономики

Уильям Баллит, посол во Франции и СССР

Посол Стейнхардт, посол в СССР

Генри Моргентау-младший, секретарь казначейства

Генриетта Клотц, помощник секретаря казначейства

Анна Миченер, помощник директора Департамента исследований

Гарольд Натан, ассистент директора ФБР

Алгер Гисс, юрисконсульт-ассистент, Департамент юстиции

Натан Марголд, юрисконсульт Департамента внутренних дел

Льюис Бин, советник по экономике, Департамент сельского хозяйства

М. С. Эйзенхауэр, директор отдела информации, Департамент сельского хозяйства

Натан Гольден, шеф отдела кинематографии, Департамент торговли

Фрэнсис Джурковиц, консультант-помощник секретаря Департамента труда

Лестер Херцог, государственный администратор Нью-Йорка

Джейкоб Винер, заместитель секретаря казначейства

Борис Костеланец, заместитель прокурора США

Натан Страусе, служащий хозяйственного управления

Льюис Домерацки, начальник отдела в Департаменте торговли

Бенджамен Фрэнк Берман, сотрудник Департамента торговли

Фрэнсис Перкинс, секретарь Департамента труда

Анна Вайншток, инспектор Департамента труда

И. Гольденвайзер, центральный совет по статистике

Майкл Страусе, директор по информации, FEA

Джоэль Дэвид Вольфсон, старший секретарь, FEA

Джейкоб Бейкер, помощник администратора, FEA

Гарольд Л. Познер, помощник директора, FEA Эйб Фортас главный консультант, FEA

Дэвид Сэйпосс, главный экономист, Национальный совет по трудовым отношениям

Джозеф П. Лэш, бывший лидер коммунистической молодежной организации

Гарольд Икис, секретарь Департамента внутренних дел

Фрида Мюллер, инспектор по труду штата Нью-Йорк

Полковник Уильям Ф. Фридман, шифровальный отдел Военного департамента

Льюис Резник, директор по информации" Департамент общественной безопасности

Сэмюэл Дикштейн, конгрессмен от штата Нью-Йорк, 12-й округ

Лео Уолман, профсоюз швейных рабочих

Вито Маркантонио, инспектор по труду, Нью-Йорк

Д-р Александр Сакс, шеф отдела исследований N. R. A.

Макс Лернер, Издатель журнала "The Nation"

Джером Франк, председатель Комиссии по безопасности

Гарри Декстер Уайт, помощник секретаря казначейства

Д-р Роберт Оппенгеймер, физик, Манхэттенский проект

Д-р Эдвард Теллер, физик, Манхэттенский проект

С. Я включу это в протокол. Читая это, я должен скатать, что был шокирован. Конечно, я вспоминаю многие имена и я должен попросить вас быть очень точным в идентификации этих людей.

Здесь между прочими перечислены два министра и один очень высокий чин ФБР. Вы уверены?

М. Я уверен. Кто-то просто сочувствовал, кто-то подозревал, что имеет дело со сталинскими агентами, кто-то был - профессиональным шпионом, это станет ясно позднее. Между прочим, около 3/4 этого списка на самом деле были шпионами.

С. Я думаю, вы используете это как приманку, но я отправлю ее по -моему -кабелю.

М. Пожалуйста, но сначала сделайте так, чтобы Советы не читали вашу почту. Курьер - это намного безопаснее сейчас. Между прочим, у вас есть список англичан, которых хотелось бы проверить? Я могу дать вам одно очень хорошее имя: Виктор Ротшильд. Вы знаете это имя?

С. Имя, конечно, очень известное. Какую должность он занимал... И я предполагаю, это в Англии?

М. Да, очень высокий пост в британской разведке.

С. Был или есть?

М. Вы должны мне сказать Был - в этом я уверен, а есть ли - я не могу сказать.

С. Не волнуйтесь, мы узнаем. Мы не доверяем британцам полностью, но вопрос вот в чем: они шпионят за нами для Англии или для России?

М. В данном случае: какая разница?

С. Действительно, никакой, но нам нужно уточнить. Я уверен, вы понимаете.

М. Конечно.

С. И по организациям. У меня есть длинный список американских организаций для вас. Чтобы просмотреть его, нужно время, и мы можем обсудить это позже. Я не думаю, что вы сможете сильно помочь в этом. Это внутренний вопрос, и ФБР уже удовлетворено, но если вы что-то можете прибавить, будет полезно.

М. Вы поступаете правильно, выслеживая этих людей и заставляя их молчать. У нас были подобные проблемы в Германии в веймарский период. Поверьте, советские политические убийцы перемещались по стране, убивали, расплодившиеся коммунистические группы стремились выглядеть интеллектуалами и все они были связаны непосредственно с Москвой. Вы знаете, что, когда мы ворвались в советское посольство в Париже в 1941 году, мы нашли превосходную фабрику убийств? Камеры для казни, крематорий, комнаты пыток и так далее. Это выглядело как склеп. Русские жестоки по натуре, все славяне, в сущности, таковы, но коммунистическая ветвь лишь на один шаг удалилась от пещерного человека. История

большевизма в России... и Венгрии это история садизма, жестокости и дегенеративного одичания. Вы должны знать о Бела Куне в Венгрии, и я лично знаю о бойне в Мюнхене, когда русские пытались учредить там одно из своих криминальных "советских правительств". Вы должны испытать на собственном опыте безумие и криминальную жестокость, чтобы действительно понять, почему я ненавижу этих подонков и сделал делом своей жизни их искоренение и уничтожение. Работать на вас - это не бизнес для меня. Это как бы нетронутая территория, которую следует очистить от грязи и дегенерации. Атомную бомбу вы должны были сбросить на Москву, а не на Японию. Она уничтожила бы кремлевских крыс за секунду. В следующий раз не забудьте это сделать.

Я говорил вам однажды, что Сталин не стал бы вторгаться к вам, пока он имел в Вашингтоне государство внутри государства. Мы оба знаем: это было, когда Рузвельт был на троне; сейчас, когда Иосиф потерял центр власти, ищите его дрессированных крыс, чтобы они не проникли глубже в ваше правительство и общество; и старайтесь избавиться от них. Иначе ваша страна заполнится ими, замаскированными под рабочих лидеров, интеллектуальных активистов, писателей и кинопродюсеров, ищущих любую возможность, чтобы нагадить. Они будут разыгрывать несогласие одной группы с другой, инспирировать гнусностями о правительстве общественное мнение, нападать на систему разными способами. Их цель - дискредитировать вашу систему и установить свою собственную в противовес той, которую они ненавидят. И если у этих падших тварей есть будущее - они смогут установить царство террора в вашей стране и у вас будет то же самое, что в нынешней России.

И, касаясь темы враждебной иностранной активности в вашей стране, не пренебрегайте британцами. Возможно, они и в самом деле моральные и финансовые банкроты, но они по-прежнему ненавидят вас, и я знаю, что их шпионы среди вас, это несомненно. Я не думаю, что они когда-нибудь простят вас за то, что вы финансово изнасиловали их в начале войны.

С. Я думаю, вы преувеличиваете. Они нуждались в помощи, и мы дани им ее, но, конечно, по этим счетам надо платить.

М. О да, и они платят. Один из разговоров между Черчиллем и его послом в Вашингтоне освещает его взгляды на то, как Рузвельт сломал хребет империи. Я дам вам копию этого документа для вечернего чтения. Я надеюсь, вы получите столько удовольствия, читая это, сколько и я шесть лет назад. Чтобы вернуться к нашей дискуссии, я дам вам список всех высших советских агентов разведки и их имена. Это, я надеюсь, ваши

люди найдут самым интересным. Я просмотрю список этим же вечером. Мы оба будем иметь интересное чтение, я думаю.

С. Мне кажется, вам нравятся разочаровывать меня, генерал.

М. Нет. Мне нравится иногда хотя бы ненадолго возвращать вас к реальности.

С. Достаточно сказано об этом.

БЕДЫ И НЕСЧАСТЬЯ ГЕРЦОГА ВИНДЗОРСКОГО

Одно из наиболее обсуждаемых событий 1930-х годов было отречение короля Англии Эдуарда VIII в 1936 году. Официальной причиной была страсть к американской разведенной женщине Уоллис Симпсон. В то время разведенная женщина не могла стать королевой, Но были и другие причины, которые принудили Эдуарда к отречению.

С. Однажды вы говорили о документах или папке которые вы имеете на герцога Виндзорского. Насколько значительно это дело? Это оригиналы или фотокопии и могли бы мы посмотреть на них?

М. Оно весьма значительно. Некоторые бумаги представляют собой оригиналы. Многие - скопированы, и, конечно, вы можете взглянуть на них. Я сказал "взглянуть", когда захотите, но не взять.

С. Герцог больше не является фигурой большой значимости в обществе, но интересна его связь с Германией до и во время войны.

М. Предполагалось, что герцог станет объектом интереса до и во время войны. Реальная его власть прекратилась в день отречения, во Гитлер рассматривал его как личность, которую можно использовать для создания определенного впечатления у британцев. Герцог был свергнут с трона не из-за его подружки, а потому, что сильные люди в Англии обратили внимание на его прогитлеровские взгляды - с подлинным гневом и некоторым страхом. "Хрустальная ночь" еще не случилась, но для еврейских групп в Англии и в США становилось очевидным, что их соплеменники в Германии впали в немилость и выдворяются из страны. Я полагаю, что это сформировала своего рода блок антинацистски настроенных людей в британском банковском и финансовом сообществе. Соедините антисемитизм с гитлеровской системой, и вы поймете страх и ужас английских евреев. Он совершенно не помогал делу своими прогитлеровскими заявлениями и махинациями своих немецких родственников. В конце концов, семья Виндзоров до войны 1914 года называлась Саксен-Кобургами и была связана родством со всеми правящими семьями и династиями в Европе.

С. Беттенберги изменили свое имя на Маунтбеттен в то же

время, насколько я помню.

М. О да, это совсем другое дело. Бетгенберги были родственниками по линии морганатического брака принца Гессенского. Вы знаете, принц Александр Гессенский женился на еврейке в XIX веке, семья не позволила их потомкам носить фамилию Гессен и они придумали фамилию Беттенберг. Вот почему я называю их морганатическими Гессенами. Насколько я помню, нынешний глава их дома женился на внучке Эрнста Кассела, банкира Эдуарда VII. Это тоже евреи. Но Маунтбеттены малозначимы, хотя они сильно помогали столкнуть своего кузена с трона по той же причине, что и лондонские банкиры. Женщина по фамилии Симпсон стала единственным оправданием. Новый король был слабоумным, как и другие члены этой семейки, и едва мог говорить. Если бы не его жена, я сомневаюсь, имел бы он достаточно здравого смысла, чтобы раздеться перед тем, как принимать ванну. Я должен сказать, что я не уважаю членов королевской семьи. Они представляются мне имбецилами, потому что они женятся на своих кузинах и рожают детей с интеллектом цыплят.

С. Королева шотландка.

М. Да, она как бы исключение среди идиотов. Ее дядя, к слову сказать, был связан с нами до войны и интересовался Гитлером больше, чем король. Кусочек истории вам для пережевывания. Теперь вернемся к герцогу. Хотя, как король, он имел очень небольшую реальную власть, он мог читать все важные политические сообщения и посылал многие из них нашему послу в Лондоне. Я не думаю, что вы должны рассматривать это как потенциальную измену, но, с точки зрения короля, это было весьма полезно его немецким друзьям. Мы, конечно, были более полезны ему, но слухи, что мы подтолкнули нынешнюю герцогиню в его постель - это нонсенс. Во-первых, герцог предпочитает солдат, а во-вторых, я сомневаюсь, что он и герцогиня когда-либо спали вместе. Наблюдая за ними и читая многие страницы репортажей, представляется, что она была его мужем, но не в сексуальном смысле. Я встречал их обоих на приеме в Берлине в октябре 1937 года и действительно имел интересный разговор с герцогом. Жена, конечно, не говорила по-немецки, но герцог говорил свободно, хотя немного высокопарно. Он был на самом деле хороший и занимательный собеседник, а она сидела рядом с ним, глядя очень сосредоточенно на нас обоих. Кто-то сказал герцогу, что я - глава секретной полиции, и он хотел задать мне некоторые вопросы об английских секретных службах. Герцог чувствовал, что после депортации из Англии он был постоянно под наблюдением, возможно, МИ-6. Это, конечно,

было правдой, и я обсуждал это с ним. Было непросто для британцев присматривать за ним в Германии, так как мы наблюдали за их агентами так же пристально, как они наблюдали за герцогом. Конечно, мы использовали это тоже, и я объясню это позже.

Я находил герцога разумным интеллигентом, но не вполне нормальным. Он казался одержимым своей женой и совершенно запутавшимся в мыслях о силах, которые вынудили его отречься. Гиммлер однажды узнал, что герцог хочет поговорить со мной, и приказал быть очень осторожным. Я говорил, что герцог был ценным инструментом и важно было не напугать его, а убедить, что мы его настоящие друзья. Это было нетрудно сделать: герцог верил нам и я дал ему информацию, чтобы подтвердить его ожидания.

Его ближайший соратник, некий Бедо, был на нашей стороне в 1914 году и использовался для шпионажа в вашей стране. Позднее мы с ним ссорились по причине растраты наших фондов, но потом мы все поцеловались и помирились.

М. Я в курсе. Вы связаны с этим?

С. Нет, не лично, но один из моих начальников был связан и рассказывал мне об этом позже.

М. Ваши люди все-таки неосмотрительны. Но точно таким же был и герцог, В 1937 году у герцога не было доступа к государственным документам, его больше не принимали в Англии, новая королева ненавидела его за то, что он засунул ее тупоумного мужа на трон, и после этого между братьями началась вражда.

С. У вас такой негативный взгляд на англичан.

М. Вы знаете, что у меня гораздо более негативный взгляд на Советы, во чтобы остаться вежливым, я должен сказать совсем немного и о вашей стране, исключая дискуссию по поводу вашей привычки вешать черных, истреблять индейцев и прочее. По крайней мере, в вашей стране, если вы избираете идиота в президенты, вы можете всегда отвергнуть его по истечении 4 лет. Конечно, Рузвельт мог бы еще быть у власти, если бы его мозги выдержали.

С. Рузвельт был очень популярен в определенных кругах.

М. Конечно", и особенно в Москве. Теперь герцог вьется альбатросом вокруг шеи Англии, и я уверен, они убили бы его, если бы не опасались скандала. Они наблюдали за ним, как орел наблюдает за зайцем.

С. Вы сказали, Гитлер использовал его. Вы можете объяснить это?

М. Конечно, мы расшифровали британскую линию

агентурной связи и поняли, что ситуация в Европе накаляется. Британцы боялись, что мы можем вторгнуться к ним, и использовать герцога как номинального короля, чтобы сохранить в Англии порядок. Герцога и герцогиню встречали в Германии с большой помпой и церемониями. Поэтому, когда их поезд прибыл на Берлинский вокзал, на платформе было только немного низших служащих из английского посольства, но полный состав наших высших чинов при всем параде. О да, герцога и герцогиню встретили прекрасно: приемы, визиты к лидерам и так далее. Это привело в ярость тех в Англии, кто вынудил короля уйти, и, естественно, они начали шептать и болтать в своих клубах, что мы планируем восстановить герцога на троне и посадить его жену рядом с ним. В эти дни я имел мало прямых контактов с Гитлером, не то, что впоследствии. Но Гиммлер объяснил дело очень ясно, когда сказал, что фюрер использовал Виндзоров как карту, которую надо разыграть, когда придет время.

С. И время пришло, когда разразилась война?

М. Да, тогда карта Виндзоров была разыграна вместе с другими. Вы должны понять, что Гитлер совершенно не был настроен против Британии. Он чувствовал после Польской кампании, законченной с блеском и очевидным военным успехом, что Англия и Франция должны будут вести с ним переговоры. Все, что он хотел, - чтобы его оставили в покое и не вынуждали нападать на каждую из этих стран. Но этому не суждено было сбыться. Становилось очевидно, что переговоры невозможны, особенно покуда Черчилль у власти.

С. Я уверен, что Черчилль не хотел поражения Англии или потери ею колоний.

М. Я уверен, что не хотел, но и Гитлер не имел намерений отнять что-то у Англии или Франции. Он только хотел перевести дух и решить, должен ли он выступать против России или нет. Итак, чтобы заставить Британию сесть за стол переговоров, он прошел длинный путь к плану - очевидному плану вторжения в Англию. С точки зрения военных, такое вторжение было бы успешным, но не имело практического смысла. Но мы распространяли слухи в нейтральных столицах о готовящемся вторжении и даже напечатали тысячи специальных карт и книг для наших войск, мы допускали утечку этой информации к известным английским агентам и недружественным дипломатам. В то же самое время мы представили дело так, будто герцог станет нашим марионеточным правителем в оккупированной Англии. Все это имело некоторый эффект, а королевская семья даже строила серьезные планы улететь в Канаду. Король хотел сразу же уехать, но супруга удержала его. Как я сказал, она

грозная женщина, и, конечно, не глупая кузина Кобургов.

С. Были слухи, что герцог снабжал вашу сторону ценной военной информацией, которую он получал в то время, когда был прикреплен к штабу британских войск во Франции?

М. Да, он это делал. Он поставлял очень важные сведения о позициях войск и совместных англо-французских военных планах. Это был насущный материал, обеспечивший нам удачный прорыв к Седану в 1940 году. Кстати, герцог не отдавал эти материалы нам. Он уехал в Париж и обо всем рассказал мистеру Бедо. Герцог был такой, вы знаете. Он витал в облаках, абсолютно не контактируя с реальным миром, и, как наследник сильного трона могучей державы, чувствовал себя выше политики и большинства людей. Он не мог понять отношений между людьми. Когда я общался с ним в 1937 году, он совсем не чувствовал вины; скорее, я чувствовал себя виноватым перед ним. Он никогда не был способен понять мир за пределами Букингемского дворца. Я знал нескольких представителей королевской семьи во время моей службы, и все они были непрактичными людьми, не имеющими представления о чем-либо, кроме придворных сплетен и протокола.

Мистер Бедо приехал прямо в Голландию, в то время нейтральную, и рассказал все в нашем посольстве. В этом смысле герцог был не предателем своей страны, но абсолютно неопытным человеком, сильно озлобленным против своей семьи за то, что они его унижали. Герцог не был настроен против Англии, он только возмущался обращением с ним. Нам было велено называть его жену "Ее королевское высочество", хотя это было запрещено в Англии. Это было сделано публично, и это возмутило его врагов в Англии.

С. Документы доказывают все это?

М. Я бы так сказал. Герцог не был нацистом, но он был весьма прогитлеровски настроен, и очень сочувствовал Третьему рейху. Другое дело это то, что герцог не любил евреев и они, разумеется, не любили его. Но они были намного умнее, чем он, и знали, как остаться в тени, пока они плетут свои заговоры.

Вы должны понять, что если бы я был евреем, а тем более евреем-банкиром в Англии в те дни, я тоже был бы зол и напуган прогитлеровски настроенным королем и, несомненно, хотел бы видеть на троне кого-то другого. Но тот, кого они в конце концов получили, был маньяк в качестве премьер-министра. И напоследок война разрушила их финансовую империю, и я полагаю, что, подделывая их деньги, мы не замедляли этого процесса. Большинство людей не заглядывают далеко вперед. Даже если король носит свастику на шее и портрет Гитлера висит

над его кроватью, у него нет реальной власти в Англии и он, конечно, блокирован от любых рискованных предприятий прогерманского характера.

С. Были некоторые слухи о последних днях герцога в Испании и Португалии. Существовала версия, что вы собираетесь захватить его или что он собирается поехать в Германию, с тем чтобы ожидать возвращения через Ла-Манш в Англию в качестве короля.

М. Была такая идея, но я знаю, что Гитлер никогда не имел намерения вторгаться в Англию и герцог был только пешкой в этой игре. С тех пор как было решено не проводить вторжения, отпала необходимость держать герцога в морозильнике, чтобы вытащить его, когда он станет нужен. Но англичане верили, что мы собираемся напасть, и верили нашим подложным историям о том, что мы проводим заключительные переговоры с герцогом. Британское правительство тактично предупреждало герцога, что если он не уедет на Багамы в качестве губернатора, убьют его жену и тогда ему придется уехать. Это было бы облегчением для Берлина, так как если бы герцог прилетел в Германию, что мы должны были делать с ним? Посадить его в старый замок как бельгийского короля и выслушивать поток его жалоб на еду и сервис?

С. Вы знаете, что британцы сильно хлопотали, чтобы получить после войны максимум документов. Шла большая охота за всеми этими материалами. У нас были некоторые, и мы отдали их им.

М. Вы когда-нибудь видели какие-то из этих материалов?

С. Мы все скопировали, хотя Эйзенхауэр запрещал это.

М. Мне лично герцог безразличен. Так или иначе, по моему профессиональному мнению, он был всего-навсего тщеславным, глупым человеком, злым, но он не был намеренным предателем. Случайным - возможно, но не намеренным. Его солнце уже давно закатилось, и в любом случае все это сейчас открыто для спекуляций журналистов.

С. Британцы стали столь одержимы и скрытны по таким ничтожным поводам, что я не удивлюсь, что каждый связанный с ними видит заговор на каждом углу. Слухи из нужника, как мы называли это, определили герцога в нацистские шпионы, но я подозреваю, что вы правы.

М. Конечно, я прав. Естественно, если бы мне приказали подготовить бумагу для Гитлера, в которой говорилось, что герцог сочувствует коммунистам, я стал бы делать это без колебаний. И не поднимайте брови, когда я говорю такие вещи. Я уверен, что вы, и особенно м-р Даллес, делали то же самое. Вы

сказали то, что вы хотели сказать, и забыли все остальное. Это верно? Но в частном - в частном - разговоре мы говорим то, что мы действительно думаем, не так ли?

С. Я бы сказал, так. Но, не в обиду вам, вы всегда правдивы со мной?

М. Когда это устраивает меня и вас. Мои комментарии по поводу Виндзора не имели иной цели, нежели рассказывать вам о моих впечатлениях. Вы не собирались арестовывать его, и Гитлер больше не существует, чтобы оказывать поддержку, таким образом вердикт по поводу герцога войдет в историю надлежащим образом приукрашенным, дабы заинтересовать третьеразрядных авторов и их издателей.

Я слегка озадачен тем, что кто-то будет писать мою историю. Я буду изображен как монстр, который носится по Европе и вытаскивает у старух ногти раскаленным пинцетом. Я пытаюсь представить себе коммунистического писателя, обсуждающего меня в печати. Вам следовало бы делать записи и польстить мне в них. Я могу отдать вам царский портсигар, если вы согласны. С другой стороны, если вы когда-нибудь упомянете мое имя за пределами этого кабинета, писаки прочешут местность и найдут вас.

С. Я напишу о Моне. Но не о вас.

М. Хорошо, можете забирать Моне. Но отдайте мне Дюрера. Скажите, есть ли еще любопытствующие по поводу герцога?

С. Есть те, кто хотел бы пересмотреть ваши дела по нему. Ему был запрещен въезд в Соединенные Штаты во время войны, вы знаете. Гувер был причастен к этому, но Рузвельт приказал запретить.

М. Что же могли делать герцог и герцогиня в вашей стране?

С. Я не могу обсуждать это здесь.

М. Так, значит, вы хотите получить все виды информации от меня - и не хотите упомянуть, почему герцогу отказали во въезде в вашу страну.

С. Это неважно. Черчилль просил Рузвельта не пускать герцога и его жену. Он думал, они будут болтать о нем, если контроль будет слабее, чем это возможно на Багамах. Ничего другого.

М. Вы чувствуете, какие в конце концов простые ответы на все? Тогда мы закончим с герцогом и герцогиней и прервемся для кофе и булочек.

ПАДЕНИЕ МУССОЛИНИ

Итальянский дуче был первым союзником Гитлера, хотя, пока Гитлер не пришел к власти, Муссолини имел обыкновение высмеивать его в приватном общении. Очень мало людей за

пределами его собственного круга, которые когда-либо воспринимали Гитлера серьезно, пока стало слишком поздно, чтобы исправить этот промах. Дуче был интеллектуал, искусный политик, который когда-то был социалистом и который сформировал фашистское движение в Италии и имел несчастье руководить итальянским народом По мере того как разворачивалась Вторая мировая война, итальянская общественность, верхушка фашистской партии и представители Савойской династии наблюдали с тревогой, как итальянцы потеряли колонию в Ливии и несли серьезные человеческие потери в России, все более подвергаясь угрозе вторжения. И Мюллер и его американский интервьюер имели представление о ситуации в Италии из первых рук: один из них - о прежней, до падения Муссолини, второй - о последующем развитии событий.

С. Гестапо, как я понимаю, имело внутреннюю информацию о неудовлетворенности в Италии перед тем, как произошло падение власти Муссолини?

М. Правильно. Но не только гестапо, а почти все немецкие службы такие, как Министерство иностранных дел, абвер, СД и так далее. Было очевидно, что существовало значительное сопротивление идее дальнейшего участия Италии в войне и также возрастала неудовлетворенность самим Муссолини. В 1942 году ему было 60 лет, его мучили боли в желудке, которые возникали, возможно, на почве истерии.

С. У Гитлера были подобные проблемы, не так ли?

М. Да, верно Морелль, его доктор, говорил мне, что он не может понять, как Гитлер до сих пор жив. Гитлер должен был все успеть, и груз работы был достаточным для того, чтобы убить большинство других людей. Я думаю, что то же самое применимо и к Муссолини, даже в большей степени, так как он осознавал, что руководство хочет избавиться от него. Гитлер, несомненно, поддерживал его, и Муссолини чувствовал, что сильное немецкое присутствие в Италии может предотвратить государственный переворот. С другой стороны, для меня было очевидно, что итальянцы ненавидели нас и наше присутствие могло иметь негативный эффект. К слову, эта враждебность восходит корнями к немецкой победе при Капоретто в войне 1914 года, когда австрийцы призвали нас поддержать их против итальянцев. Мы нанесли им сокрушительный удар и ужасно унизили их. Они никогда не простят нам это.

С. Они были не лучшими солдатами, прямо скажем. Я вспоминаю допотопную греческую армию, сдерживавшую их неделями в 1941 году.

М. Греки в конце концов сдались нам... Зеппу Дитриху,

собственно говоря... и я знаю, что Гитлер искренне уважал их и был взбешен, что Муссолини напал на них. Это перевернуло его планы на востоке, он предпочитал греков, а не итальянцев в любом случае. Нет, они были не лучшими солдатами. На юге, на Балканах, они могли либо безжалостно убивать отдельных людей или призывать их на военную службу для мародерства. Было бы намного лучше для Германии, если бы Италия не вступала в войну и оставалась нейтральной. Ведь по-прежнему сохранялась возможность, что Италия может изменить свою ориентацию без предупреждения.

С. Наполеон однажды сказал, что если итальянцы заканчивают войну на той же стороне, что и начали, они, должно быть, поменяли сторону дважды.

М. Прозорливый человек. Сам итальянец, разве нет?

С. Не говорите этого французам.

М. По-моему, лучше ничего не говорить французам, но я определенно предпочту их как военных союзников итальянцам. Они хорошие солдаты и не судите их за действия в 1940 году. У них не было реального интереса в этой войне, англичане втянули их в нее, а йотом оставили расплачиваться за последствия.

С. Чтобы вернуться к Муссолини, опишите ваши собственные наблюдения за крушением фашизма.

М. Он исчез в считанные секунды, как облачко сигаретного дыма на ветру. Просуществовав 21 год, испарился мгновенно. Демонстрирует непостоянство вещей, не так ли? Наблюдения... Партийные руководители, особенно Дино Гранди, спорили с Муссолини годами. Они с самого начала сопротивлялись войне, как и король и его окружение. И я в самом деле не могу им вменять в вину их взгляды, но раз уж Италия приняла нашу сторону, мы не могли просто разрешить ей уйти. Готовилось вторжение в страну, и нам пришлось бы тогда сражаться еще на одном фронте. Лучше было удерживать итальянцев в войне, несмотря на их чувства, так что в конце концов теоретически они должны были бы поддержать нас. Но как только стало очевидно, что) они потеряли свои владения в Африке я их (бомбят, любая реальная поддержка Муссолини пошла на убыль. Большинство заговоров, направленных на то, чтобы свергнуть его и утвердить мир, исходило от их короля. Это единственное, что я знаю об этом. Очень маленький человек, скрытный и абсолютно недоверчивый. Он и его окружение ненавидели нас и только и ждали шанса, чтобы сбросить Муссолини и сдаться союзным силам. Они могли не переживать по поводу того, что русские могут вторгнуться к ним, так что выбор был простым. Британцы были очень близки к королевскому окружению и несколько раз

пытались подкупить короля, чтобы Италия вышла из войны. Сам Черчилль принимал в этом участие. Он проделывал это во время войны 1914 года и надеялся повторить это опять. Были кое-какие письма...

С. О да, раз вы закончили с этим, мы могли бы поговорить о них. У вас они, может быть, имеются?

М. Нет, а у вас?

С. Нет. Мы, конечно, приложили немало усилий в этом направлении. Мы думали, что они у Муссолини, и поэтому его застрелили. Пожалуйста, продолжайте.

М. Вы знаете, что мы захватили архивы итальянского Министерства иностранных дел, но множество значительных документов пропало. Я должен сказать это здесь: итальянцы были с нами абсолютно вероломны. Монархисты хотели скинуть дуче в качестве гарантии продолжения царствования Савойской династии. Фашисты хотели сбросить его, поскольку тогда они остались бы у власти, а армия поддерживала короля. В октябре 1942 года Гиммлер отправился в Рим, чтобы своими глазами увидеть, что происходит. Гитлер попросил его об этом, ведь Гиммлер имел нюх на заговоры, потому что постоянно строил свои собственные. Может быть, он надеялся подобрать парочку идей для собственного государственного переворота- кто знает? Я был в Португалии примерно в это же время, и моя информация о визите была из вторых рук. Чиано, министр иностранных дел, явился на станцию, устроил большой прием с множеством фальшивых улыбок и чуть ли не клятв верности. Гиммлер не был дураком, но из его последующих слов, сказанных мне, было видно, что ему так же плохо, как маршалу Кессельрингу, который отказался верить, что итальянцы нарушили слово, данное ему, о прекращении сопротивления.

Наши люди в Риме были не из лучших, что и говорить. Долман из СД торговал произведениями искусства, он полностью итальянизировался, я его ненавидел. Капплер был на своем месте, но Канарис стремился скинуть Муссолини и установить сепаратный мир. Я говорил вам, что Гиммлер хлебнул горя, составляя свое мнение обо всем этом. После падения Муссолини, когда мы должны были наконец оккупировать Италию, нас очень слабо поддержали или вообще не поддержали те, кто рассматривал нас как причину превращения их страны в поле битвы. Настоящие проблемы исходили так или иначе от коммунистов, которые проявили себя весьма жестокими, как и обычно. Они взорвали бомбу на улице Расселла в марте 1944 года и убили более 30 солдат СС, возвращавшихся в казармы после учебных стрельб. Спалить их всех в аду было бы мало, чтобы

заплатить за этот инцидент. Гитлер потребовал расправы, на которую по международному законодательству он имел право. Заложники, в основном заключенные коммунисты, были взяты в соотношении 10 к 1 и расстреляны Капплером, действовавшим по специальному приказу сверху. Даже Папа Римский не имел возражений по этому поводу, потому что, если вы знаете, Пачелли в должности нунция находился в Германии во время коммунистического террора в нашей стране и был в ужасе от этого. Однажды он дал мне аудиенцию, и должен сказать, что его мнение по этому вопросу было очень жестким. Так что 300 или более бандитов были вывезены в карьер и расстреляны.

После этого Рим стал намного спокойнее, но на севере было больше проблем с коммунистами.

С. Вы знаете о бригаде "Красная звезда"? Я имел некоторые дела с ними, когда был в ОСС.

М. Где они были?

С. Недалеко от Болоньи, в горах. Монте-Соле, Марцаботто.

М. Вероятно, нет. Там было, я вспоминаю, большое восстание в этой области в сентябре или октябре 1944 года. Это могли быть подразделения "Красной звезды".

С. Коммунист, прозванный Волк, El Lupo, возглавлял его.

М. Я не говорю ио-итальянски. По-немецки, по-прусски, по-английски, конечно, когда мне нужно, и немного по-русски. Так вот: "Народная бригада Минска", к примеру. Это была горстка напуганных крестьян, фанатичных коммунистов и мальчишек. Всего человек 30. Вы знали об этих людях? Зачем тогда вы спрашиваете меня?

С. Якобы тысячи мирных итальянцев были истреблены ОС в конце 1944 года.

М. Тогда люди уничтожались везде. Французы и итальянцы срывались после того, как мы покидали оккупированные территории, и зверски убивали друг друга за старые долги, по политическим соображениям, по поводу собственности на корову и так далее. Я думаю, что, если в данном случае было бы подобное смертоубийство, я бы слышал об этом, но я что-то не припоминаю. Это не означает, что ничего не было, но о стольких смертях мы бы должны были знать. Вы знали мистера Волка?

С. Мы взаимодействовали с ним и поставляли вооружение.

М. Которое они сейчас используют против вас или итальянского правительства, что одно и то же.

С. Я так не думаю. Эти подразделения полностью были стерты с лица земли карательными отрядами

М. Неплохо для наших карательных отрядов. Если вы полагаете, что я зарыдаю, то не ждите. Вы знаете мои взгляды на

бандитизм. Теперь все эти криминальные элементы переключатся на американцев и будут ночью им втыкать ножи, а вы придете к нам за советом, если не за помощью.

С. Почему, вы думаете, я здесь?

М. Я думаю, что это очевидно. Что-нибудь еще по поводу Муссолини?

С. Я повял, что он хотел бы уйти на покой после того, как Скорцени спас его из заточения в горах.

М. Точно. Его больше не интересовало все это. И Скорцени почти убил его, взяв с собой в самолет, когда тот взлетал с посадочной полосы.

С. Было бы лучше, если бы Муссолини умер тогда.

М. Я сказал вам, что итальянцы были коварными, разве нет? Повесить его на площади как дохлую корову! Что вы мне собирались сказать о его бумагах?

С. Ах, да! ОСС был чрезвычайно активен в северной Италии, и мы должны были по специальному приказу высших властей схватить Муссолини и попытаться найти документы, которые исходили от Черчилля. В приказе значилось сначала найти бумаги, а затем сразу же убить Муссолини. Они оба - Рузвельт и Черчилль - ненавидели его.

М. К тому времени Рузвельт был мертв.

С. Да, но Черчилль не был мертв?

М. Вы поймали его?

С. Нет, мы работали с группами партизан-коммунистов, которые в действительности произвели захват, а мы занимались поиском бумаг и не нашли их. Мы приказали коммунистам убить его так быстро, как это было возможно, вместе с любым, с кем они поймают его, и оставить себе золото, которое они найдут у него.

М. Его любовницу также убить, я полагаю.

С. Таков был наш приказ.

М. Довольно варварский, не так ли?

С. Совсем нет... Это была война.

М. Совсем не так. Вы что, убивали невооруженных старых итальянцев или женщин, потому что какой-то сумасшедший от политики приказал это?

С. Вы что, не проделывали таких же вещей?

М. Не лично и не по такому поводу. И вы не нашли никаких бумаг, не так ли?

С. Нет, не нашли.

М. Таким образом, вы убили их ни за что.

С. Перейдем к другому. Ваши люди нашли эти бумаги?

М. Вы уже спрашивали меня об этом.

С. Но вы не ответили?

М. Я не помню ничего об этом.

С. Генерал, вы помните все. Я уверен, вы помните все адреса тех домов, где вы когда-либо жили, номерные знаки всех машин, которыми когда-либо владели, все ваши телефонные номера и даже дни рождения ваших домашних животных.

М. Теперь вы мне льстите. Я действительно помню многие вещи, но не все. Своевременная потеря памяти - это удобное качество, которое очень вам рекомендую. Мы не будем обсуждать дуче и его документы, потому что в этом я не могу вам помочь. В память о том, как вы жили в Италии и получали удовольствие от итальянцев, я мог бы заказать моему повару приготовить для вас прекрасный итальянский завтрак.

С. Было бы прекрасно, если бы у нас были документы.

М. Было бы еще прекраснее, если бы мы поговорили о другом. Мы закончили с Муссолини?

С. Может быть, еще немного о расстрелах в Риме. Кто отдавал приказы об этом?

М. Эти приказы исходили от Гитлера и направлялись городскому коменданту Рима, генералу Люфтваффе, и также от Гитлера к Гиммлеру и от него к СД в Риме, которым руководил Капплер. Знал ли я об этом? Конечно, знал. Я сказал Гиммлеру, что мы могли бы согнать всех коммунистов в Риме и присоединить к остальным. Но он не соглашался со мной. Я временами пугал Гиммлера, так как знал, что он верит мне. Гиммлер был как школьный учитель: приличный, педантичный, всегда правый. Если бы он последовал моему совету, Италия была бы более стабильной сейчас, разве нет? Или я обижаю вас, человека, который снабжал коммунистов оружием и, возможно, ел с ними жареные сосиски, сидя у костра? Прямо как бойскауты, не правда ли?

Было приказано расстрелять любого офицера связи союзников. Мы истребили некоторых в Югославии. Итальянские гарнизоны на некоторых островах восточного Средиземноморья не только сдались британцам, но и предлагали сражаться с нами. Когда мы вновь захватили эти острова, такие, как Лерос и Кос, мы относились к британцам, которых мы взяли, как к законным военнопленным, но расстреляли всех итальянцев, включая даже одного адмирала.

Могу рассказать вам об одном из таких эпизодов. Я замещал Гиммлера и в это время получил телекс об итальянцах, задержанных нами. Я помню свой ответ: "Расстреляйте большинство немедленно". Я не шокировал вас? Вы выглядите расстроенным. Вы слишком много съели во время завтрака? Я

полагаю: то, что мы делали, было ужасно, но если и вы педали это, значит, это было абсолютно допустимо и даже похвально.

После Дьеппа мы допросили многих канадских пленных, и когда я узнал о приказах коммандос убивать заключенных или любых мирных жителей, попадающихся на их пути, я доложил Гитлеру: это бандиты. Это не боевые действия, а гангстеризм. Они должны быть немедленно расстреляны. Гитлер был в принципе согласен и отдал приказ. В октябре, я думаю, 1942 года он приказал этих коммандос (но только не настоящих военнопленных) расстреливать при задержании. Это правила военных действий, в конце концов, принятые как кодекс и практикуемые между цивилизованными людьми. По крайней мере между людьми, которые были цивилизованными. Большинство этих жестокостей началось в 1870 году, когда коммунары во Франции начали стрелять в немецких солдат, одетых в гражданское. Они были незамедлительно расстреляны за это, как только мы поймали их. Я должен отметить, что это незаконно, когда мирное население убивает солдат.

Когда Гитлер приказал расстреливать беглых английских военнопленных, это делалось не моими людьми, и я сильно возражал и говорил, что это право заключенных - попытаться сбежать. Рейхсмаршал соглашался со мной, но Гитлер не поддавался, и все было так, как было. СД делало свое дело. Я находил это возмутительным, но, естественно, ничего не мог поделать с этим. И если Рузвельт приказал убить Муссолини вместе с его любовницей, вы также подчинялись вашим приказам, не правда ли? Конечно, в итоге мы проиграли войну.

Что же до Муссолини, я думаю, в начале 20-х он впечатлил большинство итальянцев и был человеком момента, подобно Франко в Испании. Обе страны были в состоянии хронического переворота, обусловленного в обоих случаях отсутствием сильного централизованного правительства и постоянной агитацией коммунистов. Тем не менее сравним Испанию и Италию, Франко и Муссолини. Один оказался втянутым в войну на стороне Германии, которая, естественно, закончилась воздушными налетами союзных сил и ужасными разрушениями. Италия должна была остаться нейтральной. Муссолини завидовал Гитлеру и жаждал военных побед, а убийство черных в Эфиопии было не совсем то. Если бы он удержался и не ввязывался в избиение Франции, как шакал, или держался подальше от Греции, или сохранил нейтралитет Италии и ее жизненные стандарты, он мог бы до сих пор быть у власти, вместо того чтобы быть повешенным за ноги на автозаправочной станции. Стали бы ваши войска вторгаться в Италию? Страна трудна для вторжения,

если она гористая; никто не стал вторгаться и в Испанию. Конечно, испанцы более грозные воины, чем итальянцы, но это не доказано. Это не моральная проблема, в конце концов, так как мне известны факты, подтверждающие, что Черчилль и Рузвельт всерьез подумывали о вторжении в нейтральные Португалию, Ирландию, Азоры, Канарские острова, и кто знает куда еще. Нравственность не могла их удержать. Разве что логистика.

Нет, если бы Муссолини не влез в войну, Гитлер был бы рассержен, но Италия избегла бы кошмара воздушных налетов, нападения на мирных жителей и разрушения великих произведений искусства. Помимо того, многие из наших союзников были менее чем бесполезны на фронте. Шведы, датчане и валлоны были первоклассными солдатами, но крушение под Сталинградом - на совести итальянцев, именно они привели к катастрофе, и вам известно, как их разгромили британцы в Ливии. Они потеряли все свои колонии, а если бы не вступили в войну, то, возможно, все еще владели бы ими и оставались доминирующей силой в Средиземноморье. Теперь они ушли навсегда, британцы потеряли свою власть, и вопрос закрыт, и этот район слишком далек от вас, чтобы всерьез беспокоиться. Там царит вакуум, и одно интересно: кто или что заполнит его? Британцы нанесли поражение коммунистам или, вернее сказать, Сталину в Греции, так что, возможно, не русские. Может быть, евреи получат сильное, полновластное государство, но, учитывая их малое количество, скорее, это будут арабы. Особенно если у них начнется что-то вроде религиозного возрождения. Новое еврейское государство могло бы стать толчком к этому, но я не вижу ничего хорошего от подобного возрождения. Вспомните, что произошло, когда сторонники Мухаммеда вышли за пределы своих границ.

Я знаю, что Черчилль имел контакты с Муссолини, пытался подкупить его и принудить к выходу из войны, и я полностью принимаю ваши комментарии о приказе убить дуче, чтобы заполучить документы и заставить его молчать. Муссолини был человеком с характером, я встречался с ним несколько раз. Он не произвел на меня дурного впечатления, и его кончина была, отвратительной.

С. Я надеюсь, что этот камень не в мой огород.

М. Отнюдь не в ваш. Я имел в виду коммунистов. Вы могли поощрять их, но я сомневаюсь в этом. Никому и никогда не нужно было поощрять коммунистов убивать людей.

ВЗРЫВНАЯ КАРЬЕРА

Профессиональная карьера Мюллера была отмечена взрывами бомб.

М. Я не считаю себя экспертом по взрывчатым веществам ни в коем случае, но спустя годы я стал довольно образованным в этом вопросе, поверьте мне.

С. Дело 20 июля, к примеру?

М. Да, и это тоже, но были и другие. Я был серьезно вовлечен в проект "Гинденбург" в 1937 году.

С. Я думаю, это была авария. Статическое электричество.

М. Нет. Это была бомба. Как это ни странно, и ваше правительство, и наши молчуны согласились, что авария - самая лучшая официальная версия. На самом деле, это было перед "Хрустальной ночью", и мы работали вместе с вашими следователями на месте или, вернее сказать, они разрешили нашим людям прийти и помогать. Тогда это держалось в тайне.

С. Я когда-то путешествовал на "цеппелине" и искренне полюбил такие путешествия.

М. Я тоже, хотя мне было очень трудно приспособиться. Я пользовался и другими средствами передвижения по воздуху, но только этот дает незабываемые ощущения. Плохо, что эти воздушные суда больше не выпускают. Конечно, если бы ваше правительство обеспечивало нас тогда гелием, катастрофа бы никогда не случилась.

С. Как вы узнали, что это была бомба, и на ком лежит за это ответственность?

М. На первый вопрос. Потому что это было официальное, но конфиденциальное заключение, а что до второго, то, признаюсь, никто не знал. Были серьезные догадки, но ничего неопровержимого. Начнем сначала. Гитлер не терпел саботажа, и мы были вынуждены проводить расследование. Бомбы применялись и ранее, вы в курсе, и гестапо было ответственно за то, чтобы обыскать багаж всех пассажиров, садящихся на дирижабль в Германии. Были интересные факты, касающиеся этого дела, что вам известно об этой катастрофе?

С. Ничего другого, кроме того, что корабль загорелся во время посадки.

М. Тогда я должен просветить вас. "Гинденбургу" угрожали и ранее, и мы провели жесткую проверку багажа в Германии. В пути дирижабль столкнулся с очень плохой погодой и сильным ветром, это задержало его почти на 12 часов. Предполагалось прибыть в Америку и приземлиться в 6 часов утра, но вместо этого произошла задержка до 6 вечера, и только в это время кораблю представилась возможность приземлиться. У нас была возможность опросить немцев, которые были на борту, включая пассажиров и команду. Все показания офицеров, управлявших дирижаблем, и команды сводились к тому, что произошел

небольшой взрыв внутри одного из гигантских газовых резервуаров, но не наверху корабля. Вы видели выброс пламени наверху, но пожар начался под кораблем. Были три человека в хвосте, и двое из них абсолютно уверены в том, что возгорание началось именно так. Офицеры также подтвердили, что не было зарегистрировано утечки газа на панелях управления и что посадка проходила абсолютно нормально - до момента взрыва.

Ваши люди и наши изучали обломки и не смогли найти ничего значительного, например частей бомбы или часового механизма, но многие уносили сувениры, и пламя было очень высокой температуры, так что маленький таймер могли не заметить или он был украден или разрушен. В конце концов, взрывное устройство на таком воздушном корабле не обязательно должно быть большим или очень мощным, достаточно, чтобы взорвать газовый резервуар. Несколько унций порошка, батарея и детонатор - этого достаточно. Я мог бы положить такого рода устройство в карман пальто, и вы, возможно, не заметили бы его. Естественно, мы не обыскивали пассажиров на борту. Нет, я просмотрел все показания и даже протоколы бесед с конструкторами самолетов, и я уверен, что именно бомба разрушила "Гинденбург", Конечно, из политических соображений было бы лучше назвать это аварией.

Я могу сказать: я твердо верю, что бомба была подложена на борт "Гинденбурга" до того, как дирижабль покинул Германию. На обратный рейс все билеты были распроданы. Здесь кроется ключ к разгадке. Далее. Дирижабль опоздал на 12 часов. Я уверен, что член экипажа или пассажир мог положить бомбу туда, где она должна была взорваться, но я не могу поверить, что кто-то был настолько сумасшедшим, чтобы оставаться на борту в тот момент, когда произойдет взрыв. Если кто-то, отправляющийся из Германии, подложил бомбу до того, как случилась задержка рейса, я уверен, он мог бы вернуться и забрать бомбу. Я не думаю, что кто-то хотел сгореть заживо.

Итак, если бомбу подложили в Германии, злоумышленник не знал заранее, что корабль опоздает на 12 часов. Эти средства передвижения достаточно надежны и довольно точны по времени, плюс-минус час или около того. Но он опоздал на 12 часов. "Гинденбург" должен был приземлиться в 6 часов утра, высадить пассажиров, заправиться горючим, запастись провизией и быть готовым к полету обратно - не более нескольких часов на все это, и он улетит. Только на этот раз был обеспечен полный комплект пассажиров - в основном состоятельные американцы, которым было необходимо попасть на коронацию в Лондоне. Я сказал, что имел возможность опросить всех немецких пассажиров на

роковом рейсе, которые уцелели, но я не мог притронуться к спасшимся американцам, так что здесь остался пробел. Но по-прежнему вопрос времени это то, что реально важно.

Теоретически, если бы дирижабль не попал в воздушное течение, "Гинденбург" был бы на обратном пути полон народу, и когда произошел взрыв возможно, никто не уцелел бы и не осталось бы никаких доказательств. В конце концов, когда "Гинденбург" загорелся, потребовалась бы минута или около того, пока он не исчез бы в океане, без единого корабля в поле зрения, лишенный возможности послать призыв о помощи. Он мог бы погрузиться в пучину и стать еще одной загадкой моря.

Если в этом состоял план, почему бомба попала на борт в Германии в надежде, что корабль взорвется на пути из Америки? Кому нужно было, чтобы это выглядело как саботаж, идущий с вашей стороны, а не с нашей? Это может указывать на некий заговор в Германии, инспирированный вашей страной, хотя в тот исторический период не было веских причин для этого. Многим из ваших граждан не нравился Гитлер, но настоящие страсти еще не накалились. И в планы евреев вряд ли входило взорвать американцев, а только проклятых нацистских пассажиров.

Я достал и внимательно изучил список тех, кто собирался пуститься в обратное путешествие, большинство были состоятельные американцы, как я уже сказал. У нас наладилось тесное сотрудничество с вашими подразделениями, я просил отметить для меня тех субъектов, чья смерть могла бы иметь ценность для кого-то еще. Это должен быть человек, имеющий связи в Германии. И кто мог бы принести на борт бомбу с часовым механизмом, которая сработала бы во время возвращения "Гинденбурга".

С. Здесь вопрос: вы сказали о часовом механизме. Существовали ли подобные устройства, которые могли работать 2 или 3 дня?

М. Конечно. У нас было примерно такое же устройство, мы называли его J-Feder 504, которое могло работать до 21 дня. Мы использовали его, чтобы взорвать в Неаполе почту в 1944 году. Маленькое устройство, которое я мог легко держать в руке и еще осталось бы место для хорошей сигары. Его можно было, скажем, установить на 16 дней, 5 часов и 3 минуты. Разве не великолепно?

С. Вы кого-то подозревали?

М. Ничего важного по этому вопросу. Личная выгода - это основной мотив, насколько я понимаю, а не политические возражения против свастики. В страховых полисах в некоторых случаях фиксируется условие об аннулировании выплат в случае террористического акта. Это было бы поучительно - сравнить список пассажиров с этими полисами и, конечно, учесть родственников и супругов, которые могли бы получить выгоду от такой внезапной трагедии. Затеряться над морем и никогда не быть найденным.

С. В Америке существует период ожидания - 7 лет.

М. Я уверен, что-нибудь было бы найдено в доказательство того, что дирижабль был взорван. Какие-нибудь обломки в воде, тела или части тел. Я достаточно уверен, чтобы убедить кого угодно, что со всеми пассажирами было покончено и все оказались или на дне моря, или в брюхе акулы. Все это

предположения, в любом случае. И, конечно, я могу ошибаться в своих догадках. Здесь мы имеем дело с мнениями и наблюдениями, а не с юридическими фактами. Взрыв в пивной "Бюргербрау" - еще один случай, но вначале я тоже был в заблуждении.

С. Теперь меня будет интересовать и это. Один в 1939 году?

М. Я не знал, что было два таких взрыва.

С. Я уверен, вы знаете, что я имею в виду. Покушение на жизнь Гитлера в Мюнхене.

М. Я думал, что могу пропустить некоторые события. Хорошо, мы можем поговорить и об этом, если вы хотите. Что вы знаете об этом деле? Это могло бы сохранять мне время.

С. Ничего официального, но я слышал, что за этим стоит больше, чем убийца-одиночка.

М. Я бы попросил вас дать мне свою версию того, что случилось 8 ноября 1939 года.

С. Гитлер выступал с речью перед группой членов партии в мюнхенском пивном зале, уехал рано, бомба взорвалась, и крыша рухнула как раз в том месте, где стоял Гитлер. Ваши люди думали, что за этим стоят британцы, похитили Беста и Стивенса из Голландии и судили человека, которому приписали, что он подложил бомбу.

М. Да, абсолютно точно. Многих удивил быстрый отъезд Гитлера и его короткая речь той ночью... он мог говорить часами... но мне достоверно известно, что он только что установил новую дату для наступления на западе и был обязан вернуться в Берлин и следить за событиями. У меня тоже возникли некоторые сомнения по поводу этого короткого выступления, но мне сразу же все стало ясно. Он прилетел в Мюнхен из Берлина, из-за плохой погоды распорядился подготовить специальный поезд, чтобы вернуться. Однако у железнодорожников было свое расписание... было, в конце концов, регулярное движение поездов, и это приходилось учитывать... и лучшим выходом оказалось сделать выступление короче. И получилось, как вы говорите: бомба взорвалась через 10 минут после того, как Гитлер уехал. Возникла большая суматоха.

Меня вызвали вместе с другими официальными лицами полиции высокого ранга. Мюнхен был в смятении. Вы знаете, охрана Гитлера в пивном зале была из партии. В его штаб-квартире - из армии, а во время передвижения это были люди из RSD (государственная служба безопасности). Это была группа очень профессиональных должностных лиц полиции, в основном баварцы, они постоянно были вокруг фюрера, и ими командовал не Гиммлер, а Раттенгубер. И он отчитывался только перед

Гитлером и ни перед кем более. Они были действительно профессионалами, но ни они, ни гестапо, которое также было связано с охраной Гитлера, не были допущены внутрь здания, где была бомба. Мои люди и RSD вместе должны были отвечать за случившееся.

После взрыва пограничники, которые также подчинялись мне, на границе со Швейцарией схватили Эльсера и выяснили, что он имел документы, доказывающие его участие в этом преступлении. Эльсер утверждал, что он работал в одиночку, и Гиммлер был в ужасной панике по поводу этого, потому что Гитлер был абсолютно уверен, что за этим стоят британцы. СД играли с британской разведкой в Голландии, притворяясь врагами Гитлера для того, чтобы добыть от них информацию, и это дало Гитлеру все основания полагать, что британцы причастны. Два главных британских агента были похищены, и я лично допрашивал их. Я должен признаться, что верил им, когда они утверждали, что не знают ничего о покушении, но Гитлер не верил. Я был убежден, что Эльсер не мог действовать в одиночку, и был очень резок, допрашивая его. В итоге ему удалось убедить меня, что он действительно сделал бомбу и подложил ее в зал. Он доказал мне это тем, что в самом деле сконструировал точную копию бомбы, сидя напротив меня. Я хранил это у себя в Берлине какое-то время, чтобы не спешить с выводами.

В конце концов, как это ни странно, оказалось, что Гитлер был абсолютно прав: британцы действительно были замешаны в покушении, но не через свои обычные разведывательные агентства.

С. Вы уверены? Вы получили всю историю от Эльсера? И что случилось с ним?

М. Его не пытали, но держали в Дахау, и в последние недели войны я расстрелял его. Он работал с британцами, хотя и не осознавал этого полностью в то время. Причина, по которой я расстрелял его, состояла в том, что человек, действовавший в качестве посредника между ним и британцами, был агент гестапо из Мюнхена. О да, не смотрите так испуганно. Я знал, что Эльсер был довольно долго безработным, однако у него, судя по всему, было достаточно денег для того, чтобы путешествовать, снимать жилье и питаться. Я хотел выяснить, откуда все это, а он все время говорил о каком-то своем друге. Он не знал настоящего его имени, но он припоминал, что, когда снимал квартиру вблизи Мюнхена, его друг был знаком с хозяином.

Хозяин в конце концов вспомнил, что это был за человек - друг Эльсера. Большой шок ждал меня, когда я узнал, что он был из гестапо, но ушел на военную службу. Если бы это

обнаружилось, моя репутация оказалась бы подмоченной. Вот почему мы выследили этого человека и я захватил его, когда он пришел домой в специальный отпуск, который я и устроил. Он намочил штаны, когда его схватили и запихнули в машину. Я имел приятную дружескую беседу с ним. После того как я описал ему в подробностях, что я собираюсь с ним сделать, он начал давать показания. Он совершил неразумный поступок несколько лет тому назад, и британцы узнали об этом. К нему обратились и стали принуждать к сотрудничеству. Либо работать на британцев, либо оказаться в нашей тюрьме. Стоит пояснить: этот человек был замечен в сексуальных отношениях с очень молодой девушкой. Это, конечно, уголовный случай для Германии, как и для большинства цивилизованных стран. Конечно, как известно, Берия мог насиловать всех особ женского пола старше 3 лет и получать при этом повышение по службе, но в цивилизованных странах такие вещи воспринимаются с отвращением. Если бы я узнал о подобных проступках уголовного порядка, я бы вернул несчастного монстра в криминальную полицию с жесткими рекомендациями: укоротить его на голову. Человеку на моей должности часто приходится иметь дело с отвратительными существами для получения информации, но уверяю вас, что я не перевариваю всех этих растлителей малолетних. Вы можете сказать, что это лишь мое убеждение, что насекомые, подобные этому, должны быть уничтожены, но даже в Германии, как ни странно для вас, у нас были суды и правовая система. Нет, этот бывший сотрудник гестапо, я думаю, боялся гораздо больше того, что я мог с ним сделать, если он втянет работать на британцев. И еще был британский чиновник-дипломат в Берлине, он хотел убить Гитлера, и у него была возможность привести этот замысел в исполнение,

С. Это был британский чиновник? Британцы санкционировали этот заговор против Гитлера?

М. Нет, они этого не делали. На самом деле они, по всей видимости, были абсолютно против этого, но этот британец решил сделать это в любом случае. Вы продолжаете прыгать вверх-вниз в вашем кресле, но позвольте мне успокоить вас, сообщив, что это был полковник Мэйсон МакФарлэйн, английский военный атташе в Берлине!

С, Боже, я знал его по Италии. Он имел отношение к капитуляции Италии и быв полнейшим, обструкционистским ослом. Он написал документы для итальянцев, которые были полностью противоположны официальной политике, и сделал это намеренно. Я встречался с ним однажды, и он был чрезвычайно высокомерный и, возможно, неуравновешенный человек. Он был

комендантом Гибралтара и другом Черчилля.

М. Комендантом Гибралтара он действительно был. Он находился там, когда Сикорский так удачно попал в аварию, так ведь?

С. Да, именно так.

М. Итак, к тому времени мы узнали о вашем друге-генерале, что он уже покинул страну. Я уверяю вас, несмотря ни на какую дипломатическую неприкосновенность, если бы я узнал об этой связи раньше, он бы уехал домой в ящике, поделенный на кусочки. Он был калекой, насколько я помню, и одна нога или две - не было бы большой разницы.

С. Я должен сказать, вы весьма кровожадны сегодня, генерал. У вас что, было сырое мясо на завтрак?

М. Нет, омлет, кофе с двойными сливками, две свежих булочки и консервированные фрукты.

С. Что произошло с человеком из гестапо?

М. Невезучему насильнику детей было сказано, что мы пока не станем упекать его в тюрьму и он должен оставаться в Мюнхене, под наблюдением. Однажды зимней ночью он решил пересечь Изар по мосту рядом с национальным музеем. Двое моих людей шли перед ним, и двое были за ним. Это было очень заметно, и нет сомнений, он обнаружил, что не один, так что, я предполагаю, это явилось причиной того, что он внезапно прыгнул через высокий парапет, провалился сквозь лед на реке и утонул, прежде чем его спасли. Его нашли весной под дамбой, когда он оттаял и начал вздуваться. Была заметка в газете о солдате в отпуске, с которым произошел несчастный случай. Я участвовал в написании этой заметки, но я не посылая цветов на похороны. Если бы мы возбудили против него судебное расследование, тогда выплыла бы его связь с гестапо, помноженная на растление малолетних и измену Родине, а так кто узнает?

С. Возможно, никто. Были другие несчастные случаи, подобные этому?

М. Шесть всего, все связанные с этим делом. Два сердечных приступа, одно дорожно-транспортное происшествие, когда велосипедиста задавил большой грузовик, одно самоубийство... нет, два самоубийства и один человек, который упал в озеро Аммер и никогда не был найден. Я полагаю, вы вините во всем этом мои завтраки, так ведь?

С. Я лишь немного пошутил.

М. Вы не одобряете мои взгляды на педофилов?

С. Боже правый, нет, конечно, нет.

М. Есть в обществе хищники, которые должны быть удалены

тихо, чтобы не вызывать обсуждения. Вы можете комментировать все, что вам угодно, говорить о законности и благопристойности, но это определенно не изменит моего мнения. Я действительно затрудняюсь сказать, что хуже: жестокое обращение с детьми или измена Родине. Я думаю, мы просто должны убить большинство таких и позволить дьяволу решить их проблемы.

КАЖДОМУ ПО ПОТРЕБНОСТЯМ

В современной истории использование мирных жителей для нападения на наступающую или оккупирующую армию началось во время Франко-прусской войны 1870 года. Это было возведено в ранг искусства коммунистами при построении их империи и в 1948 году стало предметом некоторого интереса США, чьи разведывательные агентства учитывали использование таких же методов против коммунистов в Европе на случай советского нападения. Вьетнам, Афганистан и различные "горячие точки" в Центральной Америке были еще в будущем.

С. Наше управление особенно не касалось партизанского движения, тем не менее вы имеете некоторое представление об этом?

М. Именно некоторое. Во Франции и Греции у меня был кое-какой опыт и меньший, возможно, в Италии. Остальная Европа была относительно спокойна, но я не рассматриваю Балканы как часть Европы.

С. В случае, если русские начали бы военное продвижение в Европу, мы знаем, они нашли бы широкую поддержку своей агентуры в этих регионах.

М. Естественно. Они имеют во всех странах, включая вашу, кадры, которые ждут приказов из Москвы по поводу того, когда и где бастовать. Пожалуйста, заметьте, что все приказы бандам большевистских приверженцев приходят только из Москвы. Местному командованию не предоставляется никакой свободы. Сталин никогда не разрешал независимых действий.

С. Вы имеете представление об этих скрытых группах?

М. Это было затруднительно, пока они не начали поднимать головы. Во Франции, например, мы знали, что было несколько коммунистических групп, но, пока мы не напали на Сталина в 1941 году, у нас с ними не было никаких проблем. Даже напротив. Французским коммунистам было приказано сотрудничать с нами, и они подчинялись. После июня 1941 года они стали нашими врагами и спровоцировали нас предпринять акции против всего французского населения, но немецкие оккупационные войска имели приказ вести себя сдержанно с гражданским населением и исполняли его.

С. Французское Сопротивление было довольно мощным, не

так ли?

М. Чепуха. И наши контрразведывательные управления, и французская полиция имели мало проблем с ним. Там было, в конце концов, всего несколько тысяч человек, и они были не слишком эффективны. Я читал в послевоенных книгах о грандиозных битвах" но я могу сказать вам, что все это чушь. Так называемое движение Сопротивления было разделено между голлистами и коммунистами, и они доносили друг на друга немцам или французам.

С. Вы разгромили их в конце концов. Я читал, что 50 000 французов были казнены за участие в Сопротивлении...

М. Какие глупости! Не более нескольких сотен в лучшем случае. Я должен был прочитывать тысячи отчетов от моих людей и от людей СД, и я могу уверить вас, что количество казненных было не более 300. Число смертей на их стороне, их собственное взаимоистребление заметно превосходило эту цифру и после войны...

С. О да, я знаю об этом. Каждый доносил на любого другого, и была большая бойня, когда германцы ушли.

М. Как и чехи, в конце концов. О, теперь они рассказывают великую историю о грандиозном сопротивлении нам, но, поверьте, они были кроткими и опустили оружие перед германцами все до последнего. Когда Гейдрих был убит в 1942 году, это сделало не чешское подполье, а британские убийцы.

С. Я вспоминаю Лидице.

М. Я также. Я участвовал в этой акции, поверьте мне. Это всплыло во время обысков, проводимых нашими людьми из службы безопасности, по многим указаниям самих чехов о том, что агенты прятались в Лидице. У одного из них был родственник в городе, и мы нашли потайную, комнату в амбаре с британским оружием, документами, взрывчаткой и радио. Это был конец гнезда шпионов, могу вам сказать. На встрече с Гиммлером я доложил ему о наказании покровителей убийц. Я должен сказать, что я неоднократно настаивал на том, что мы должны провести показательную акцию для таких нелюдей и расстрелять большинство из них. Не женщин и детей, но всех остальных. Наши информаторы в городе говорили, что будто каждый знает об этом, и мы слышали подобные истории от полдюжины чехов, так что Лидице был уничтожен.

Нет, у нас были некоторые неприятности с чехами, а французы были слишком заняты грабежом и убийством друг друга, чтобы нанести большой ущерб. Мы имели полный контроль за датским подпольем; датчане были шутниками-пацифистами.

Я думаю, только поляки обладали минимальной храбростью. Я считаю, как и говорил ранее, что поляки - тупые варвары, но они продолжали бороться с нами. Конечно, и мы противостояли им. Вы помните Варшавское восстание 1944 года? Они боролись с нами, позвольте мне сказать, так же, как и евреи. Штроп, командовавший тогда СС, сказал, что они действительно удивили его. Я полагаю, вы знаете, что польская полиция отреагировала быстро, как только известие о восстании в гетто стало им известно, и полицейские жаждали воспользоваться случаем, чтобы уничтожить как можно больше евреев. Поляки не были хорошими. Вы говорили мне об их полиции, уничтожавшей больных евреев в Аушвице после того, как мы оставили этот лагерь под их наблюдением.

Конечно, евреи сейчас ненавидят нас страстно, но я могу сказать, что они столь же страстно ненавидят и поляков. Я полагаю, что сейчас, когда они имеют собственную страну, они начнут с того, что поместят арабов в концентрационные лагеря. Люди столь предсказуемы, не так ли? И позвольте не касаться больше еврейского вопроса. Вы хотите знать о коммунистах и их организациях.

С. Генерал, иногда я нахожу ваши попытки избежать ответственности за действия ваших людей весьма непривлекательными.

М. Наши действия? Вы читали историю? Позвольте мне кое-что вам напомнить... рассказать вам небольшую историю. Европейская страна оккупирована войсками соседней страны. Граждане этой страны, естественно, возмущены оккупацией и желают освободиться. Оккупационные власти используют местную полицию, чтобы сохранить порядок, но в конце концов жители восстают и пытаются изгнать своих врагов. А те очень жестоки в расправе с безоружными жителями, проявляют насилие, заключают в тюрьму без суда и следствия и, в конце концов, расстреливают на улицах. И тогда партизаны начинают нападать на оккупантов, небольшая суматоха вначале, но помощь из вашей страны создает серьезные проблемы для правителей и оккупантов.

Это звучит похоже на то, о чем мы говорили, не так ли? Власти оккупантов усиливают контроль и посылают армию наемников, которые совершают ужасные зверства против мирного населения, например налеты на дома, оккупантов то и дело убивают, грабят и поджигают, когда они пьяны. Партизанская война разворачивается, и страшные зверства совершаются уже с обеих сторон до тех пор, пока отряды оккупантов несут значительные потери, большие, чем их враги. Вы скажите, это

похоже на ситуацию в России после нашего вторжения? Балканы?

С. Я должен сказать, что это было довольно типично для образа германской агрессии и жестокости во время войны. Да, несомненно в России, но, по моему собственному опыту, в Италии также.

М. Возможно, вы правы. Я имел в виду Ирландию с 1916 по 1922 год.

С. О, ради бога...

М. Но это правда, вы понимаете. Я знал многих ирландцев, некоторые из них работали для армии, пока мы не приняли руководство над их разведывательными секциями. О да, я говорю по-английски, насколько вам известно, и я слышал много подобных историй. Британцы не выпустили Белую книгу о своих делишках, но я полагаю, если вы подумаете об этом, вы поймете, что я абсолютно прав. Обычно я абсолютно прав, не так ли?

С. Не всегда.

М. Всегда. Я не открываю рта, пока не уверен. Однажды я решил, что был не прав, но обнаружил позже, что произошла ошибка. Приглядитесь. Не германцы, мой друг, но ваши друзья и союзники.

С. Оправдание...

М. Я не нуждаюсь в оправданиях, и вы знаете это. Раньше мне приходилось иметь дело с политическими убийцами и профессиональными коммунистами. Если я могу использовать кого-либо или я могу от них получить информацию, все хорошо и прекрасно, но если нет, жди неприятностей сейчас же.

Гитлер однажды сказал, что террор может быть сломлен только контртеррором. Он был прав, и хотя я не всегда соглашался с ним, в этом вопросе мы были в полном согласии. Если такое начнется в Европе, вы сами сделаете то, о чем я только что говорил. Вы бы сперва изумились, что овца вдруг начала кусаться, и закончили бы большим количеством баранины на столе.

Вы собираетесь ждать, пока Иван навалится на Европу, и тогда вы искорените предателей и партизан. Почему бы не уберечь всех нас от неприятностей и не сделать это сейчас? Русские верят в политику выжженной земли, так почему не поучиться у них и не двинуться первыми? Мир станет гораздо лучше, когда несколько сотен активных партизанских лидеров будут под землей в буквальном смысле. Лучше наступить на ядовитую змею в момент, когда она появляется из яйца, нежели позволить ей подрасти и стать смертельно опасной. Раздави ее сейчас, а не потом.

Конечно, здесь есть несколько моментов, которые стоит

учесть. В первую очередь, я сильно сомневаюсь, что Советы собираются нападать на Европу. Вы слышали мои аргументы по этому поводу ранее, и вы без сомнения, услышите их снова. Если они не будут вторгаться и вы будете иметь достаточно предупреждений об этом, тогда было бы политически нецелесообразно резать горло всем подряд, особенно таким, как Мальро.

С другой стороны, у нас была программа, названная "Мрак и Туман", когда мы просто хватали таких людей, после чего они навсегда исчезали. Это имело свои преимущества. Кровавые политические убийства должны послужить публичным и безотлагательным предупреждением каждому, кто мог бы поставить ногу на тропу подрывной деятельности и государственной измены.

В нашей стране и в вашей была громадная "пятая колонна", состоявшая из членов профсоюзов, профессоров университетов, студентов, псевдоинтеллектуалов и тому подобных, только и ждущих призыва Кремля сделать грязную работу. Даже при наличии пакта с Советами я ни на миг не забывал, кто наши истинные враги, и никогда не прекращал свою работу, был всегда в действии. Уверен, что и Гитлер знал: это будет очень короткий союз. Сталин, я уверен, действительно думал, что одурачил нас этим пактом... Вы знаете, что они даже сдавали нам некоторых сочувствующих им в различных странах как знак их доброй воли? О да. И даже своих агентов. Тех, кого они решили ликвидировать нашими руками, так как Сталин стал недоволен ими.

Антибандитские боевые действия - это действительно очень просто, если вы понимаете менталитет коммунистов. В оккупированной стране, или в вашей собственной стране в данном случае, всегда есть элементы, которые потенциально могут создавать проблемы. Вы не можете, как хочет мистер Визнер, просто послать вооруженные подразделения, чтобы арестовать и казнить всех этих людей. Не считаясь с вашими взглядами на Германию, мы, по существу, - страна законов, и подобное поведение, хотя совершенно оправданное, должно стать причиной большого волнения среди других. Они хотели бы знать, мне кажется, будут ли они следующими, и такие люди могут стать очень беспокойными. Почитайте, как Жозеф Фуше ускорил падение Робеспьера. Фуше был человек, почти не имеющий силы против фактического диктатора Франции, а ведь тот учредил террор - все его боялись и подчинялись ему. Фуше использовал этот террор против самого разжигателя, нашептывая делегатам Конвента, что их имена значатся в одном из списков Робеспьера, и, пугая их, втягивал в совместные действия против него. В

течение нескольких часов монстр пал от ножа своей собственной гильотины. Вы хорошо сделаете, если почитаете о Фуше.

С. Я почитаю, и я знаю, о чем вы говорите, но, как вы сказали раньше, массовые аресты и казни невозможны, по крайней мере в настоящее время.

М. Кто знает, что готовит нам будущее? Ваша страна, несмотря на громко обсуждаемую демократию, вполне способна на такое, об этом свидетельствует ваша недавняя история. Ваш министр юстиции начал полицейскую облаву против радикалов после войны 1914 года?

С. Палмер. Да, конечно, Вильсон был болен после инсульта, и Палмер мог делать, что хотел. Между прочим, Гувер был одним из его ближайших помощников в те дни.

М. Видите, вы должны заставить Гувера и его людей сделать это, если Гувер - антикоммунист...

С. В большой степени.

М. Мы говорим о том, что могло бы случиться. Это правильно для всех нас помнить, что то, что сейчас в прошлом, было когда-то будущим, верно?

С. Я изучал это в университете.

М. Не считаю это утверждение оригинальным. И сомневаюсь, что вообще существует много оригинальных мыслей. Мы убеждены, что выдвигаем новую идею только до тех пор, пока не обнаружим, что какой-то греческий философ высказал эту самую мысль в 200-м году до Рождества Христова. Но то, что я сказал, правда. Мы можем беспокоиться о будущем весьма сильно, но, только когда оно становится прошлым, мы в состоянии понять его, и должно минуть сто лет, чтобы страсти улеглись.

С. Наша Гражданская война - случай, подтверждающий эту точку зрения. Прошло менее ста лет с тех пор, как она закончилась, и рациональный, уравновешенный взгляд на это все еще не сформировался.

М. И раз уж мы оба интересуемся изобразительным искусством, заметьте, что художник, живущий и работающий в наши дни, живет и умирает в совершенной безвестности. Столетием или двумя позже его работы принесут громадные деньги, в то же время некоторые знаменитые художники заканчивают свой век в мусорной куче. Все меняется и, скорее всего, является иллюзией. Это был наш сегодняшний урок философии, и мы можем вернуться к обсуждению более близких предметов. И я уверен, это была партизанская война.

За исключением кампаний против британцев во время вашей революции, ваша страна не имела опыта подобных форм боевых действий. Чего нельзя сказать о нашей, и это тот опыт, который

дает партизану все преимущества. Британцы имели опыт восстаний в их империи, но в Индии, к примеру, они развили такую сокрушительную активность и с такой ужасающей беспощадностью, что заставили других следить за тем, что они говорят и делают. Они решили вторгнуться в земли вооруженных одними копьями зулусов, полагая, что поднялись против горстки черных только для того, чтобы понести тяжелое военное поражение от рук этих самых дикарей. Можно себе представить ярость английского правительства и ужасные расправы, ожидающие этих черных позднее. Это животное опасно: когда на него нападают, оно защищает себя. Но мы говорим здесь не о тех, кто совершает вторжение, а о мятежных саботажниках внутри страны, поощряемых, направляемых и снабжаемых извне.

Теперь, когда Рузвельт мертв, коммунисты в вашей стране лишились головы, но они отрастят новую. Может быть, Уоллес еще станет президентом. Кто знает? И если это так - убейте его поскорее. Лучше всего завербовать сумасшедшего левого, чтобы он сделал это. Это методика Сталина при планировании исполнения политических убийств. Никогда не используйте левых для того, чтобы делать подобные вещи. Найдите кого-нибудь из правых, чтобы сделать это, и укажите обвиняющим перстом в другом направлении. У вас не будет никаких проблем, чтобы найти идиота, который направит оружие на того, кого вы собирались убрать. Я лично предпочитаю сердечный приступ или автомобильную катастрофу для политического убийства. Что-то в молоке, какие-то микробы, и человек мертв от болезни печени в течение двух месяцев. После смерти обнаруживается, что его печень не выдержала, и делу конец. Вина микробов. И это имеет дополнительные преимущества - нет живого убийцы, чтобы задать ему вопросы и, возможно, побудить его выступить публично с неудобными откровениями.

Бежать в бюро найма политических киллеров - это не то, что нужно здесь, ясно? У меня не было проблем, когда я разрабатывал программы борьбы с профессиональными партизанами, ни разу. И с этими вы должны обращаться иначе, нежели с интеллектуальными идиотами. Первые из них должны быть тихо убиты частным образом, и тогда вы сможете следить за остальными. Если они станут слишком опасными, арестуйте их из-за налоговых проблем или по причине отвратительного сексуального поведения с животными на ферме. Это фактически погубит их репутацию, и общество от них отвернется. Представьте, что в свое время выяснилось бы, что В. И. Ленин сожительствует с овцой! Люди стали бы смеяться над ним, и никто не обращал бы на него внимания. Есть много способов

справиться с этими людьми, убийство было бы наименее желательно.

С. Я думаю, начала проявляться ваша настоящая натура, генерал.

М. Моя настоящая натура? Скажите мне, что это такое. Дома или с друзьями я один, а в официальной обстановке и на службе - совсем другой. Я оставляю мой мундир и фуражку перед дверью, поверьте мне.

С. Перед дверью вашего кабинета?

М. Нет, моего дома, и я должен сказать вам, что сегодня я получил картины Каналетто и буду рад показать их вам. Это будет приятно отличаться от наших разговоров здесь, как вы думаете?

КОЕ-ЧТО О РАУЛЕ ВАЛЛЕНБЕРГЕ

Рауль Валленберг, родился 4 августа 1912 года в богатой и влиятельной шведской семье банкиров. В 1944 году министр иностранных дел Швеции, Гюнтер, послал Валленберга а Будапешт как начинающего дипломата. Валленберг исчез после войны, и его дальнейшая судьба была предметом спекуляций в течение полувека.

С. Ваш человек Эйхман... он действительно был вашим человеком, не так ли?

М. Да, он работал на меня. В 1939 году я начал уставать от проблем иммиграции и в конце концов передал эти дела Эйхману. Во время войны он должен был находить сотрудников для проектов СС и также эвакуировать евреев с контролируемых нами территорий. Вы еще не нашли его, так ведь? Кто знает, может быть он уже умер?

С. Нет, я не думаю, что мы найдем его, да нас он " не интересует. Но я полагаю, что во время его пребывания в Венгрии в 1944 году он должен был пересекаться с Раулем Валленбергом из шведской дипломатической миссии. Вам что-нибудь известно об этом?

М. Очень крупное дело. Что вы хотите знать о нем?

С. Шведы наводили о Валленберге справки, и я думаю, вы можете знать что-то о нем. Ходят слухи, что Советы его держат где-то в заключении,

М. Нет, я уверен, что его у них нет, живого во всяком случае.

С. Вы думаете, они убили его?

М. Нет, я так не думаю. Валленберг был маленькой пешкой в очень большой игре.

С. "Был"?

М. Валленберг мертв, как и Борман.

С. Вы в этом уверенны?

М. Мне следует быть уверенным, таковы обстоятельства. Мне хотелось бы знать, почему вы интересуетесь столь незначительным персонажем, который исчез во время массового крушения всего общества. Я сказал, что он мертв, и этого еще никто не опроверг. Что вы слышали об этом человеке?

С. Советы утверждали, что его убили люди Салаши {Премьер-министр Венгрии Ференц Салаши. В 1944 году стал преемником адмирала Хорти и возглавил ультраправое экстремистское движение.} за вмешательство в депортацию венгерских евреев.

М. Нет, венгры не имеют отношения к устранению Валленберга. Я знаю это абсолютно точно: дело в том, что я сам организовал расстрел Валленберга.

С. Боже мой, не говорите таких вещей. Будут большие неприятности...

М. Нет, если вы никому не скажете, их не будет.

С. Вы можете рассказать, что произошло?

М. Почему бы и нет? Мне это ничего не стоит, так как я уверен, что вы не собираетесь вставлять это в протокол; могу начать с небольшой предыстории, если хотите. Я не думаю, что вы беспокоитесь...

С. О Валленберге? Конечно, нет, но я забочусь о вас...

М. Как трогательно. Никогда бы не подумал...

С. Пожалуйста, не надо здесь демонстрировать вашу малоприятную манеру острить. Я имел в виду, что забочусь о вашей репутации.

М. Повторяю: очень трогательно с вашей стороны. Вы хотите историю или собираетесь подарить мне цветы?

С. Генерал...

М. Хорошо, цветы будут позже. Валленберг из семьи шведских банкиров. Он был также преданным коммунистом. Не перебивайте. Я сказал преданным коммунистом. Он познакомился с госпожой Коллонтай, советским послом в Швеции, женщиной в полном смысле этого слова. Интеллектуальной женщиной и очень сообразительной. Валленберг показался хорошей кандидатурой для осуществления их замыслов, и Коллонтай обратилась к Понтеру, шведскому министру иностранных дел, и уговорила его послать Валленберга в Будапешт помогать там венгерским евреям.

Но здесь был и другой повод, более важный, чем евреи в Будапеште. В 1943 году Сталин сделал нам через Коллонтай определенное предложение о мирном соглашении. Кстати, Гитлер полностью отказался от этого, в отличие от Гиммлера... Тот всегда старался заглянуть в будущее и не упускать связей, представляющих ценность лично для него. Например, всеми

силами укреплял связи со Швецией...

В то время как Эйхман вывозил евреев из Венгрии по настоянию их правительства, этот Валленберг учредил собственное частное паспортное бюро и продавал различные пропуски и удостоверения евреям и вообще всем, кто мог заплатить за них.

С. Я был убежден, что он раздавал их...

М. Да, за деньги. Эйхман обратился ко мне с вопросом, что делать с этим человеком, который становился помехой. Венгры также были возмущены им, так как его деятельность препятствовала изгнанию их евреев. Меня не беспокоило мнение венгров о ком бы то ни было, но здесь я оказался солидарен с ними, особенно когда узнал, что Валленберг одно время был в тесном контакте с Советами.

Дело становилось серьезным, и я пошел с этим к Гиммлеру, который, очевидно, не желал портить отношения со шведами и посоветовал мне быть осмотрительным к потребовать от Эйхмана, чтобы он оставил юного Валленберга в покое. К тому времени каждый из нас прекрасно понимал, что военные действия развиваются не в лучшую сторону и Гиммлер разыграл несколько партий здесь и там, пытаясь застраховать себя от неприятностей. Он сказал мне тогда; "Мюллер, мы должны позаботиться о будущем Германии и Новом Порядке. Мы так долго создавали все это, и если не будем осмотрительными, это все исчезнет в минуту. Нам нужно смотреть в будущее. Мир, даже заключенный в результате переговоров, не стоит презирать".

Это мне особенно запомнилось, и позднее я записал этот разговор.

Я попросил Эйхмана достать мне всю возможную информацию на Валленберга и послать с курьером, что он и сделал. У меня были некоторые связи в венгерской полиции, я использовал их тоже и, в конце концов, получил достаточно материала, чтобы определить характер Валленберга интеллектуального молодого человека со склонностями радикального политика. Он оказался достаточно податливым материалом, из которого опытный "скульптор", подобный г-же Коллонтай, с удовольствием вылепил бы нужную фигуру. Нам больше ни к чему были советские агенты в Венгрии, особенно те, кто использовал дипломатическую неприкосновенность для продажи фальшивых документов бог знает кому. Я думал об этом несколько дней и решил, невзирая на рекомендации Гиммлера, позаботиться об этом деле самолично. Я связался с одним из самых моих надежных людей и велел ему тихо и незаметно изолировать Валленберга, всех, кто с ним связан, а также любые

документы, которые могли быть найдены при них. Ключевым словом в этом распоряжении было "незаметно", и, поверьте мне, вое прошло хорошо и Валленберг был убит {Советские спецслужбы утверждали, что Валленберг арестован ими в Будапеште, препровожден в Москву, допрашивался, но, как недавно выяснилось, Валленберг был умерщвлен с помощью инъекции яда. - Примеч. ред.}.

С. Ваш источник был надежным?

М. Вы знаете о нем довольно много, - я уверен.

С. Кто?

М. Вы действительно хотите узнать, кто выстрелил ему в голову и зарыл его в навозной куче в пригороде Будапешта?

С. Я должен знать это. Я должен знать, с кем имею дело, в конце концов.

М. Наш общий друг, Вилли.

С. О боже, неужели, вы имеете в виду Крихбаума?

М. Поскольку Гелен и ваши люди ценят его, пусть так и остаются при своем мнении. Конечно, если его роль в устранении Валленберга когда-нибудь всплывет, будут неприятности.

С. Иногда я опасаюсь этих встреч с вами.

М. То вы говорите, что беспокоитесь о моей репутации, а то вдруг через минуту требуете развода. Какая непоследовательность. Если вы задаете вопросы, то получите исчерпывающие ответы, даже если они вас не порадуют...

С. Не в этом дело. Я надеюсь, вы больше не собираетесь создавать для нас проблемы.

М. Я не создаю для вас проблемы. Валленберг создавал проблемы для Германии, и я лично нейтрализовал его. Вам нравится это слово? "Уничтожил" звучит лучше? "Ликвидировал"?

С. Вы не зарывали тело бедного Валленберга в кучу навоза, не так ли?

М. Спросите об этом Вилли. Я опечалюсь, если узнаю, что он врал мне.

С. Мы просто не можем позволить этому просочиться сейчас!

М. Конечно. Вы останетесь на обед сегодня вечером? Или вам нездоровится?

С. Нет, только немного не по себе. Кто, кстати, были эти гангстеры, которые прошли через заднюю дверь, когда я подъехал?

М. Гангстеры? Я думал, что все гангстеры в Чикаго. О ком вы говорите?

С. Люди в темных пальто, с чем-то вроде оружия в футлярах. Вы не готовитесь к чему-то нехорошему? Ночь святого Варфоломея после ужина?

М. О, теперь я понимаю, о чем вы говорите. Вы видели музыкантов, они несли свои инструменты. Я думаю, небольшой вечер музыки был бы уместен после обеда. Вам нравится музыка, правда ведь?

С. Да, конечно. Они выглядели довольно зловеще.

М. Вы слишком давно в разведывательном управлении..

С. Какая программа?

М. Разве вы не привыкли к приятным сюрпризам во время наших обедов?

С. Не могу на это пожаловаться.

М. Быть может, вам понравится русская народная музыка? Африканские ритуальные танцы? Вероятно, что-то из Моцарта и Баха? Немного негритянского джаза? Будьте паинькой, дожидайтесь и смотрите. Итак, вы хотели спросить меня о некоторых действительно важных вещах? Или вы по-прежнему интересуетесь мертвыми интеллектуалами-коммунистами?

С. Да. Я имею в виду нет. Я не интересуюсь такими вещами. И, бога ради, когда люди адмирала {Может быть, речь идет об адмирале Канарисе? - Примеч. ред.} приедут на следующей неделе, не обсуждайте с ними подобных вещей. Мы понимаем ваш юмор, но они не поймут.

М. Как я разочарован! Кстати, на вас сегодня очень милый галстук. Где вы его взяли?

С. В Лондоне. Вы хотели бы такой? Я в свое время купил три.

М. Как вы внимательны, молодой человек. Я бы, пожалуй, не отказался от цветов, но приятный галстук тоже не помешает. Мы можем двигаться дальше?

ПАРАНОЙЯ ИОСИФА СТАЛИНА

Великая чистка Иосифа Сталина началась в 1937 году и продолжалась с перерывом на Великую Отечественную войну вплоть до его смерти в 1953 году. Биографы советского диктатора и историки той эпохи различным образом объясняли ужасающий кровавый характер Сталина, уничтожившего по меньшей мере двадцать миллионов человек, в том числе и своих соратников по партии. Здесь содержится иной взгляд на Иосифа Сталина.

М. Вы спрашиваете, стабилизировалось ли советское общество с конца 30-х годов, и я должен сказать, что хотелось бы верить, но я сомневаюсь, что Сталин позволил бы этому процессу произойти. У меня есть некоторое представление о демонах его души, и я сомневаюсь, что товарищ Иосиф полностью закончил с кровавой вакханалией.

С. Почему так? Он ведь убил своих врагов в предыдущей чистке, разве нет?

. М. Да, он убил миллионы людей, но я сомневаюсь, что это

конец.

С. Вы думаете, что он сумасшедший? Кровожадный и иррациональный человек?

М. В каком-то смысле безумный, но не иррациональный. Сталин - крайне прагматичный и логичный человек... Никакой сентиментальности, один смертоносный прагматизм.

С. Вам не кажется, что большая чистка была необходима для того, чтобы избавиться от всяких препятствий, оставшихся с ленинских времен? Вы согласны?

М. До некоторой степени, но свирепость объясняется несколькими факторами. Во-первых, низкое происхождение бедного и физически неполноценного грузина, представителя одного из меньшинств в Советской России. Во-вторых, советское общество было Очень сильно ориентировано на истинного Большевика. Я думаю, что Сталин был блестящим деятелем во многих областях, но его отношения с революцией были весьма сложными, и это вызывало презрение таких, как Троцкий, который сражался с белыми на фронтах.

Сталин как Борман: очень работоспособный бюрократ, который не играл большой роли в кровавых акциях в России после Октябрьской революции, как и до нее, конечно. Этот комплекс неполноценности определялся осознанием того, что его презирают истинные революционеры; более того, они порочат его и, страшно сказать, мечтают о его устранении. Сталин, бывший, по сути, террористом и заговорщиком, был чрезвычайно напуган: ведь другие пытались сделать с ним то, что он столь успешно проделывал сам. Учтите еще, что почти все лидеры большевистского движения, включая Ленина, были евреями или частично евреями или были женаты на еврейках. Как грузин, Сталин ненавидел евреев; впрочем, должен сказать, что он использовал их услуги, чтобы сломать хребет среднему классу.

Инспирировать его деятельность в этом направлении было не трудно, особенно в конце. Я был одним из тех, кто делал это.

С. Вы?

М. Да, я. Подготовительная работа с целью внедрения идеи большой чистки в сознание Сталина была уже проведена, но я был единственным, кто мягко подтолкнул его с обрыва. И он продолжает лететь, даже сегодня.

С. Я искренне надеюсь, что вы удостоите нас более полных сведений в этом вопросе. Впрочем, я слышал, что Гейдрих изготовил несколько поддельных писем от имени маршала Тухачевского, в которых говорилось о путче, который может состояться в недалеком будущем. Но никто сейчас не думает, что Сталин верил этим грубым подделкам, он, кажется, задолго до

этих фальшивок планировал провести чистку высшего командного состава Красной Армии.

М. Он мог рассматривать их как потенциально опасных для себя, но позвольте мне сказать, что Гейдрих не просто представил несколько фальшивых писем... речь идет о сотнях документов, и Сталин несомненно верил им, так как я убедил его, что они имеют прямое отношение к нему лично. У нас есть время, прежде чем мы закончим на сегодня и будем одеваться к ужину. Мы должны обсудить американские выборы или должны обсудить товарища Иосифа?

С. Одно в будущем, другое - в прошлом. Почему бы не последнее?

М. В самом деле, почему бы нет. Больше карандашей, мой дорогой, потому что они вам определенно понадобятся. Разрешите мне просветить вас по поводу моей первой и, возможно, самой лучшей операции против коммунистов. И я очень горд результатами хотя бы как представитель цивилизованного общества. Я должен признаться в частной беседе, что даже был шокирован результатами. Это как пнуть небольшой камешек с горы и обнаружить, что это положило начало лавине, под обломками которой погребенными под тридцатью футами камней оказались два города, железнодорожная станция, шестнадцать пивных баров и монастырь.

Очень хорошо. Начинать всегда нелегко, и я не буду рассказывать вам длинную историю о радикальном движении в империалистической России, но начну с современной истории и моих собственных действий.

Жил в Париже бывший царский офицер, Скоблин. Этот джентльмен поставлял СД, Гейдриху и другим, интересную информацию о его бывшей стране... и, конечно, снабжал НКВД интересной информацией о нас. Мы платили ему, и они платили ему. Он был человеком Гейдриха, а Гейдрих не очень разбирался в проблемах контрразведки. В середине 1936 года Гейдрих говорил со мной об этом человеке и его информации, так как в отличие от меня не знал ничего о коммунистах. Сначала Шеф - он любил, чтобы его так называли, - хотел перенять некоторый мой опыт, но в итоге понял, что это ему не под силу. Мне пришлось взять на себя руководство проектом, хотя я продолжал оставаться более чем почтительным с ним.

Русские сообщали, что часть советских генералов недовольна Сталиным и их необходимо поддержать в желании убрать его. Поскольку, во-первых, Гитлер, а во-вторых, я представляли Россию как самого опасного врага, естественно, мы

прислушивались к этим разговорам. Зная двойственность Скоблина, я понимал, что нам не следовало бы доверять ему. Весьма вероятно, что Сталин или кто-то из его окружения хотели получить материалы, подтверждающие существование заговора, что могло быть использовано, для развязывания репрессий против тех, от кого они хотели бы избавиться.

Мы оба, и я и Гейдрих, хотели бы знать, что случится, если в подозрительной голове Сталина укоренится мысль о том, что заговор существует? К большевикам старой гвардии мы не имели отношений, но военные это другое дело. И маршал Тухачевский был очень крупной фигурой и блестящим полководцем. Это он командовал войсками, пытаясь вернуть польские территории, и хотя поляки разбили его под Варшавой в 1920 году, это было, скорее, из-за некомпетентности русских, а не из-за бездарности Тухачевского. Сталин, к слову, тоже участвовал в этой кампании и проявил себя крайне плохо, по крайней мере с точки зрения военных.

Итак, я размышлял об этом несколько дней и затем отправился к Гейдриху с идеей: не надо связываться с двойным агентом, надо использовать его как источник зла. Я сказал Гейдриху, что мы приготовим большое дело об антисталинской деятельности России, материалы досье убедят его в том, что все абсолютно законспирировано, этому он поверит. Гейдрих внимательно прочитал и поинтересовался тем, какое впечатление произведут на Сталина эти материалы и как это повлияет на растущую угрозу со стороны Красной армии. Я настаивал на том, что стоит попытаться, - ведь мы ничего не теряли, делая это, и в конце он предложил мне работать над этим проектом, под его наблюдением конечно.

Это означало, что если все пройдет успешно, он хотел бы получить награды от Гиммлера и Гитлера. В тот момент моя карьера только началась, у меня не было выбора, и приходилось полагаться на его амбиции и его эго. Л должен сказать, что я несомненно амбициозен, но мое эго мало что получает от успехов.

С. Какой вы скромный человек! Даже с меня иногда сбиваете спесь!

М. Я понимаю почему. Я решил, что мы не просто приготовим несколько обличительных документов и передадим их людям Сталина. Это слишком наивно. Мой план состоял в том, чтобы сделать тоненькую папку, заполнить ее близкими по смыслу и совершенно правдоподобными бумагами, большинство которых должны быть либо подлинными, либо филигранно сконструированы Я начал собирать эту папку, имея дело с

информацией и наблюдениями наших военных и разведывательных служб, протоколами интервью с теми, кто имел представление о внутренней работе сталинской системы, заявлениями таких бывших коммунистов, как Альбрехт, вырезками из газет, свежими сообщениями из Советов в наших архивах и так далее. Не упуская из вида основную тему, эти материалы должны были не только указывать на заговор против Сталина, но и подрывать, а в конечном счете, уничтожить его доверие к высшему командному составу армии.

Собрав много бумаг, я просмотрел их, закладывая полоски желтой бумаги между документами, с которыми творческая работа может пойти наиболее успешно. На отдельных страницах я перечислял все отмеченные места и указывая, что было необходимо. Я должен сказать, что каждый документ в отдельности должен был полностью соответствовать общему содержанию и не казаться только что вклеенным. Позвольте сказать вам, мой друг, что это было наиболее сложным заданием, но в конце концов я сделал это досье.

В гестапо хватало специалистов, прекрасно умеющих подделывать документы. Они использовали оригинальные русские пишущие машинки, бумагу и копии официальных печатей и безукоризненных подписей, которые могли пройти любую проверку. Там было, возможно, десять или одиннадцать таких бумаг... но вместе с другими материалами, образуя единое целое, они становились абсолютно взрывоопасны. Когда я закончил с этой папкой... и мы даже добавили немецкий перевод русских документов... я взял все, чтобы Гейдрих их утвердил.

Мы сидели бок о бок в его кабинете и работали над этим почти шесть часов, и в итоге он заявил, что удовлетворен, и удостоил меня нескольких комплиментов. Следующей персоной, которой следовало показать папку, был сам Гитлер, и Гейдрих сказал мне, что фюрер был сильно впечатлен, особенно когда Гейдрих указал, что большинство документов - оригиналы.

Теперь, заручившись согласием Гитлера, мне следовало подложить этот яд Сталину таким образом, чтобы он принял его без подозрений.

С. Насколько я понимаю, вы использовали для этого чехов.

М. Нет, но эта страна принимала участие. Во-первых, у меня был человек из СД, который действовал как связной Скоблина и должен был поехать в Париж, чтобы поговорить с ним о других вещах. По ходу разговора он должен был сказать, что существует значительная подшивка документов в штаб-квартире гестапо в Берлине о намечающемся внутреннем путче, направленном на ликвидацию товарища Сталина. Человеку из СД было приказано

привлечь особое внимание к этому делу, но не рассматривать его в деталях, а просто случайно обмолвиться в разговоре и затем перейти к другим вопросам. Он сделал это и доложил мне, что генерал искренне заинтересовался в то время, но наш человек ушел от продолжительных дискуссий по этому поводу. Неплохо для начала.

Теперь вернемся к Чехословакии. У меня в гестапо был человек, работавший с антигитлеровски настроенными немцами, которые убежали туда после 1933 года. Люди Штрассера, к примеру. Этот человек выдавал себя за беженца, немецкого коммуниста и был очень ценным для нас. Не привлекая внимания наших врагов, он тем временем наблюдал за деятельностью чешских коммунистов.

Смысл был в том, что этот человек пользовался благосклонным вниманием советских агентов в Праге и я инструктировал его быть более точным, чем наш человек в Париже. Он сказал русским, что знает от своего друга, что эти документы существуют, и рассказал о малой толике содержащейся там информации.

После этого он стал ждать, когда большая рыба клюнет на наживку. Из-за бюрократической медлительности, особенно в России, потребовался целый месяц, чтобы понять, что рыба клюнула. Париж и Прага накинулись на наживку, как голодные рыбы, и следующий акт моей маленькой драмы начался. У нас была специальная комната в штаб-квартире гестапо, где мы хранили очень щекотливые материалы. Только несколько проверенных людей имели к ней доступ. Был один чиновник, за которым мы в то время наблюдали. Он был социалистом до 1933 года, и мы подозревали, что он связан с Советами. Мы усилили наше наблюдение за ним, его почтой и телефонными разговорами и по прошествии примерно двух недель были вознаграждены, узнав, когда состоялся контакт. Он встретился с польским коммунистом в пивном баре, где они говорили некоторое время. Я не удивился, когда узнал, что наш внушающий подозрение коллега вскоре захотел перейти в комнату с документами. Я устроил так, чтобы он свободно мог входить в специальное помещение, где получал доступ к материалам, но постоянное присутствие других сотрудников лишало его возможности скопировать хотя бы слово.

Он влез в фальшивые документы, прочитал все. Теперь ему было необходимо сообщить обо всем шпиону Павлу. Павел должен был поговорить со своим резидентом, которого мы обнаружили, следя за Павлом, и резидент собирался связаться с Москвой. Вскоре, а это заняло еще две недели, наш друг попросил

разрешения работать по вечерам, так как в дневные часы он посещал школу практика, которую я поощрял. Мы оставили его в комнате ночью в присутствии еще одного человека и поручили этому человеку сказать шпиону, что он хотел бы исчезать два раза в неделю, чтобы встречаться со своей возлюбленной.

Итак, за несколько недель этот старательный парень полностью переснял досье. У нас был ключ от его дома, и когда он был на работе, наши люди наблюдали, как продвигается дело.

Когда дело было сделано, он со всеми этими материалами, которые так хотел заполучить НКВД и Сталин, пришел на рандеву со своим польским другом и они договорились о сумме, которая окупит эту измену. У нас был соседний столик, и официант числился в нашей платежной ведомости, так что мы знали все.

Прошла еще одна неделя, и поляк явился с картонным чемоданчиком, наполненным чем? - настоящими банкнотами. Несколько сотен тысяч немецких марок.

С. Вы сказали, подлинные банкноты. Хеттль говорил нам, что это были фальшивые банкноты.

М. Хеттль - мошенник и жулик высшей пробы. Я говорю вам, это были две сотни тысяч марок и все банкноты были в полном порядке. Наш шпион в туалете при баре запихнул немного себе в карман, остальные унес в чемодане. Слава богу - у нас были в запасе два бедных чудака, которые ограбили его, когда он, пересекая парк, шел к остановке трамвая. Деньги оказались кстати, чтобы заплатить за некоторые дела, которые мы не хотели указывать в наших бухгалтерских книгах. Я уверен, что вы знаете о таких закулисных, но полезных вещах. Во всяком случае, наш шпион никогда не заявлял в полицию о краже его сокровищ и удовлетворился содержимым своего кармана и уверенностью в том, что рабоче-крестьянский рай был предупрежден о врагах народа, как называл их Сталин.

С. Что случилось со шпионом? Еще одна прогулка по лесу?

М. Ничего подобного. Он ведь был испытанным и полезным источником для НКВД, который мог захотеть вновь прибегнуть к его услугам. Должны ли мы были облегчить для них эту задачу, оставив его в покое, хотя и под строгим наблюдением, или убрать его, дав тем самым русским знать, что мы его раскрыли? Ответ очевиден. Мы просто повысили его в должности и отправили туда, где он не мог приносить вред. До тех пор, конечно, пока русские не захотели бы задействовать его снова, в таком случае мы бы вновь переместили его в хранилище.

С. Если вы поскоблите циника, то обнаружите идеалиста, генерал.

М. Не всегда.

С. Судя по тому, что случилось в 1937 году и позднее, кажется, Сталин съел приманку.

М. Да. Я узнал много позднее, что игра произвела гораздо больший эффект, чем я мог даже предполагать. Когда НКВД пытал обвиняемых, все они не только признавались в приписываемых им и полностью вымышленных преступлениях, но и указывали на причастность к делу многих других людей: их жен, друзей, их врачей, дантистов, дворников и так далее. Сначала Сталин был взбешен, но когда он прочитал протоколы допросов, он ужаснулся степени и масштабу ненависти к нему и просто сделал то, на что я надеялся: он убил всех, даже жен и маленьких детей своих врагов.

С. Это совершенно ужасно.

М. Не будьте столь слабонервны. Гниды производят вшей, в конце концов. Если вы не можете посмотреть на это с такой стороны, давайте обсуждать другие вопросы. Сейчас я рад сказать, что верхушка советского высшего командования была полностью уничтожена.

Окончательный счет бойни включал приблизительно 90 процентов всех советских генералов и маршалов, почти всех командиров армий, больше половины командиров родов войск, почти всех командиров дивизий и около половины командиров полков. И, насколько вам известно, почти всех старых большевиков и уцелевших соратников Ленина. Все они, за редким исключением, были уничтожены, и сотни тысяч более радикальных коммунистов запихивались в вагоны для скота и переправлялись в концентрационные лагеря в , Сибири, чтобы заработать себе скорую смерть. Говорят, берега рек были покрыты выбеленными костями мертвых. И причиной того, что это прекратилось или немного сбавило обороты, была война.

Теперь вы имеете представление о том, что происходит в России. Вскоре Иосиф начнет более масштабные чистки, он совершенно убежден, что должен сломать хребет громадному заговору против него. Да, чтобы вернуться к вашему недавнему утверждению, Сталин безумен, по крайней мере в одной области. Психиатры сказали бы, что он параноик, и он действительно стал им. Мои фальшивые документы вызвали признания жертв, а это абсолютно убедило великого грузина в том, что он и в самом деле на волосок от политического убийства.

С. Я полагаю, у вас есть копии некоторых ваших работ?

М. Конечно, но от этого вашему мистеру Визнеру лучше не станет. Они все мертвы и гниют сейчас в своих могилах, и только Сталин и следующая серия потенциальных жертв все еще живы, чтобы сбивать с толку мир их безумной религией. В конце концов,

когда

Бог прекратит развлекаться с ними, он убьет их всех и мы все будем жить в гораздо лучшем мире.

С. Кто-нибудь знает, как много людей погибло в этих чистках?

М. Никто. Миллионы, возможно, двадцать миллионов или более мертвых, и когда Иосиф опять поднимет ветер, миллионы снова умрут. Молитесь, чтобы кто-то не подсунул ему досье, доказывающее, что Соединенные Штаты планируют напасть на него, или вы в первую очередь узнаете, что такое сталинская ярость.

С. Я так рад, что вы решили работать на нас, генерал.

М. Я не буду цитировать мое последнее замечание кому-либо еще.

С. Только из любопытства, получил ли Гейдрих награду за все это...

М. Получил.

С. Да, но что же остановило его от того, чтобы удалить вас как опасного человека?

М. Гейдрих очень нуждался в моем опыте. У него не было опыта контрразведывательных игр, и, кроме того, я поведал эту историю Гиммлеру и позже, когда у меня было гораздо больше власти, самому Гитлеру. Конечно, к тому времени Гейдрих был мертв, но я действовал искусно, как рука виолончелиста.

С. Вы упомянули о музыкальных достижениях Гейдриха, мне показалось.

М. Конечно. Он так же хорошо играл на виолончели, как я на фортепьяно, и однажды мы провели прекрасный вечер музыки с женой адмирала Канариса, которая также играла на виолончели. Разве культура не есть нечто возвышающее?

ГЕНРИ РОБИНСОН И ШПИОНЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Один из наиболее крупных советских агентов, захваченных руководимым Мюллером гестапо, был человек по имени Генри Робинсон, или Henri Robinsohn, как он был известен в Швейцарии.

С. Бывая в Швейцарии вместе с Даллесом, я очень интересовался советскими шпионами в этой стране, любыми связями, которые вы могли бы подтвердить. Конечно, во время войны, но и после, я предполагаю, что многие, кто там были, все еще на месте.

М. Это было бы верное предположение. Многие были отозваны и во время чистки ликвидированы Великим Сталиным, но те, кто находился здесь во время войны, в основном по-прежнему здесь. Конечно, появились и другие, но, вы знаете, во время войны эта страна была самым центром шпионажа. Конечно,

швейцарцы знали это. Оба - и Хаусман, и Массой, и многие из тех, кто работал на них, осознавали тот факт, что все: вы, мы, британцы, русские и так далее - использовали эту страну как базу для работы. Португалия и Испания также использовались как подобные базы, но в значительно меньшей степени, а другие нейтральные страны, такие, как Турция, были слишком удалены, чтобы больше чем минимально использоваться.

Швейцарцы позволили Советам использовать их страну как базу для их деятельности, но здесь необходимо было учитывать два момента. Первый: не должно было вестись шпионажа против Швейцарии, и подобная деятельность каралась смертью Я думаю, они казнили около тридцати предателей. Нет, большинство шпионов, работавших в Европе во время и перед войной, базировались в Швейцарии, правда, после революции в России основной базой для шпионов была наша страна. Германия, как вы знаете, была обессилена войной, и Ленин жаждал получить контроль над нами. Он знал, что русские плохо образованны, в основном крестьяне, этого недостаточно, чтобы осуществить эффективную мировую кампанию по установлению их религии повсюду. Так что Ленин использовал Германию как свою ферму, внедряя своих агентов по всей стране.

Был момент, когда Россия имела более тридцати тысяч активных агентов в Веймарской республике.

С. Это было известно авторитетным лицам?

М. Конечно. И хотя целью их деятельности была революция в Германии, их не трогали. Когда полиция раскрывала группу шпионов или узнавала, что тот или другой советский дипломат занимался шпионажем или организацией террористической сети, ничего не предпринималось, поскольку в подавляющем большинстве случаев идиоты из Министерства иностранных дел вмешивались и блокировали любое эффективное расследование.

С. Как много среди этих шпионов было русских и как много - немцев?

М. Руководство было полностью русским, а большинство нижних рангов немцы. Это та же схема, которая наблюдалась в деле "Красной Капеллы". В данном случае все руководство сети состояло из советских евреев, в основном действовавших из Франции и Швейцарии. Швейцарцы осознавали это и зорко следили за ними. С другой стороны, они разрешили нам, вам и британцам действовать в их стране. Но, конечно, мой основной интерес вызывали гнезда коммунисТОВ там, и поэтому я завел в этой стране хороших друзей на очень высоких уровнях.

С. Вы были знакомы с Массовом?

М. Очень хорошо, и также с г-ном Хаусманом. И со многими

другими, кого мы не будем обсуждать сейчас, потому что большинство из них все еще на местах И мы не должны разорять свои собственные гнезда, не так ли?

С. Насколько я представляю, нет; но, чтобы вернуться к вопросу о советских сетях там, насколько они были распространены?

М. Ну, как я сказал, они были на любом уровне германского общества до 1933 года. Они были на всех заводах, в университетах, индустрии вооружений, авиационных компаниях и, конечно, в рабочем движении и где угодно еще. Они имели огромную фабрику поддельных документов, даже три громадных фабрики подделок, работавших в Германии почти в открытую.

С. Деньги?

М. Нет, документы, удостоверения личности и так далее. И у них была впечатляющая сеть безопасных домов, где агенты могли спрятаться от редких полицейских рейдов или прийти в себя после России. А также радио- и курьерские сети почти во всех городах и даже в маленьких населенных пунктах. О нет, когда Гитлер пришел к власти в 1933 году, коммунисты имели широкую, разветвленную шпионскую сеть по всей Германии. Стоит ли добавлять, что подобные сети существовали во Франции, Англии и в Соединенных Штатах. Тогда в вашей стране и в Англии проникновение на высокий уровень в правительстве, банковских профессиях и военной структуре было изумительным. В Америке они копали в открытую при полном согласии и содействии Рузвельта, но в Англии было по-другому. По-прежнему Англия имела больше, чем требовалось, серьезных агентов и источников. Конечно, мы в Германии не были обеспокоены их подрывной деятельностью в Англии, но были озабочены таковой в Соединенных Штатах.

С. Почему? Что привлекало Германию в американских коммунистах?

М. Почему? Потому что агенты Сталина были нашими смертельными врагами и они имели безграничное влияние на вашего президента. Многие из близких советников Рузвельта даже оплачивались русскими или поддерживали их по этническим или идеологическим соображениям.

С. Генерал, я думаю, что в этом разговоре вы проявляете себя как антисемит.

М. А, попался, который кусался! Я не произносил слово "еврей". Вы это предположили...

С. Нет, нет, вы использовали слово "этнический". Вы ведь не имели в виду этнических русских? Не думаю, что их было много в окружении Рузвельта.

М. Нет, я не имел в виду русских. Вы уловили смысл моих слов очень хорошо. Я просто пытался подтолкнуть вас к этому выводу, но вывод этот вы сделали сами. Вот почему мы были обеспокоены советским влиянием или, лучше сказать, советским контролем высших уровней вашего правительства. Вы говорите о русских, я говорю о Гарри Уайте из вашего Государственного казначейства. Мы обсуждали его раньше. Несомненно, он один из их наиболее выдающихся агентов, еще точнее - оплачиваемый, убежденный коммунистический шпион. Я давал вам список и думаю, когда мы простимся с горами Швейцарии, вы и ваши друзья уже будут иметь досье на всех остальных. Разрешите внести ясность по этому вопросу. Я сказал "оплаченные шпионы", и это вот что. Профессиональные шпионы, убежденные или нет, и кроме того, я рассматриваю коммунистов как последователей религии, верующих в Евангелие от Маркса и Энгельса, интерпретированное великим папой Лениным и его младшим братом Сталиным. Все коммунисты подчиняются приказам и послушны только Москве, и никому другому. Запомните это.

С. Как долго продолжалось их господство после того, как Гитлер пришел к власти?

М. Сейчас вы затрагиваете дело моей жизни, так ведь?

Разве это не прекрасно, получать удовольствие от своей работы?

С. Я не знаю об этом.

М. Я уверяю вас, что я доволен своей работой в Германии, тем, что руководил гестапо. До того дня коммунисты царили в Германии, но скоро они узнали, что у меня острые зубы и я знаю, как их использовать. Сначала было необходимо учредить организацию. Гестапо было прусской политической полицией, когда я вступил в должность. Я немного расширил его, внедрив некоторых своих товарищей из баварской политической полиции Мюнхена, и тогда мы начали организовывать структуру, способную уничтожить еще не вылупившихся гадюк.

С. Как драматично.

М. Так, так, менее критично. Вы никогда не сталкивались с этими паразитами? Наиболее важным было опознать врага, узнать структуру его организации и место, которое занимает каждый агент. Это было очень сложное и требующее времени задание, и я начинал с того, что завел картотеку. На каждого в Германии, кто даже отдаленно мог рассматриваться как коммунист или симпатизирующий им, более того, как кто-то, кто мог хотеть стать прислужником Москвы. Мы имели информацию. Страна была поделена на регионы и подрегионы, которые имели свои картотеки и посылали копии в центральный офис в Берлине.

Мы установили всевозможные устройства для хранения записей, делали пометки на карточках, так что мы могли, помещая информацию в машину, получить данные на любого человека. Это прекрасно работало, и в итоге у нас выстроилась точная картина сети советской разведки в Германии, что позволяло ликвидировать почти все существующие сети и выследить новые, когда они появлялись.

С. И ликвидировать агентов?

М. В основном нет. Они начинали работать на нас. Профессиональные агенты почти всегда так делали. У нас были проблемы с низшими чинами, потому что они верили в святого Маркса и рассматривали сотрудничество с нами - как благочестивый христианин рассматривал бы работу на дьявола. Почти все они были перевезены в лагеря, где и содержались. Вы знаете, это очень забавная история, в новых книгах говорится, что лагеря были построены только для того, чтобы мучить и убивать евреев, но поверьте, цель системы лагерей изолировать антигосударственные элементы, и это включало профессиональных преступников, лиц с отклоняющимся от норм поведением и особенно большинство коммунистов. Евреи представляли только очень небольшой процент; но здесь были не евреи-коммунисты, а евреи как евреи. Поверьте, нас намного больше интересовали советские агенты, чем еврей-лавочник из Майнца.

С. Полагаю, мы ушли от темы.

М. Это ваша точка зрения, но мы можем продолжить. Мне никогда не удавалось полностью уничтожить сети, но я перевел их руководство и их основных агентов в Швейцарию или во Францию. Правда, многие смогли сбежать в Англию и в Соединенные Штаты, где начали выдавать себя за беженцев от "отвратительных нацистов". Ваш Голливуд наполнен этими трагическими персонажами, но остальные поехали в Лондон или Вашингтон, где развернули междоусобную грызню. Кстати, в этом преимущество диктатуры.

С. Поясните.

М. Мы за несколько лет можем достичь некоторых вещей, которых демократия не может достичь никогда, за несколько лет. Позвольте мне сравнить диктатуру и демократию на примере больного человека. В одном случае он отправляется в больницу, его лечат, а когда он выздоравливает, отпускают к семье. В случае с демократией не существует лечения - больной заражает всех вокруг себя и все умирают. Если у вас гангрена, вы должны отрезать ногу, или инфекция попадет во внутренние органы и вы умрете. И если вы не отрубите коммунистов и их союзников от

вашей системы, они отравят ее и в конце концов доведут до такого состояния, когда смогут поглотить ее.

Вы думаете, что я паникер, но я из тех людей, с кем вы могли бы поговорить... за исключением, я полагаю, высших чинов НКВД... могу сказать вам по своему долгому и очень горькому опыту об ужасной угрозе, которую советский коммунизм представляет для всех цивилизованных и развитых стран. Я знаю их методы тайного проникновения в охраняемые объекты и нападения лучше, чем кто бы то ни было, и это, мой друг, объясняет, почему мы сидим здесь и почему ваш президент хочет нанять меня как известного крысолова из Гамельна. Ему безразлично, кем или чем я являюсь, до тех пор, пока я могу делать для Америки то, что я делал для Германии, при этом не имеется ввиду заталкивание евреев в духовки или смертное избиение министра его деревянной ногой. Вы знаете, время от времени я чувствую упрек с вашей стороны, и я полностью осознаю, что вы должны ненавидеть меня. Видимо, вы представляете меня в образе этакой Немезиды для евреев, которой на самом деле не являюсь. Почему бы вам не признать это сейчас?

С. Мои чувства не важны. Мы оба знаем, что важно, а то, что мы думаем друг о друге. - не существенно, не так ли?

М. Это вам так кажется. Я здесь не для того, чтобы обидеть вас или чтобы вы обидели меня, я думаю, мы достаточно цивилизованные люди, чтобы отмести все лишнее.

Столетия тому назад, как вам известно, была великая война в Европе. С одной стороны католическая церковь и с другой - приверженцы Лютера. Эта война продолжалась около сотни лет и нанесла огромный ущерб общественному устройству Европы. Вы знаете, что послужило причиной этой продолжительной бойни? Знаете? Лютер был очень недоволен тем, что не мог участвовать в прибыльной продаже папских индульгенций. Хотя его попытки реформ базировались на фактах, мотивация основывалась на жадности и зависти. Но вы ведь признаете, что Лютер считается великим немецким патриотом только потому, что немецкие князья решили, что они могут делать больше денег и сохранять больше власти, вырвавшись из-под диктаторского правления Рима. Это не вера, мой друг, это, скорее, более основательные мотивы.

Я также могу напомнить вам о действительно свирепых вещах, которые Лютер написал о евреях. Вы ведь сталкивались с ними, так?

С. Да.

М. Новые религии хуже. Коммунизм - тому пример. Он

базируется на псевдоэкономике и в конце концов рухнет еще и потому, что он требует беспрекословного подчинения приказам Москвы. Евреям это нравится, потому что Сталин обнимает их, во всяком случае на публике, что дает им чувство общественной важности. Кстати, я всегда считал евреев очень умными и лояльными. Советские евреи пожалели о своей лояльности Сталину в итоге, а евреи в Германии, те, кто жил там сотни лет, были так же лояльны и сдержанны, как и все остальные в нашей стране. Многие сражались и погибли на войне и заслужили высочайшие награды. Был даже один летчик-ас, награжденный орденом за заслуги, и это был еврей-офицер, который когда-то представил Гитлера к Железному кресту. Я всегда хотел расспросить об этом, когда встречал Гитлера и видел его орден, но он не говорил о таких вещах.

С. Давайте вернемся к основной линии, в частности к русским в Англии. Вы упоминали Робинсона...

М. Великолепный Генри...

Генри Робинсон был русским евреем, который родился в Германии где-то около 1897 года. Его отец и мать были из России. Он жил в Швейцарии во время войны 1914 года и учился там. В то время он стал коммунистом, поехал в Германию как член Германской компартии, и в конце концов оказался в Москве как руководящий член OMS, что переводится как отдел международных связей Коминтерна. Был в Париже, откуда он руководил группой советских шпионов в Англии, а позже был связан с "Красной Капеллой" в Германии. После того как мы поймали Леопольда Треппера, авторитетного шпиона, он сдал нам всех связанных с ним, включая Робинсона. Мы арестовали его в декабре 1942 года. Когда мои люди осознали, какая большая рыба попалась к ним в сети, мне доложили об этом, и тотчас Робинсон полетел в Берлин. Естественно, он говорил по-немецки, и я допрашивал его три дня пока он не согласился, довольно искренне, работать на меня. Я пообещал ему возможную свободу, покровительство и финансовую поддержку его подруге, с чем также не было проблем. Робинсон был шпионом самого высокого уровня из всех побывавших в моих руках, и моя сделка обещала быть очень ценной для меня и очень плохой для вашей стороны, поверьте мне.

В его квартире в Париже были спрятаны списки его агентов, среди которых наиболее ценен его полный аппарат в Англии, до и во время войны. Знаете, способ, которым Советы руководили сетями своих шпионов, был таков: существовал главный шеф, который знал людей, подчинявшихся ему, низшее руководство не знало друг друга, но только своих подчиненных, и никто из

последних не знал вообще больше никого. Все это на тот случай, если кого-то арестуют, чтобы он не смог выдать все окружение.

С. У вас имеются эти документы?

М. Конечно. Полный набор документов, записных книжек, книг кодов и все такое было отправлено в Берлин одним из моих лучших людей, и я просмотрел их все вместе с Генри за несколько дней.

С. И значит, вы изучили их сеть в Англии?

М. Пожалуй, так. Сейчас у меня здесь часть из этих списков англичан, работавших на Робинсона. Или, по крайней мере, он отвечал за них. Почти никто из них не должен был даже слышать о нем. Они докладывали своим руководителям, которые в свою очередь передавали информацию Генри, который посылал все это в Москву. Обычно он посылал большую часть информации прямо в Швейцарию, и находившиеся там советские агенты отправляли это в Москву. У Сталина не было дипломатов в Швейцарии, и приходилось полагаться на местных агентов. Конечно, в других странах это позволило бы официально распознать коммунистов, их посольства и консульства были не чем другим, как центрами шпионажа и убийств. Советская радиосвязь была печально известна своей ненадежностью. Очень плохая аппаратура, плохая конструкция и полное отсутствие технических знаний. Фактически, это было их единственное слабое место, которое я с радостью использовал.

С. Будете вы так добры, чтобы дать мне имена?

М. Почему нет?

С. Спасибо. (Пауза.) Я не вижу должностей этих людей, генерал, только имена. Некоторых я узнаю, но остальных - нет. Вы можете дать мне что-нибудь еще?

М. Конечно, но всему свое время.

С. Разрешите внести это в запись... Я хотел бы, чтобы вы записали их в алфавитном порядке когда-нибудь.

М. Вы говорите, как моя жена. Успокойтесь, они у вас в кармане. Досье на подходе, но мы не можем потратить целый день на чтение. В другой раз я потрачу неделю, расставляя все по порядку. Вы хотите их расположить по фамилиям или датам рождения? Как насчет размеров их шляп? Сексуальных предпочтений?

С. Теперь вы понимаете, что я имею в виду.

М. Какой же вы правильный и суетливый человек. И я могу отметить, что вы так же играете в шахматы. Предсказуемо. Давайте сюда список и вернемся к вашим нетерпеливым вопросам.

С. Здесь немало выдающихся имен. И это все - агенты?

М. О нет, здесь их немного, большинство - маленькие люди, но раз уж я их вытащил, они ваши и делайте с ними, что хотите. Я думаю, ваши друзья и работодатели поразвлекаются с ними. Да, пока не забыл, могу дать вам немного имен из Швейцарии тоже.

С. Швейцарские агенты?

М. Нет, нет, нет, британские, которые способны повернуться. Обычно я не люблю выдавать людей, которые работали на нас, но тут есть интересный шанс, что вы могли знать эти имена.

С. О боже, только не еще одна из ваших жестоких шуток. Я чувствую себя не готовым к этому сегодня.

М. Слишком много выпили прошлой ночью? Вы не должны пить слишком много этого китайского бренди, мой друг. Вы знаете, его настаивают на полыни.

С. О чем вы говорите? Что вы знаете о моих пристрастиях в выпивке?

М. Боже мой, и в общении также. Вы разве не интересуетесь Востоком?

С. Иногда вы просто несносны.

М. Я знаю. Иногда я просто ничего не могу с собой поделать. Все это проявляется, когда мы меньше всего ждем этого. Мы можем попытаться быть более осторожными. И теперь, когда я осуждал вас за ваши дурные наклонности в запале мести за ваши злобные замечания по поводу того, как плохо я умею располагать в алфавитном порядке, позвольте мне подбросить вам немного имен из прошлого. И не восемнадцатилетних китайцев. Не делайте гримасы. Это вам не идет, и я обижаюсь. Итак, говорят ли вам что-нибудь имена Идж Лесли и Джон МакКэффри?

С. Почему вы издеваетесь надо мной сегодня? Я знал их обоих.

М. Конечно, вы знали. Один - это МИ-6, а другой - отдел специальных операций. Мы перевербовали их обоих с небольшой помощью швейцарцев. Люди покидают дом и думают, что могут позволить себе странное поведение в отдаленных местах без последствий. Извлеките из этого урок и имейте в виду, что ваши пабы кишат нехорошими людьми. Конечно, вы - мой друг, но они не были... по крайней мере вначале. Вы знаете, мы, немцы, не используем сексуальный шантаж так часто, как русские или британцы. Разве не странно, что британцы, которые любят подлавливать дипломатов и прочих носителей информации на сексуальных отношениях, так просто попадают в эти ловушки сами? И, конечно, нам вечно твердили, что британская разведка всегда была лучшей в мире. Я полагаю, вы знаете, что ряд их зарубленных резидентур сделали довольно хороший бизнес перед войной, шантажируя несчастных мечущихся евреев, которые

хотели заполучить английские документы. Я помню скандал, когда кто-то по фамилии Далтон в Голландии был пойман на этом в 1936 году и застрелился. По крайней мере, я верю, что он застрелил себя сам. Это было до того, как Черчилль пришел к власти, вот почему он действительно мог это сделать без посторонней помощи. Я знаю, что те, кто не были врожденными идиотами, были извращенцами в том или другом виде.

Их коды было легко взломать, и поэтому мы знаем, кто является агентом британской разведки. Мы давали этим агентам фальшивую информацию.

Когда "Цицерон" действовал в Турции во время войны, система безопасности в английском посольстве была такой слабой, что мы могли, наверное, развесить по стенам их офиса портреты Гитлера, и никто бы ничего не заметил.

После того как разразилась война, насколько я помню, существовала ужасная "пятая колонна" в Англии с толстым запевалой Черчиллем во главе. Нас обвиняли в том, что мы сбрасывали парашютистов, переодетых монахинями, во Францию, и так далее. И вот после того как мы прогнали британцев с континента, они стали повсеместно арестовывать любого человека с иностранным акцентом и были абсолютно уверены, что над их страной прошел дождь из замаскированных монашек, нищих попрошаек и британских полицейских.

Конечно, "пятая колонна" была прекрасным оправданием ужасного и стремительного военного поражения, которое потерпели Англия и Франция в 1940 году. Плохая подготовка или вообще отсутствие подготовки, слабое командование, недостаток смелости и готовность пуститься в бегство от наших танков так быстро, как только можно, могла быть оправдана только вымышленной армией переодетых агентов, работающих в тыловых районах. Безвинные французские крестьяне были расстреляны просто потому, что они вывешивали свои простыни на границе. Конечно, каждый знал, что это был сигнал для наступления зловещих немцев, переодетых моторизированными монашками.

Я думаю, мы использовали подобный камуфляж единственный раз, когда части абвера, переодетые в голландскую таможенную форму, захватили мост в Голландии. Других примеров я не знаю. Иногда мы сбрасывали ненастоящих парашютистов: пускали манекены, дабы ввести врага в заблуждение, но эти манекены не были одеты монашками или шарманщиками. Мы как-нибудь обсудим использование слухов и паники, но сейчас для этого нет ни времени, ни места.

Однажды я читал документ особой секретности, выпущенный

одним английским управлением безопасности в 1939 году, который утверждал, что безусловно существовали тысячи нацистских шпионов в Англии, замаскированных под нянь, молочников и официантов, только и ждущих того, чтобы вытащить пистолеты из нижнего белья и начать стрелять. Действительно, мы посылали специальные радиосообщения той или другой группе в Англии, используя шифры, о которых было известно, что они раскрыты, и давали, скажем, группе "Роза" приказ взорвать завод Виккерса или группе "Орел" поджечь доки "Индия" в Лондоне. Конечно, там не было подобных групп, зато много беготни вокруг и многие были арестованы из-за этих бессмысленных посланий, но такова игра.

Никогда не говорите, что немцы лишены чувства юмора.

С. Я должен сказать, что ваше собственное чувство юмора не из приятных.

М. Мне нравится разыгрывать. Мы говорим: "Злорадство - всегда лучшая радость". Согласны с этим? Возможно, нет. Не сомневаюсь, вы слишком долго были жертвой, чтобы смеяться над чужими несчастьями. Ну хорошо, возможно, мне следует прийти на наш следующий сеанс одетым монахиней и тогда все будут приветливыми и легкомысленными.

ЗАГОВОР "БЕЛОЙ РОЗЫ"

В начале 1943 года специальная сессия наводящего ужас Германского народного суда была созвана в Мюнхене для слушания дел о государственной измене. Как становится ясно из нижеследующего диалога, Генрих Мюллер играл значительную роль в этом процессе.

М. Мы могли бы поговорить о деле "Белой Розы", если вы хотите, хотя это касалось исключительно внутренних раздоров и может представлять для вас лишь академический интерес.

С. Я знаю кое-что об этом. Дело Шолля и Губера. Листовки.

М. Да и другая пропаганда. Мы знали об этом к середине 1942 года, но нарушители были очень хорошо организованны. Короче, мы не могли найти их нигде. Не слишком приятная перспектива, так ведь? Дело само по себе было довольно простым.

С. Они были пойманы полицейским в университете?

М. Нет, вахтером. Довольно случайно. На самом деле, все это в целом было случайностью. Позвольте мне начать с начала и рассказать вам небольшую предысторию того, как случилось, что я стал связан с этим. Это может потребовать немного времени, так что, возможно...

С. Нет, нет, давайте по порядку. Все, что вы говорите, интересно.

М. Ага. Все интересно, но говорит ли он правду? У меня

имеются некоторые документы обо всем этом, но я говорю, что это академический случай и, конечно, с точки зрения участников, трагедия. Я представляю себе драматурга, пишущего киносценарий на этом материале, и лишенного воображения полицейского типа меня, который является плохим рассказчиком, но начнем.

Это было, насколько я помню, в середине лета 1942 года, когда моя жена обратилась ко мне с просьбой. Она знала, что не должна вмешиваться в мою деятельность, хотя изредка и пыталась получить от меня информацию по тому или другому поводу. Я никогда ничего ей не сообщал, и когда я писал доклады дома, то научился, как Леонардо, писать наоборот, и она не могла прочитать то, что у меня было на бумаге.

С. Вы пользуетесь старинным шрифтом, его очень трудно разобрать. Не так трудно, как у Геббельса, но все же.

М. Она пришла ко мне с просьбой, чтобы я выслушал ее хорошую подругу из Пазинга, женщину, которую она знала с детства. Когда я спросил, в чем дело, Софи сказала, что племянник ее подруги попал в исправительную тюрьму, а подруга знает, что он не виноват.

Я попытался избежать тоскливого разговора, объяснив жене, что не занимаюсь уголовными делами, только случаями политического шпионажа и так далее. Однако это ее не остановило, и она напоминала мне об этом несколько дней, пока я в конце концов не согласился увидеться с ее подругой. Это было намечено на воскресенье, и я могу вас уверить, что я любил помузицировать или почитать книгу в воскресенье вместо того, чтобы слушать длинные истории о семейном горе и несправедливости, постигшей любимого племянника. Несмотря на это, я встретился с женщиной в саду и после лицемерных взаимных приветствий мы сели. Бедная женщина, боясь меня, опустилась на край садового кресла, ее руки были сложены на коленях, словно она ждала, что ее арестуют и закуют в цепи. Я знал, что моя жена ждала, что произойдет, и я придал всему происходящему респектабельный вид и предложил ей чашку настоящего кофе и кексы.

Итак, история, которую она рассказала, была действительно мрачной. Ее племянник, которому еще не было двадцати, член организации "Гитлерюгенд", на хорошем счету и хороший, если не блестящий, студент, был арестован криминальной полицией за то, что украл ценное оружие из коллекции, принадлежащей одному из семьи Виттельсбахов. Вы знаете, это бывшие короли Баварии. Да, эти Виттельсбахи... Приятные люди, но совершенно безумные. Случай представлялся совершенно ясным и

законченным, и я сразу же сказал ей в мягкой форме, что ей лучше заняться делом в рамках судебной системы или, возможно, послать Гитлеру петицию, надеясь на его снисходительность. О, не гримасничайте, он получал их множество и действительно реагировал на некоторые из них.

Тем не менее она продолжала говорить. Отец юноши был убит во Франции в 1940 году, а его матери так стыдно за него, что она не может даже посещать его в тюрьме. Но, несмотря на это, она верит в него и должна видеть раз в месяц. Так трогательно. Я полагаю, она приносила ему сдобные булки, которые охранники имеют на ланч. Такие вот дела. Ее племянник сказал ей во время последнего посещения...

С. Последнего посещения? Они казнили его?

М. За кражу какого-то старого оружия? Я думаю, нет Я имел в виду ее последний визит месяцем раньше. Во время этого посещения он сказал ей, что людей, которые на самом деле украли эти предметы старины, он считал своими друзьями, а они обвинили его, хотя, она сказала мне, он ничего об этом не знал.

Мой бог, если бы я получал по марке за каждую такую историю, выслушанную раньше, я бы уже давно купил прекрасный "мерседес". Но я должен был выглядеть участливым, чтобы моя жена осталась довольна, и женщина продолжала. Друзья был родственниками Вагнера, гаулейтера Мюнхена и старого друга Гитлера. Вот почему, она сказала, судьи запихнули ее драгоценного племянника в тюрьму и позволили настоящим виновникам уйти.

В то время у Вагнера случился удар и он отошел от дел, но Гитлер сохранял за ним место гаулейтера, приказав Гейслеру замещать его на этот период. Я по-прежнему не имел намерения связываться с этим делом, даже если все так и было. Я не люблю вмешиваться в дела, которые не являются моей обязанностью и, кроме того, могут доставить мне неприятности.

Она все продолжала об этом; о несправедливости и о том, как начальству все сходит с рук.

С. Генри Менкен говорил, что не существуем правосудия, потому что люди хотят привилегий, а не равноправия перед законом.

М. Менкен немец или нет?

С. Но...

М. Мы можем продолжить теперь. Я пытался найти способ отделаться от нее, но без грубости, когда она упомянула, почти как мысль, пришедшую в голову слишком поздно, о том, что ее племянник говорил ей. Она сказала ему, что знает мою жену и будет разговаривать со мной. Он, в свою очередь, сказал ей, что

знает о деле "Белой Розы" и знает, кто в этом замешан.

Я от этого подпрыгнул, скажу я вам. Мы знали об этих опасных листовках, призывающих к измене, что рассылались по почте и распространялись в Мюнхене. Мы думали, что здесь замешаны студенты из университета, но там было так много студентов и так мало офицеров гестапо, что это было безнадежной задачей. Листовки, которые были очень антигитлеровскими и антивоенными, по-прежнему появлялись, а университет был моей территорией. И тогда я стал менее безразличным и более профессиональным.

Я всегда ношу блокнот, как вы могли наблюдать, хотя сейчас он в папке из кожи страуса, а в те дни это были просто листочки бумаги в дешевой картонной обложке. У меня было много вопросов к ней, я делал пометки. Это так ее взволновало, что она неоднократно возвращалась к фактам, забыв о бедном племяннике.

Как она сказала, племянник знал людей, связанных с этим делом, но прокурор не захотел его слушать, ведь обвинение ему пришлось бы выдвинуть против родственников Вагнера, и он спешно провел его сквозь судебные коридоры прямо в тюрьму. Я хорошо мог понять желание прокурора не связываться с одним из самых влиятельных, с большими связями партийных чиновников в его области.

Я подумал, что должен вникнуть во все это лично, и записал все факты о листовках, которые она могла мне дать. Меня совсем не заботило старое оружие. Дело состояло в том, чтобы племянник дал мне информацию, которая у него могла быть о листовках и тех, кто их писал, а оружие и его наказание оставить в стороне. Вы знаете, как это бывает. Смутные обещания могли быть даны, а позже их можно забыть. Мы делаем это все время, и, я уверен, вы также.

Она плакала, когда я провожал ее. От радости. Она чувствовала, что я собираюсь открыть врата тюрьмы, словно ангел, освободивший св. Павла из темницы. Моя жена была счастлива переменам, и я смог играть на фортепьяно без помех.

Итак, это становилось официальным делом, по крайней мере на время. Никогда бы не подумал - домашние радости... это не продолжалось очень долго. Во всяком случае, это не то, о чем вам стоит переживать. Здесь должно быть замолвлено слово за монашеское существование, не так ли?

С. Вам непременно надо переходить на личности?

М. Удовольствие для меня, должен сказать. Так на чем мы остановились? Любящая тетушка села на поезд в Мюнхен, и в понедельник я заказал в срочном порядке материалы на

племянника. Хотел бы я знать, что подумал прокурор в Мюнхене, когда от шефа гестапо поступил срочный приказ прислать дело этого молодого человека. Документы пришли к концу недели, и я взял их домой, чтобы не спеша прочитать на досуге. И что я обнаружил? Ничего о листовках. Складывалось впечатление, что кто-то изъял их из дела. Единственным упоминанием о связи с Вагнером была неопределенная ссылка на "некоторые возмутительные утверждения", сделанные заключенным. Так что мы имели лишь опосредованное подтверждение.

Племянник и в самом деле был хорошим студентом, верным, активным участником движения "Гитлерюгенд" и прежде имел незапятнанную репутацию и, я должен сказать, официально доказанную кражу. Не было ничего в его предыстории, что указало бы на то, почему он ворвался в резиденцию Виттельбахов и украл старинное огнестрельное оружие. Насколько я мог заметить, он не интересовался подобными вещами, хотя у него было очень немного денег и его мать жила на маленькую пенсию. У него вообще не было каких-либо пороков. Он не курил и не пил, у него не было постоянной девушки, не имел сексуальных пороков и, я отметил это с интересам, считался хорошим шахматистом. Местный шахматный клуб был единственной организацией, кроме обычной партийной группы, к которой он принадлежал.

Как преданный шахматист, я признаюсь в легкой симпатии к этому человеку, но мой решающий интерес был направлен на листовки. Взвесив все обстоятельства, я решил сам допросить его, для чего решил привезти его в Берлин. И когда последовало распоряжение сделать это, воцарилось оцепенение не только в офисе прокурора, но также и в гаулейтунге.

Я посадил его в один из специальных подвалов для особо важных политических заключенных, с которыми мы бы хотели сотрудничать. Надо сказать, это не обычный неприятный подвал. У него хороший туалет, окно и приличная кровать. Племянничек не мог покидать помещение, но смею заметить, что после шести месяцев в исправительной тюрьме это должно было казаться ему похожим на люкс в отеле "Кайзерхоф". Плюс приличная еда. На следующий день, когда я закончил с некоторыми делами, его привели ко мне в кабинет.

Он выглядел более худым, чем на фотографии, и его бритая голова не красила его, но в остальном он произвел на меня хорошее впечатление: он не раболепствовал, он просто сел на стул перед моим столом и смотрел прямо на меня. Я ценю это в людях. Я начал говорить с ним в достаточно дружелюбной манере. Я думаю, вы знаете, насколько дружелюбным я могу быть

иногда, не так ли?

С. О да, когда вы чего-то хотите или когда вы только что воткнули в меня нож.

М. Я действительно добрый и веселый человек. Когда могу. И, дождавшись, пока я не закончу свою небольшую речь, он сказал, что знает, что меня не интересует его осуждение и что я хотел бы знать о листовках. Поэтому он сказал об этом своей тете, надеясь, что она скажет мне.

Я сказал, что у него было хорошее путешествие, и хороший сон, и если он собирается разыгрывать меня, он почувствует, что не должен был этого делать. Он сказал, что сразу начнет говорить о том, что я хочу услышать. Я оценил четкость и ясность его изложения.

Короче, у него было два друга, с которыми он учился в школе. Один из них - родственник Вагнера, а второй - сын армейского полковника. Обыкновенная школьная дружба, но он был личностью, не похожей на других, и не имел много друзей. Год назад пришла полиция и забрала его по подозрению в краже.

Он говорил в полиции, что ничего не знает о краже, и когда они расспрашивали его, его вдруг осенило, что он видел одну из украденных вещей на стене в комнате своего друга. Тогда перед ним возникла дилемма. Хотя он утверждал, что понятия не имеет о краже, он не мог предать друга. И, к его чести, он хранил молчание до тех пор, пока не узнал, что на него указали именно его прежние друзья, у одного из которых был обнаружен шикарный пистолет. "Это у меня от него", - сказал он, и кто будет сомневаться в словах человека, у которого в политическом мире большие связи? Для меня стало очевидно, что единственной целью полиции и прокурора было осудить этого молодого человека быстро и четко и тогда это дело не привлечет дополнительного внимания.

С одной стороны, адвокат, который знал, где ему намажут хлеб маслом, благоговеющий перед судом, амбициозные полицейские чиновники, с другой молодой человек, который отправился в тюрьму. А тем временем его друзья продолжили высшее образование в безопасной удаленности от линии фронта, получив освобождение от призыва.

Коррупция и несправедливость, конечно, типичны для любого правительства в любое время. Привилегии мистера Менкена, как вы сказали. Я уверен, что вы также имеете подобный опыт в вашей абсолютно свободной стране.

С. Значит, он был невиновен?

М. Он был человеком, который, возможно, будет помогать мне в деле с листовками. Он сказал, что его так называемые

друзья, которые, как выяснилось, были ворами, учились в университете в Мюнхене и знали некоторых студентов, которые, по всей видимости, были втянуты в антиправительственную деятельность. Студенты часто бывают недовольны правительством и его политикой. Вопрос в том, кто были это недовольные люди. Родственник Вагнера тоже принадлежал к ним? Знает ли человек, сидящий напротив меня, подобных людей? Каковы были его связи со студентами Мюнхенского университета? Нет, он никогда не встречал этих людей, или по крайней мере он не был представлен никому, кто был вовлечен в распространение листовок. У него не было денег, чтобы идти в университет, и он работал, чтобы поддержать свою мать, которая жила на пенсию после смерти во Франции мужа.

Он мог бы, конечно, получить ссуду, но его мать настояла на том, чтобы он работал. Она была прекрасной матерью. Как только у ее сына начались проблемы с законом, она отказалась от него.

Но к делу. В университете было огромное количество студентов, и гестапо в Мюнхене просто не могло следить за ними всеми.

Я оценил мой источник информации - я рассматривал его теперь как источник. И наше общение с ним больше походило на разговор, чем на допрос.

Он казался умным, с ясной головой и полный решимости не только не возвращаться в тюрьму, но и отомстить тем, кто его туда отправил.

Я прямо спросил его, станет ли он мне помогать, просочившись в одну из этих студенческих групп, дабы узнать о людях с листовками. Я сказал, что он будет условно свободен и должен будет докладывать обо всем мне и моему человеку в Мюнхене. Как вы понимаете, ректор университета был человеком СС, так что мы без проблем могли определить его в учебное заведение.

Я объяснил ему, что, если он нам поможет, я бы сделал его свободу постоянной, а его судимость была бы аннулирована. Я также сказал, что, если он хорошо справится с работой, я позабочусь о том, чтобы он закончил учебу в университете.

С. Я полагаю, он согласился?

М. Что еще он мог сделать? Но он по-прежнему хотел прояснить некоторые пункты.

Я сказал, что если мы, заметьте, я использовал здесь множественное число... это указывало на мое сотрудничество с ним... если нам удастся доказать, что он невиновен, мы освободим его от судимости, и если мы сможем доказать, что другие виновны, я позабочусь о том, чтобы они были наказаны, но

моим способом, а не его.

Ведь не мог же я нападать на родственников одного из сподвижников фюрера, не так ли?

Короче говоря, он согласился, и когда его волосы немного отросли, мы внесли его в списки учащихся университета. Сначала ему надо было объяснить его друзьям, что он освобожден по амнистии фюрера, потому что его отец героически сражался во Французской кампании. Затем он должен помириться с ними, сделав вид, что поверил их лжи о том, что их били в гестапо, чтобы они обвинили его. Мне приятно отметить, что он был не только общительным со студентами, для этого мы давали ему деньги, но и хорошо успевал на занятиях. Я ценю тех, кто сам движется вперед, поверьте мне. Он держал слово и скоро познакомился с теми, кто был связан с листовками.

Так, он посещал курс философии профессора Губера, гражданина Швейцарии, и начал выступать против правительства, философски обоснуя это. Это привлекло Губера, который в конце концов решил, что мой человек подходит для того, чтобы ввести его в маленький круг активных студентов. Причем, отмечу, что внедриться сверху была его оригинальная идея. Он сказал мне, что в пивных барах Швабинга имя Губера упоминается как духовного и интеллектуального врага правительства и почему бы не начать с него.

В середине февраля 1943 года банда начала разбрасывать по университету пораженческие и изменнические листовки.

В это время наш человек идентифицировал десять или около того конспираторов, но, это довольно забавно, университетский вахтер был одним из тех, кто видел, как они распространяли листовки, и донес на них сразу же. Мы взяли почти всех. Между прочим, эти люди из "Белой Розы" имели прямую связь со Штауффенбергом в Берлине и через него с группой "Свободная Германия" в России.

С. Их всех повесили, насколько я понимаю.

М. Нет, некоторым отрубили голову. Некоторые были очень молоды, и им смягчили приговор и одного вообще отпустили. Как ни странно, это был юный Карнак, чей старший брат был одним из тех, кого я привлек вместе с компанией "Красная Капелла" и который был казнен. Фрайзлер {Рейсхпрезидент Народного суда. - Примеч. ред.} решил, что младший брат достаточно страдал и, кроме того, был политически лоялен по отношению к государству. Его отпустили, другие получили очень легкие приговоры, и некоторые потеряли свои головы в Штадельхайме. В конце концов, это очень быстрый способ умереть. Грязно, но быстро.

С. А ваш фальшивый студент?

М. Неверно: мой настоящий студент. Он прекрасно учился в университете, и я сдержал слово. Все документы его дела были уничтожены, даже последняя фотография и комплект отпечатков пальцев. Вы знаете, что я держу слово, не так ли?

С. Я могу в это поверить. Что произошло с родственниками Вагнера?

М. Родственники? Ох, с теми? Их выбросили из университета, и как-то я определил их в часть СС, которая сражалась на Восточном фронте. Преподал им урок, но он на самом деле был очень коротким.

С. Кончилась война?

М. Они оба погибли в бою. Я не считал необходимым расстраивать фюрера делом Вагнера.

С. Я чувствую некоторую интонацию, генерал, она свидетельствует о том, что их смерть не была неожиданной.

М. Я никогда не сталкивался с такими сомневающимися личностями. Людей-таки убивают на войнах. Кто-то может сказать, что они были неопытными солдатами.

С. Интереса ради, что случилось с информатором? Он помирился со своей матерью?

М. Кто знает? Он пришел ко мне работать позже, и я должен сказать, он один из моих наиболее ценных и верных людей.

С. И сейчас?

М. Вы встречались с ним в субботу вечером. Он сидел за столом через три человека от вас. Вы, припоминаю, обсуждали с ним Канта.

С. Вот тот? Никогда не знаешь заранее, так ведь?

М. Нет, вы нет. Я был единственным, кто помог ему, я сдержал слово. Между прочим, прокурор тоже закончил на фронте, но я не знаю, дожил ли он до лучшей жизни или нет. По крайней мере он понял, что я был недоволен его поведением. И нам не стоит углубляться в дискуссию об отрубании голов студентам университета. Я замечу, что вы в Америке также сажаете людей в тюрьму за измену и без сомнений наклеиваете номер на сиденье электрического стула и запекаете их внутренности. Такой нецивилизованный способ казни людей. Почему не бросать их в кадку с кислотой или, лучше, окунать их туда слегка и ненадолго.

С. Вы случайно не противник смертной казни?

М. Нет, только метода. И, конечно, чтобы быть эффективными, законы должны справедливо применяться, не так ли? Ваши люди любят вешать негров на деревьях или сжигать их, но без суда. Если бы кто-нибудь попытался это сделать в, как вы

любите говорить, варварской Германии, их головы бы слетели, как вареный аспарагус, поверьте мне.

СЛУЧАЙ СТРАННОГО ИНЖЕНЕРА

В многочисленных послевоенных историях содержатся размышления британских писателей о том, что не было функционирующих немецких агентов в Англии и что некоторых таких агентов незамедлительно вынюхивала и уничтожала британская разведка или, еще чаще, их перевербовывали и использовали против их хозяев. В следующем разделе мы увидим, что мечты не делают историю, но делают политиков и издателей счастливыми.

С. Вопрос наших связей с дипломатами нейтральных стран представляет некоторый интерес. Мы очень подозревали во время войны, и я знаю, что британцы тоже, что Германия подкупила ряд этих людей, склонив к передаче информации. Конечно, подобные утечки сводились к минимуму, так как британская контрразведка является лучшей в мире, но...

М. Прежде чем вы прикусили язык, позвольте мне пересмотреть ваше последнее заявление. Конечно, у нас были связи с дружественными дипломатами, и, несомненно, мы получали от них информацию. Один из клерков, имеющий доступ к секретным кодам, из вашего посольства отдал итальянцам копии необычайно щекотливого материала переговоров Черчилля и Рузвельта. После падения Муссолини мы нашли эти документы в итальянских подшивках. Немного позже, конечно, но это продемонстрировало, как эти двое договорились втянуть вашу страну в английскую войну.

С. Дело Кента...

М. Да. Мы использовали дипломатов время от времени. Хотя, и это правда, Англия - общество закрытое и контролируемое полицией - страна, в которую сложно проникнуть иностранцам, я могу показать, что мы справились с внедрением в сталинскую Россию наших агентов и имели очень ценный материал от них. Мы управляли проникновением в Англию германских агентов, но это было позже, во время войны, когда снизилось обеспечение безопасности.

С. У вас было там много людей? И чьи это были агенты? Абвера или СД?

М. Один - это все, что в действительности требуется, если этот один достаточно хорош. И к 1944 году, об этом времени я говорю, команда Канариса отошла от дел. Один агент, с которым я был связан, был великий предатель для нас, хотя этот случай иллюстрирует проблемы сбора и оценки сведений. Мы не так плохи, как англичане, в плане бюрократии и высокомерия, но

даже тогда разведка имеет несколько уровней. Во-первых, агент должен быть способен находить источники ценной информации. Следующий шаг - доставлять эту информацию высшему командованию. Это высшее командование должно оценить информацию и передать ее на следующий уровень. И тогда эти высшие уровни должны действовать согласно этой информации своевременно. Вы согласны с этим?

С. Конечно, но все это довольно стандартно. Ваш агент в Англии был полезен?

М. О да, но с его информацией мы мало что могли сделать К сожалению... Позвольте мне развлечь вас после ланча: надеюсь, вы не уснете от моей длинной истории.

С. Я постараюсь.

М. В первые месяцы 1944 года для нас стало очевидно, что ваша страна отправляет войска и снаряжение в Англию для подготовки к вторжению. У нас были агенты в Галифаксе, наблюдавшие за этим процессом, источники в России, которые помогали, и конечно, нейтральные дипломаты в Англии, они давали нам информацию. Вы не можете думать, что подобные приготовления останутся незамеченными? Итак, Luftwaffe вела воздушную разведку, и у нас была информация, что и Южная Англия, и часть Шотландии наполняются войсками. Вопрос был в том, будет ли нападение начато в Норвегии или во Франции или, возможно, в обеих странах одновременно.

Были связи и с французским Сопротивлением, там у нас были свои люди, и мы все полагали, что Франция будет основной целью, но уверены не были.

Проблема Германии состояла в том, что у нас было слишком много земли и слишком мало живой силы, чтобы защищать ее, и нам приходилось быть весьма осторожными.

На очень высоком уровне (Геринг, Гитлер и Гиммлер представляли этот уровень) было решено, что мы должны получать больше конкретной информации, нежели та, что мы получали, контролируя радиосообщения и ведя аэрофотосъемку. Все иностранные дипломаты находились под пристальным наблюдением. Британцы перлюстрировали их почту и с помощью различных устройств в посольствах слушали их телефонные разговоры Даже с вами.

Так что проблема состояла в том, кого отправить в Англию и как это сделать. Это, была первая часть. Вторая заключалась в том, чтобы застраховать агента должным образом, дабы он мог собирать информацию и передавать ее нам.

По опыту мы знали, что не можем, к примеру, послать агента под видом французского дезертира, так как британцы будут бить

его до тех пор, пока он не признается, что работает на нас, и тогда они либо перевербуют его, либо уничтожат.

В гестапо был мой человек, который идеально подходил для работы в Англии. Он родился в Германии, ребенком был увезен в Соединенные Штаты, пошел там в школу и затем стал учиться на инженера. Он стал военным курсантом и однажды захотел пойти в американскую армию, но, поскольку Рузвельт поощрял ненависть к немцам и поскольку он не был гражданином страны, он не смог сделать этого.

Когда началась война, он вернулся в Германию через Португалию и пришел в гестапо, потому что его дядя был в нашей организации. Я использовал его несколько раз, считал его прекрасным человеком, но он ушел в Luftwaffe.

С. Он был летчиком?

М. Их разведка хотела заполучить его. Люди Геринга пронюхали о нем, и он оказался в центре допросов Luftwaffe в Оберурселе.

С. Мы используем этот лагерь теперь.

М. Да. Я рекомендовал его для работы, и в конце концов он был принят. Я знал полковника Киллингера, который руководил Оберурселем, и все получилось очень хорошо. Мы сделали его офицером инженерных войск, он был снабжен подлинными формой, бельем, ботинками, деньгами, документами и так далее. Идея состояла в том, чтобы его воспринимали как штабного офицера, разыскивающего военных механиков для устранения неполадок военного оборудования и обходящего с этой целью различные лагеря.

С. Как он собирался передавать вам информацию?

М. Мы разработали методику записи информации, ее можно было передавать в Германию по радио высокоскоростным способом. Передача звучала как беспорядочные статические помехи.

У нас было несколько захваченных союзнических самолетов, некоторые из них мы использовали для разведывательных целей. Знаменитые "Летающие крепости"...

С. "Боинг B-17"...

М. Да, да, прекрасный самолет. Те, которые были в состоянии летать, были переданы от техников Luftwaffe в KG 200...

С. Шпионская эскадрилья?

М. Да. И они использовали эти самолеты для заброски агентов. Некоторых на Ближний Восток, некоторых на Средиземноморье, некоторых в Россию и так далее. Во всяком случае, мы снарядили нашего человека...

С. Для протокола, вы могли бы дать мне имя, нет?

М. Никаких имен! Я не изменил своего решения. Я продолжу, и пожалуйста, не задавайте подобных вопросов! Как я сказал, мы снабдили нашего человека всем, он летел над Англией ночью и был сброшен севернее Лондона, где было несколько воздушных баз, которыми пользовались американцы.

Он спустился на парашюте и приземлился в трех милях от цели. Ночные спуски всегда полны помех, но он был проинструктирован, как дойти до базы без неприятностей. Ему приказали держаться подальше от британских мирных жителей, которые имели нюх на шпионов и информировали полицию о каждом незнакомце. Так что приземление было совершено без помех и наш человек достиг базы. Он перепрыгнул через забор, дождался, пока совершит посадку пассажирский самолет, и притворился, что сошел с него. Это прошло без проблем. Согласно его бумагам, он должен был потребовать машину и водителя и отправиться на различные американские базы. На самом деле он был четко проинструктирован: избегать британских баз, так как англичане не любят американцев и не хотят с ними сотрудничать.

С. Я знаю. Я сталкивался с этим много раз. Мы были союзниками, но всегда ощущали скрытую враждебность, смешанную с презрением. Продолжим.

М. Он собрал материал, отправил по радио в Германию и, установив, что вторжение в Норвегию - это ложная тревога, отправился в южные области Англии. Американцы не имели ни малейшего представления об осторожности, личный состав интересовался только сексом и выпивкой. Майору было дано большое количество американских денег, и я уверяю вас, он потратил их дельно.

Теперь у нас были очень точные снимки расположения военных частей, предназначенных для вторжения во Францию, но где и когда - никто не знал. Это был очень большой секрет. Рассматривалась область Кале и Нормандия, но никто не знал точно.

Наш человек выдавал себя за военного инженера и в апреле оказался недалеко от Портсмута на Ла-Манше. Здесь должны были состояться военные учения, в которых принимали участие военные инженеры, и, естественно, он вписался в эту среду. Он быстро узнал, что снаряжение для этих соединений было недостаточным (многое было оставлено, когда его отправляли в Англию, или по ошибке отправлено в Бразилию), и его привлекли к делу, чтобы заново произвести поставки. Они пришли к нему, вы понимаете, так как он был очень способный и блестящий лжец, он был очень важен и нужен в этом маленьком уголке мира.

Он узнал, что будет репетиция высадки на отдаленной части побережья, в местности, которая является точной копией побережья Нормандии. Это было интересно. Учения должны были пройти в течение нескольких дней, на них собирались присутствовать множество генералов, включая Эйзенхауэра и Брэдли. Наш человек установил местонахождение штаб-квартиры, в конце апреля мы послали наши торпедные катера, чтобы нанести максимально возможный ущерб.

Наши лодки потопили три ваших больших корабля, были серьезные человеческие потери. На одном из погибших мы нашли планы, которые указывали на то, что именно Нормандия станет местом высадки союзников. Конечно, для проведения оценки военно-морским флотом все это было передано в их штаб-квартиру, и оттуда Гитлеру и снова в армию, так что прошло много времени и внезапность мы утеряли. Тем не менее эта часть работы была проделана хорошо, и когда вы говорите, что в Англии не было немецких агентов, вы заблуждаетесь. Мы также послали к вам итальянского перебежчика и позволили ему попасть в плен со всевозможной фальшивой информацией. И, конечно, будьте уверены, ему было сказано, что он единственный наш агент. Он был из той породы, кто работает на кого угодно за деньги, так что мы начинили его фальшивыми фактами, как рождественского гуся, и отпустили в Англию. Я узнал позже, что незамедлительно после приземления этот человек ринулся в ближайший полицейский участок, чтобы узнать о вознаграждении.

С. Они расстреляли его?

М. Об этом я не слышал. В любом случае, они больше никого не высматривали. Мы сказали ему шутки ради, что мы высадили агентов в Вашингтоне. Я полагаю, мы задали много работы вашей стране, если, конечно, англичане вам передали, в чем я сомневаюсь.

С. Что было с вашим человеком?

М. Теперь начинается забавная история. Вы понимаете, что он был настолько эффективным (большинство инженеров утонуло), что они дали ему возможность принять участие во вторжении. Простите меня, что я смеюсь здесь, но вы можете представить состояние этого человека. Он приземлился в Нормандии и шел с войсками Соединенных Штатов почти две недели, пока смог прорваться к нашим линиям. Мы чуть не расстреляли его, и я предполагаю, что он до сих пор из-за этого нервный. Мы дали ему медаль, повысили в звании, он хорошо отдохнул на лыжном курорте Luftwaffe в Австрии, вы понимаете: он заслужил все это. И теперь когда я слышу, как невероятно

успешно действовала британская контрразведка, я говорю: чушь! Выдумки победителей - это всегда только шум, в конце концов.

ЕВРЕИ В ПОДВАЛЕ

М. Скажите, когда вы, работая на Геринга, продавали украденные произведения еврейского искусства, что вы думали о Берлине?

С. Это был огромный город, не такой приятный, как Мюнхен.

М. Я согласен с вами. Конечно, как баварец я имею некоторое предубеждение в этом вопросе. Пруссаки лишены вкуса.

С. Мне действительно не по душе ваши наигранные замечания по поводу украденных еврейских произведений искусства.

М. Ай-я-яй, я опять вас обидел? Я полагаю, что пришло время сделать это сегодня. Я должен обижать вас каждый день, и тогда вы чувствуете себя счастливым потом, когда я мил с вами. Украденные? Чепуха. Когда Гитлер собрал вместе всех импрессионистов и свалил все в одну кучу с Клее и Кандинским, толстяк Герман (Геринг) получил огромную их часть. Конечно, я тоже решил взять несколько работ. Моей жене не нравились ренуаровские толстые, монголоидные обнаженные, висевшие в ее очень приличной гостиной, и я взял шесть Моне, одного Мане и несколько маленьких вещей, которые дарил моим бедным родственникам на Рождество. Вы же, с другой стороны, помогали старику Герману распродавать награбленное и не отрицаете этого. Вы ведь понимаете, что у вас не может быть от меня секретов?

С. Нет нужды обсуждать это.

М. Стенографистка знает все. Что вы ей не скажете, я скажу. Итак, если бы вы стали немного лучше играть в шахматы, мы могли бы растянуть эти разговоры на несколько недель, пока не выясним, выбрали ли мистера Трумэна, но вы все равно торговали украденными картинами. И как много вы увезли вашей милой семейке в Америку? Одну? Две? Может быть, три или четыре, только чтобы уберечь их, конечно. Может, пять?

С. Я не брал ничего, если хотите знать.

М. Когда я приеду в Америку, может быть, я приду к вам и увижу, насколько вы в действительности правдивы.

С. Вряд ли, генерал Я останусь здесь, а у вас будут дела в Вашингтоне, которые меня абсолютно не касаются.

М. Может быть, мы где-нибудь встретимся и вы покажете мне свои картины.

С. Я уже говорил: у меня нет картин.

М. Я найду альбомы рисунков фон Гледена, которые мы взяли у Штауффенберга, и вы сможете вырезать все симпатичные

рисунки и повесить на стене. Я полагаю, что ваша семья не будет этому рада.

С. Я не интересуюсь картинами молодых итальянских мальчиков.

М. Может быть, мы найдем молодых китайских мальчиков?

С. Генерал, ради бога, вам непременно надо развивать эту тему?

М. При чем здесь Бог? Скажите, ваша семья знает об украденных еврейских предметах искусства?

С. Слушайте, почему вы так свирепы сегодня?

М. Без особых причин. Какой-то идиот выключил холодную воду на втором этаже, когда я принимал душ сегодня утром, и я чуть не ошпарил наиболее важные части моего тела. Это никого не приводит в хорошее настроение. К слову, один из моих садовников сказал, что видел вас вчера в городе, в кафе, с необычайно уродливой женщиной. Это ваша родственница?

С. Нет, это мой друг.

М. Если у вас такой же вкус в искусстве, то мне следовало бы отдать вам Ренуара, чтобы вы могли заряжаться радостью, рассматривая перед завтраком громадную дряблую задницу. Заметьте, я оказываю вам честь, утверждая, что вы крутитесь около полной женщины, а не тощего, молодого и изнеженного китайского мальчишки.

С. Я сказал: просто друг.

М. Как бы мне это описать? Сложена, как пивной бочонок, волосы пострижены короче, чем мои, и без макияжа. У нее случайно нет татуировок? Наверное, парусный корабль на руке? Может быть, кинжал и череп где-нибудь? Остерегайтесь женщин в мужских ботинках и с татуировками. Она также курит сигары?

С. Это просто моя знакомая.

М. Ладно, у вас слишком хороший, вкус, чтобы танцевать с ней польку на матрасе. Единственный тип мужчин, который захотел бы прийти к ней, это ветеринар. Кроме того, она на шесть дюймов выше вас и сложена как мужик с пивоваренного завода, который доставляет пивные бочки к моему служебному входу. Подумайте об этом, это запросто мог бы быть мужчина с бочками. Нет, ошибка. У нее усы больше. Не сомневаюсь, что она была экскурсоводом по ночной жизни здесь, в Женеве. И поверьте мне, ночное время - единственное время, когда женщине такого типа разрешено покинуть школу для девочек. Вы видели "Девушек в мундирах" или нет?

С. Вы что-то имеете против лесбиянок? Ладно. Мы говорили о Буше...

М. Подделка.

С. Я не уверен. А почему вы уверены?

М. Он какой-то неправильный. Некоторые имеют чутье на такие вещи. Кстати, вы взяли что-нибудь из Клее, когда Герман продавал их?

С. Вам нравится Клее?

М. Послушайте, если бы я когда-нибудь принес один из этих набросков в мой дом, я бы сделал для них обрамление из плиток, чтобы хорошо гармонировало со стенами уборной, где я бы их и повесил. Я думаю, что Гитлер был прав, когда сжигал весь этот мусор. Не работы импрессионистов, но все остальное.

С. Снова антисемитские настроения?

М. Попытайтесь быть веселым. Я говорил о сожженных произведениях дегенеративного искусства, а не о евреях. И кроме того, у нас никто не сжег ни одного еврея. Пока те были живы. Только трупы. А их картины были очень, очень мертвыми, насколько я могу в этом разобраться.

С. Вы знаете, что много евреев было сожжено.

М. Это верно. Обычно у нас были горящие евреи на Кудамм в Берлине каждую пятницу, вечером. После того как все добрые католики заканчивали свой обед, они выходили на улицу и жарили евреев на углях. Маленькие дети помогали с детьми, как вы знаете. Послушайте, не надо глупостей, хорошо? Почти все евреи, которые жили в Берлине до войны, были там же после того, как война закончилась. Если, конечно, вы же первые не убили их бомбами. Я должен рассказать вам действительно смешную историю.

С. Боже, пожалуйста, не надо. Ваш юмор сегодня не из лучших, и у нас есть вопрос для обсуждения.

М. О, позвольте мне поведать вам о евреях в подвале.

С. Пожалуйста, не надо.

М. Это действительно согревающая сердце история о извечной доброте человечества, которая так часто упускалась из виду в те дни. Я начну. Вы знаете, что в Берлине я жил на улице Корнелиуса в очень приличной части города. Вы когда-либо бывали на этой улице?

С. Я не припомню.

М. Это неважно. Однажды служанка соседей сказала моей жене, что ее хозяин прячет евреев в подвале. Это, конечно, считалось серьезным правонарушением. За это можно было и поплатиться. Моя жена рассказала мне об этом, и я сказал, что займусь этим. Я хотел спросить ее, где она хранит ножи на кухне - я-де пойду и сделаю им радикальную хирургическую операцию, но промолчал. С моей женой осторожность - это лучшая часть доблести, поверьте мне.

Итак, в воскресенье я решил исполнить мои обязанности, как надежный часовой государства. Я надел хороший костюм, взял с собой пакет и пошел звонить моим соседям с евреями в подвале.

Это была семья Шальмайер. Он был священником-лютеранином и немного формалистом, но они были соседями, так что я был очень вежливым, когда стучал в дверь. Дочь подошла к двери, и я спросил, дома ли отец. Он вышел в прихожую и выглядел как смерть в черном костюме. Они все приходили в ужас от шефа гестапо, но я должен сказать, что мои соседи были очень хорошо воспитаны. И вот сей добрый человек стоял, и казалось, что он вот-вот намочит штаны. Такой вежливый разговор. "Доброе утро, генерал", - сказал он, а я сказал: "Хайль Гитлер", - просто для того, чтобы он продолжал стоять на цыпочках. Естественно, он ответил в том же роде, мы стояли и улыбались друг другу, как пара обезьян. Я начинал уставать от вида его похожей на баранью физиономии и протянул ему пакет.

"О, мой господин, что это?" - спросил он. "Ну, - сказал я, всего-навсего маленький подарок от меня. Кое-что, я думаю, что вам может пригодиться". Когда люди говорят мне такое, они обычно дарят мне свитер, который выглядит, как если бы он был связан пьяными бабуинами.

С. Что там было? Ордер на арест? Пара наручников?

М. Нет. Одна из тех больших индийских резиновых вещей, которые женщины, курящие сигары, любят называть "дорогой". Что там было? Отгадайте.

С. Что-то ужасное, я полагаю. Человеческая рука.

М. Попытайтесь быть серьезным. Он взял пакет и уставился на него, как будто в нем были кобры. Я сказал ему, чтобы он развернул сверток.

С. Я думаю, что вам вряд ли стоит продолжать.

М. О, не будьте столь чувствительны. Вы всегда выглядите так, как будто только что получили пощечину. Он наконец открыл пакет и продолжал глазеть и глазеть.

С. Очень хорошо, я сыграю в вашу садистскую игру. Что было внутри?

М. Я даже не знаю, надо ли вам говорить. Ладно, возможно, мне следует это сделать, в конце концов. Какой смысл рассказывать хорошую историю, если не заканчиваешь ее надлежащим образом. Там были продовольственные книжки и карточки на одежду. Без них во время войны ничего нельзя было купить.

С. Продовольственные карточки?

М. Да. Когда герр Шальмайер спросил меня, зачем нужны продовольственные карточки, я сказал ему с милой улыбкой, что

они для евреев, которых он прячет в своем подвале. Я был уверен, что бедный человек обделался, и я узнал об этом позже от его дочери...

С. Не так сразу, после завтрака, пожалуйста.

М. Я узнал, что он сидел на полу еще десять минут после моего ухода. Он был уверен, что я вернусь со своими людьми и заберу всю семью. Что до меня, то я надел шляпу и пошел домой, так как хотел переодеться и отправиться трудиться над моим мотоциклом. Вы знаете, что я пользовался мотоциклом? БМВ-Р75. Отличная машина. Мы делаем лучшие мотоциклы, и не было ничего такого, чему бы я радовался больше, чем работе с моторами. Это было моим ремеслом, пока я не ужаснул местных священников, побив всех в Берлине в шахматы, и, возможно, даже имел жареного ребенка на воскресный ланч. Почему вы на меня так смотрите?

С. Это правдивая история?

М. Конечно, да. Это так глупо - выдумывать. Что с вами случилось?

С. Вы это сделали? Вы действительно это сделали или нет? Что с ними стало?

М. С кем? Шальмайерами? Я полагаю, они все еще там, если русские не изнасиловали и не съели их.

С. Евреи. Я имею в виду евреев. Вы их забрали?

М. Конечно, нет. Почему я должен был это сделать?

С. Это было незаконно с вашей стороны. Вы нарушили законы рейха!

М. Противозаконно продавать украденные произведения искусства, а мы совершали по сделке в неделю, в конце концов. Может быть, я должен был сделать из евреев садовых рабов и использовать их для того, чтобы они нажимали на рычаг проклятой газонокосилки, или, быть может, одеть их в костюмы и поставить вокруг как больших карликов под деревьями. Они никого там не беспокоили, и кто я такой, в конце концов, чтобы доставлять старику Шальмайеру неприятности?

С. Что было с их служанкой? Что она сделала?

М. Служанка. Итак, я встретился с ней сразу после всего этого и описал радости женского блока в Равенсбрюке, так что она сразу успокоилась и закрыла рот. Еще одно слово - и оно стало бы последним. Я знаю, кого мне напоминает старая карга, с которой вы вчера были. Одну из женщин Штауффенберга. Мужчины все выглядели странно и многие из них женились на русских женщинах, которые выглядели как то, что вы втыкаете на поле, чтобы отпугивать птиц.

С. Они умерли за ваши грехи.

М. Да ладно вам... только две. Конечно, остальных мы поместили в различные восстановительные центры на свежем воздухе, но, я полагаю, они уцелели. Я не знаю точно, но мне все равно. Мы упрятали почти всех. Мать Штауффенберга обычно часами сидела на корточках в камере, цитируя Шиллера. Конечно, она делала то же самое на свободе, и я действительно не думаю, что она понимала, где находится. Вот почему я питаю отвращение к аристократии. Странного вида люди со смешными именами типа "Вахвах" или "Клампс" (заросли). Цирковые люди. И дети, похожие на лабораторные экземпляры, плавающие в стеклянных банках.

С. Вы действительно ошпарились сегодня.

М. Вначале я говорю вам о вашей сказочной подружке и сержу вас, затем осчастливливаю вас рассказом о евреях в подвале, а теперь вы злитесь, потому что я насмехаюсь над упаднических старыми кроликами со шлейфом титулов и столь же безмозглыми, как черепахи Что у вас есть, кроме фальшивых картин? Как насчет хороших шахмат? Почему не взять их из банка и не сделать мне подарок? Ротшильды никогда не упускали такой возможности, и, поступив так же, вы немного улучшите вашу игру.

С. Вы продолжаете приставать ко мне с подобными вещами? Вы знаете, что я просто не могу пойти в банк и дать вам то, что вы просите. Это должно быть qui pro quo в конце концов.

М. А вы продолжаете приставать ко мне с царскими янтарными гарнитурами. Теперь, когда я продал их вам, вы хотите знать, есть ли у меня еще, не лежат ли сокровища где-нибудь поблизости. Вы иногда бываете таким занудой. Вы хотите отправить янтарь вашей семье?

С. А, вот они где! У вас еще действительно что-то есть.

М. Очень мало, и вы их не получите. С другой стороны, Дюрер великолепно смотрится в моем кабинете, большое вам спасибо. Расскажите мне что-нибудь о вашем президенте Трумэне. Он любит искусство?

С. Вы должны определиться в терминах. Купальный костюм, разрекламированный в газетах, может рассматриваться как искусство, вы знаете.

М. И нет сомнений, вы знаток подобных вещей, также как и репродукций позднего фон Гледена, но Трумэн, разве он не коллекционирует искусство?

С. Я не знаю всех в Америке, и я не знаю Трумэна. Я так не думаю. Он простой человек из сельской местности. Если он любит картины, это должны быть изображения цветов или восхода солнца.

М. Не толстые ренуаровские обнаженные женщины?

С. Мой бог, нет. Его жена никогда не допустит подобных вещей.

М. Если что-то стоит много денег, жены могут закрывать глаза на отвисшую грудь.

С. О ком вы говорите? О миссис Трумэн?

М. Нет, о живописи, вы что, идиот? Если, конечно, вы не имели связи с этой женщиной и не можете обсуждать ее анатомию по личному опыту.

С. Послушайте, мы не можем быть серьезнее и вернуться к делам?

М. Я просто хотел узнать, могли бы мы дать взятку президенту в виде некоторых наших, когда-то украденных, картин, вот и все. Вы сразу же начали обсуждать отвисшие груди жены президента, и я заметил, вы отказались признать, что имели с ней длительные отношения, поэтому мы и не смогли взяться за дело. Могу я дать ему картину или две?

С. Почему бы вам не спросить об этом у него, если он когда-нибудь позволит вам приблизиться к нему хотя бы на милю?

М. Я сначала приму ванну и натру свое тело одеколоном. Не беспокойтесь, держу пари, что я найду возможность встретиться с ним. Если я сначала наступлю в коровью лепешку, возможно, он будет добрее ко мне. Конечно, его жена может обеспокоиться тем, что я оставляю следы на ее коврах. Мне следовало бы рассказать вам о вечеринке, которую устроил Геббельс на острове Лебедя в Берлине. Что за ужасный фарс! Министр изо всех сил старался выглядеть суперэлегантно, чтобы успешно конкурировать с балами Геринга. Прекрасная вилла была наполнена цветами и слугами, оркестры играли, прекрасные девушки в маскарадных костюмах танцевали, и милые фонарики мерцали на деревьях. Конечно, большинство гостей были старыми и стойкими членами партии, они незамедлительно набрались бесплатного спиртного и сильно опьянели. В то время как Геббельс и его привлекательная жена пытались произвести хорошее впечатление на членов дипломатического корпуса и различных выдающихся иностранцев, происходили пугающие сцены за кулисами и пьяные партийные боссы бегали по сцене, пытаясь насиловать хорошеньких девушек. Геббельсу приходилось кричать, чтобы быть услышанным, чтобы перекричать бьющих посуду и орущих Золотых Фазанов. Я пришел по необходимости, и должен сказать, что получил большое удовольствие, любуясь оргией. Это выглядело как встреча венгерского парламента. Скажите мне, такие вещи происходят в Вашингтоне?

С. Люди в Вашингтоне знают, как себя вести.

М. Ладно, мне нравится мое предположение. Я думаю, что многие из ваших сенаторов любят иногда немного выпить. Что происходило в период Рузвельта? Я говорил, что президент был калека, так что я не могу представить себе его гоняющимся за женщиной, которая (судя по ее портретам) выглядит как лошадь задом наперед. Она, его жена, должно быть, остается целой и невредимой где угодно и когда угодно. Есть все же некоторые преимущества в том, чтобы быть уродливой.

С. Миссис Рузвельт не любит мужчин. У меня есть действительно отвратительная история про нее, но мы должны вернуться к работе, пожалуйста.

М. Продолжайте, пожалуйста.

С. Ладно, я слышал это от нескольких достоверных источников, так что полагаю, что это правда. Есть один парень, Джо Лэш. Лидер молодых коммунистов в Америке. Миссис Рузвельт симпатизировала ему...

М. Насколько я знаю, она больше любила его политику...

С. Как я уже сказал... я не перебил вас, нет?

М. Вы бы не посмели. Так простите же мне мою неотесанность. Я никогда не ходил в шикарный колледж.

С. Как я сказал, Лэш ушел в армию и был где-то в западной части Соединенных Штатов в учебном лагере, когда миссис Рузвельт и ее секретарша приехали к нему с визитом вежливости. У него был отпуск, и они ушли на обед, который и закончили наверху, в комнатах отеля. Армия подозревала Лэша в том, что он был профессиональным коммунистом, и они установили микрофон в его комнате. Все шумы были записаны. Сначала кто-то решил, что Лэш занимался сексом с миссис Рузвельт, но, когда это всплыло, после внимательного прослушивания стало ясно, что миссис Рузвельт и на самом деле занималась сексом, но со своей секретаршей. А Лэш был в другой комнате со своей девушкой.

М. А миссис Рузвельт была в постели со своей.

С. ФБР было в шоке! Записи приказали уничтожить, но они не были уничтожены. Один из моих друзей слышал их и сказал, что все это было чрезвычайно смешно.

М. Вы должны устроить для меня - как-нибудь - частное прослушивание. Бог знает, я слышал так много косноязычных хрюканий и громких криков страсти. Мы делали подобные вещи, и я уверен, вам все это известно по личному опыту. Но мы удалились от дела. Мы могли бы оставить в покое тему сексуальных отклонений и продолжить о том, как делаются деньги.

С. Я пытался подтолкнуть вас к этому последние десять

минут.

М. Ваши часы отстают. Я думаю, двадцать.